

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания – 6 номеров в год

Publication frequency – 6 issues per year

Учредитель: Финансовый университет

Founder: Financial University

Журнал входит в первую категорию
периодических научных изданий,
рекомендуемых ВАК для публикации
основных результатов диссертаций на
соискание ученых степеней кандидата
и доктора наук, включен в ядро Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

The Journal is included in the first category
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

Vol. 12, No. 5, 2022

GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ШАТИЛОВ А.Б., кандидат политических наук, профессор, декан Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ПЛЯЙС Я.А., доктор исторических наук, доктор политических наук, председатель Профессорского клуба Финансового университета, Москва, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Алексеев С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», Москва, Россия

Байчунь Ч., доктор философских наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений, Пекин, Китай

Белоконов С.Ю., кандидат политических наук, доцент, научный руководитель Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Борисов Н.А., доктор политических наук, доцент, заведующий Кафедрой теоретической и прикладной политологии, начальник Управления по научной работе, РГГУ, Москва, Россия

Бродовская Е.В., доктор политических наук, профессор Департамента политологии ФСН и МК, директор Центра политических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия

Долгополов Н.М., заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций, Москва, Россия

Елишев С.О., доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии Социологического факультета, МГУ, Москва, Россия

Зубец А.Н., доктор экономических наук, директор Центра социально-экономических исследований Финансового университета, Москва, Россия

Кафтан В.В., доктор философских наук, заместитель руководителя Департамента массовых коммуникаций ФСН и МК по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Лукьянов Ф.А., председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», Москва, Россия

Мацузато К., доктор права, профессор, Токийский университет, Токио, Япония

Мамедзаде И., доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан

Маттес Й., профессор коммуникации, декан Факультета массовых коммуникаций Венского университета, Венский университет, Вена, Австрия

Мелешкина Е.Ю., доктор политических наук, заведующая отделом политической науки ИНИОН РАН, профессор кафедры сравнительной политологии, МГИМО(У) МИД РФ, Москва, Россия

Музашвили Д.З., кандидат философских наук, заместитель декана Факультета социальных наук и массовых коммуникаций по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Осипова Н.Г., доктор социологических наук, профессор, декан Социологического факультета, заведующая Кафедрой современной социологии Социологического факультета МГУ, Москва, Россия

Островский А.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН), Москва, Россия

Полевая М.В., доктор экономических наук, доцент, руководитель Департамента психологии и развития человеческого капитала ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Расторгуев С.В., доктор политических наук, профессор Департамента политологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Силласте Г.Г., доктор философских наук, научный руководитель Департамента социологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Симонов К.В., кандидат политических наук, профессор, руководитель Департамента политологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Трюэль Ж.-Л., доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12, Париж, Франция

Фёдоров В.В., кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия

Цуй Чжэн. кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Центра исследований экономики и политики стран с переходной экономикой Ляонинского университета, Шэньян, Китай

Цыганков П.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заместитель заведующего Кафедрой международных отношений и интеграционных процессов, МГУ, Москва, Россия

Шаповалов В.Л., кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; доцент кафедры политологии, МПГУ; доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Шрейдер В.Ф., доктор политических наук, Депутат Государственной Думы VI–VII созыва

Уилкоккс К., доктор политических наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун, Вашингтон, США

Эскиндаров М.А., доктор экономических наук, профессор, Президент Финансового университета, Научный руководитель, Финансовый университет, Москва, Россия

Южно А.С., кандидат юридических наук, заместитель руководителя Аппарата по взаимодействию с органами государственной власти и правовым вопросам Общественной палаты Российской Федерации, Директор программы Executive MPA, ИГСУ РАНХиГС, Москва, Россия

EDITOR-IN-CHIEF

SHATILOV A.B., Cand. of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

PLYAYS YA.A., D. Sc. of History, Doctor of Political Sciences, Chairman of the Professors' Club of the Financial University, Moscow, Russia

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alekseev S.V., D. Sc. of History, Professor at the Department of History and Historical Archival Studies of the Moscow State Institute of Culture, Chairman of the Historical and Educational Society "Radetel", Moscow, Russia

Baichun Ch., D. Sc. of Philosophy, Professor, Beijing Normal University, Director of the Cultural Center for Sino-Russian Relations, Beijing, China

Belokonev S.Yu., Cand. of Political Sciences, Associate Professor, Academic Supervisor of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Borisov N.A., D. Sc. of Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Head of the Research Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Brodovskaya E.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Director of the Center for Political Studies, Financial University, Moscow, Russia

Dolgopolov N.M., Deputy Editor-in-Chief of Rossiyskaya Gazeta, member of the Journalists' Union of the Russian Federation, member of the Writers' Union of Moscow and the Interregional Union of Writers' Organizations, Moscow, Russia

Elishev S.O., D. Sc. of Sociology, Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Zubets A.N., D. Sc. in Economics, Director of the Center for Socio-Economic Research of the Financial University, Moscow, Russia

Kaftan V.V., D. Sc. of Philosophy, Deputy Head for Research of the Department of Mass Communications, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Lukyanov F.A., Chairman of the Presidium of the Council on Foreign and Defense Policy (SVOP), Editor-in-Chief of "Russia in Global Affairs" magazine, Moscow, Russia

Matsuzato K., D. Sc. of Laws, Professor, University of Tokyo, Tokyo, Japan

Mammadzade I., D. Sc. of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Matthes J., D. Sc. of Political Sciences, Professor of Communication Science, Chair of the Department of Communication, University of Vienna, Vienna, Austria

Meleshkina E.Yu., D. Sc. of Political Sciences, Head of the Department of Political Sciences, INION RAS, Professor of the Department of Comparative Political Sciences, MGIMO(U) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Muzashvili D.Z., Cand. of Philosophical Sciences, Deputy Dean for Research of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Osipova N.G., D. Sc. of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ostrovsky A.V., D. Sc. in Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia

Polevaya M.V., D. Sc. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Rastorguev S.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Sillaste G.G., D. Sc. of Philosophical Sciences, Scientific Supervisor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Simonov K.V., Cand. of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Truel J.-L., D. Sc. in Economics, Consultant on the development of international relations in the Russian Federation and the CIS countries, Vice-President of the Association of Economists Le Cercle Kondratieff ("Kondratieff Circle"), Professor at the Paris-12 University, Paris, France

Fedorov V.V., Cand. of Political Sciences, General Director of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), Moscow, Russia

Cui Zheng, Cand. of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director of the Center for Economics and Policy Studies of Countries in Transition, Liaoning University, Shenyang, China

Tsygankov P.A., D. Sc. of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Deputy Head of the Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Shapovalov V.L., Cand. of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Politology, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Comparative Politology, MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russia

Shreider V.F., D. Sc. of Political Sciences, Deputy of the State Duma of the VI-VII convocation

Wilcox K., D. Sc. of Political Sciences, Distinguished Professor at the Department of Government, Georgetown University, Washington, USA

Eskindarov M.A., D. Sc. in Economics, Professor, President and Scientific Chairman of the Financial University, Financial University, Moscow, Russia

Yukhno A.S., Cand. Sci. of Law, Deputy Head of the Apparatus for Interaction with Government Authorities and Legal Affairs at the Civic Chamber of the Russian Federation, Director of the Executive MPA Program, IGSU RANEPa, Moscow, Russia

ТЕМА НОМЕРА: ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

<i>Воскресенская Н.О., Ялозина Е.А.</i> Проблемы преемственности духовного опыта поколений и анализ их исторически сложившихся моделей в современной российской историографии	6
<i>Зверев А.Л., Матюсова А.И.</i> Личности глав российских регионов: сравнительный политико-психологический анализ	14
<i>Белоконов С.Ю., Косарева А.А.</i> Политико-психологические особенности формирования национально-государственной идентичности у молодежи: историографический обзор	23
<i>Соболева Е.О.</i> Политические страхи современной студенческой молодежи в контексте молодежной политики Российской Федерации.	31
<i>Юрасов И.А., Зябликова О.А.</i> Социосемиотическая специфика православного анекдота и его влияние на религиозную идентичность.	36

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Родачин В.М.</i> Политический процесс: сущность, признаки, классификация.	42
<i>Трошин А.А.</i> Постоптимальные объекты в социальном дизайне: опыт поиска в исторической ретроспективе	50
<i>Митрахович С.П.</i> Эффекты цифровизации как вызовы для эффективности демократии и «массовой политики» на современном этапе	57
<i>Клементьева М.В.</i> Виртуальная среда как жизненное пространство современного человека	63
<i>Власова А.В., Тюрников А.Г., Дронова А.С., Кунижева Д.А., Гукова А.Ю.</i> Феномен доверия в отечественном научном дискурсе.	70

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Кожаринов А.В., Кисляков А.С., Ростовцева П.П.</i> Современные методы и технологии внеаудиторной работы в поликультурных сообществах университетов России.	79
<i>Брега А.В., Осинина Д.Д.</i> Анализ условий и факторов социально-политической устойчивости современного российского государства	88
<i>Кузнецов А.В., Касаткина Е.В.</i> Перспективы создания международного рейтингового агентства с участием России	97
<i>Азаров А.А., Лукушин В.А., Давыдова М.А.</i> Профилизация пользователей цифровых сетей социального недовольства в субъектах Российской Федерации.	105
<i>Точин А.В., Пыжиков Н.С., Чимириц Е.С., Качуровский К.Е., Живалов В.Н.</i> Оценка влияния торгово-экономического сотрудничества Казахстана с Россией, странами ЕАЭС и третьими странами на развитие интеграционных процессов ЕАЭС.	114
<i>Лисенкова А.Д.</i> Основные особенности климатической повестки Партии европейских социалистов	127
<i>Ежов Д.А., Сироткин М.С.</i> Политическая элита Калужской области: анализ структуры.	136
<i>Копусь Т.Л.</i> Традиционный и массовый открытый онлайн-курс «Деловая коммуникация»: перспективы для системы высшего образования	143
<i>Третьякова Г.В.</i> Использование художественных произведений в курсе обучения студентов дисциплине «Иностранный язык (специальный)»	150
<i>Малека Ю.Н., Мельков С.А., Микрюков В.О.</i> Зачем политологам исследовать государственное управление (уточнение авторской позиции в связи с введением в действие новой специальности высшей научной квалификации 5.5.3 «Государственное управление и отраслевые политики»).	155
<i>Мамедов Р.Ш.</i> Последствия снятия санкций ООН и США с Ирака после 2003 года	164

COVER STORY: POLITICAL CULTURE OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

Voskresenskaya N.O., Yalozina E.A. Problems of Continuity of Spiritual Experience of Generations and Analysis of their Historical Models in Modern Russian Historiography.6

Zverev A.L., Matyusova A.I. Personalities of the Heads of Russian Regions: Comparative Political and Psychological Analysis14

Belokonev S. Yu., Kosareva A.A. Political and Psychological Features of Formation of National-State Identity among Young People: Historical Review.23

Soboleva E.O. Political Fears of Modern Students in the Youth's Policy Context in Russia.31

Yurasov I.A., Zyablikova O.A. Socio-Semiotic Specificity of the Orthodox Joke and Its Impact on Religious Identity36

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLED

Rodachin V.M. Political Process: Essence, Attributes, Classification.42

Troshin A.A. Post Optimal Objects in Social Design: Search Experience in Historical Retrospective50

Mitrakhovich S.P. The Effects of Digitalization as Challenges to the Effectiveness of Democracy and "Mass Policy" at the Present Stage57

Klementyeva M.V. Virtual Environment as a Life Space of the Modern Person . . .63

Vlasova A.V., Tyurikov A.G., Dronova A.S., Kunizheva D.A., Gukova A.Yu. The Phenomenon of Trust in Domestic Scientific Discourse70

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

Kozharinov A.V., Kislyakov A.S., Rostovtseva P.P. Modern Methods and Technologies of Extracurricular Work in Multicultural Communities of Russian Universities . .79

Brega A.V., Osinina D.D. Conditions and Factors Analysis of Socio-Political Stability in the Modern Russian State.88

Kuznetsov A.V., Kasatkina E.V. Prospects for Creating an International Rating Agency with the Participation of Russia97

Azarov A.A., Lukushin V.A., Davydova M.A. Profiling of Digital Network Users of Social Discontent in the Regions of the Russian Federation 105

Tochin A.V., Pyzhikov N.S., Chimiris E.S., Kachurovsky K.E., Zhivalov V.N. Assessment of Impact of Trade and Economic Cooperation of Kazakhstan with Russia, EAEU Countries and Third Countries on Development of Integration Processes of EAEU 114

Lisenkova A.D. Main Features of the Climate Change Agenda of the Party of European Socialists.127

Ezhov D.A., Sirotkin M.S. Political Elite of Kaluga Region: Structure Analysis . . . 136

Kopus T.L. Traditional and Mass Open Online Course "Business Communication": Perspectives for Higher Education. 143

Tretyakova G.V. The Use of Fictions in the Course of Teaching Students the Discipline "Foreign Language (Special)". 150

Maleka Yu.N., Melkov S.A., Mikryukov V.O. Why Should Political Scientists Now Investigate Public Administration (Clarification Of The Author's Position In Connection With The Introduction Of A New Specialty Of Higher Scientific Qualification 5.5.3 "Public Administration And Sectoral Policies") 155

Mamedov R. Sh. Consequences of Lifting UN and US Sanctions on Iraq after 2003. 164

**ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

*Международный
научно-практический журнал*
Том 12, № 5 (59), 2022

Главный редактор –
А.Б. Шатилов

Заведующий редакцией
научных журналов –
В.А. Шадрин

Выпускающий редактор –
Ю.М. Анютина

Корректор – **С.Ф. Михайлова**
Верстка – **С.М. Ветров**

Переводчик – **Н.А. Пунтус**

Адрес редакции:

125993, Москва, ГСП-3,
Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6
Тел.: **8 (499) 553-10-74**
(вн. 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru
[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Оформление подписки

в редакции
по тел.: **8 (499) 553-10-71**
(вн. 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru
С.Ф. Михайлова

Подписано в печать 24.11.2022

Формат 60 x 84 1/8.

Объем 19,76 усл.п. л.

Заказ № 1086

Отпечатано в отделе
полиграфии

Финансового университета
(Ленинградский пр-т, д. 51)

© *Финансовый университет*

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**

Head of Scientific Journals

Editorial Department –

V.A. Shadrin

Managing editor –

Yu.M. Anyutina

Proofreader – **S.F. Mihaylova**

Design, make up – **S.M. Vetrov**

Translator – **N.A. Puntus**

Editorial address:

53, Leningradsky prospekt, office 5.6
Moscow, 125993

tel.: **+7 (499) 553-10-74**

(internal 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Subscription in editorial office

tel.: **+7 (499) 553-10-71**

(internal 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

Signed for press on 24.11.2022

Format 60 x 84 1/8.

Size 19,76 printer sheets.

Order № 1086

Printed by Publishing House

of the Financial University

(51, Leningradsky prospekt)

© *Financial University*

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-6-13
УДК 930.23(045)

Проблемы преемственности духовного опыта поколений и анализ их исторически сложившихся моделей в современной российской историографии*

Н.О. Воскресенская, Е.А. Ялозина
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье дан комплексный анализ российской историографии начала XXI в. по вопросам межпоколенческой трансмиссии духовно-нравственного опыта в современном российском обществе. Необходимость иметь обобщенные научные представления о межпоколенческих взаимодействиях определяет актуальность данной работы, так как взаимопонимание между разными поколениями является обязательным условием гармоничного развития социума. При анализе историографии применялись историко-сравнительный и историко-типологический методы, контент-анализ, учитывались данные социологических опросов. В работе выявлены темы, привлекающие наибольшее и наименьшее внимание исследователей, проанализирована источниковая база профильных работ и их исследовательский аппарат; показаны факторы, определяющие, по мнению современных российских авторов, уровень успешности духовного взаимодействия поколений; обобщены научно-практические рекомендации по эффективной межпоколенческой трансмиссии духовно-нравственных ценностей. В практическом отношении материалы статьи могут быть полезны представителям гуманитарных наук и экспертам, работающим в сфере государственного и муниципального управления, социального обеспечения, образования всех уровней. Выводы, сделанные по итогам данного историографического анализа, могут быть использованы при корректировке университетских учебных программ по гуманитарным дисциплинам с целью включения в список обязательных для изучения тех вопросов, освоение которых способно содействовать гармонизации межпоколенческих отношений.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности; историография; конфликт поколений; межпоколенческие коммуникации; молодежь; патриотическое воспитание; семья; старшие поколения

Для цитирования: Воскресенская Н.О., Ялозина Е.А. Проблемы преемственности духовного опыта поколений и анализ их исторически сложившихся моделей в современной российской историографии. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(5):6-13. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-6-13

ORIGINAL PAPER

Problems of Continuity of Spiritual Experience of Generations and Analysis of their Historical Models in Modern Russian Historiography**

N.O. Voskresenskaya, E.A. Yalozina
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article provides a comprehensive analysis of Russian historiography at the beginning of the 21st century on the issues of intergenerational transmission of spiritual and moral experience in modern Russian society. The need to have a generalized scientific understanding of intergenerational interactions determines the relevance of this work, as understanding between different generations is a prerequisite for harmonious development of society. In the analysis of historiography, the methods of historical-comparative, historical-typological, content analysis were used, and the data of sociological surveys were taken into account. The article identifies the topics that attract the greatest and least attention of researchers, analyses the source base of profile works and

* Публикация подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету на 2022 г.

** The publication was prepared on the basis of the results of research carried out at the expense of budget funds for the state targets of the Financial University for 2022.

their research apparatus; shows the factors that determine, according to modern Russian authors, the level of success of spiritual interaction of generations; the scientific and practical recommendations on the effective intergenerational transmission of spiritual and moral values were generalized. In practical terms, the materials of the article can be useful to representatives of the humanities and experts working in the field of state and municipal administration, social security, and education at all levels. The conclusions drawn from the results of this historiographic analysis can be used when adjusting university curricula in the humanities in order to include those issues in the list of mandatory for study, the development of which can contribute to the harmonization of intergenerational relations.

Keywords: spiritual and moral values; historiography; generational conflict; intergenerational communications; youth; patriotic education; family; older generations

For citation: Voskresenskaya N.O., Yalozina E.A. Problems of continuity of spiritual experience of generations and analysis of their historical models in modern Russian historiography. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(5):6-13. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-6-13

Вопросы преемственности поколений и передачи духовного опыта от «отцов к детям» являются принципиально важными для каждого человека и общества в целом — не случайно их анализ исследователи считают одной из приоритетных целей для обеспечения национальной безопасности страны. Значимость проблемы подтверждается и пристальным вниманием к ней со стороны представителей самых разных наук гуманитарного спектра. Как важный и достоверный индикатор уровня заинтересованности общества в разработке этой тематики отметим активное обсуждение этих вопросов в интернете и сотни тысяч просмотров профильных публикаций.

Нами обнаружено более 400 трудов по вопросам преемственности духовного опыта поколений в России, размещенных в 2000–2022 гг. в русскоязычном сегменте интернета. Несмотря на признание научным сообществом исключительной важности этих сюжетов, динамика общего количества публикаций за первые два десятилетия XXI в. носит нисходящий характер: в 2000–2010 гг. опубликовано около 250 профильных работ, в 2011–2021 гг. — немногим более 150. Заметно и изменение формы исследований: в 2000–2010 гг. преобладали научные статьи и монографии, а работ публицистического характера было всего около 5%, в период же с 2011–2021 гг. публицистика составляла уже почти половину всех работ, а количество профильных диссертационных исследований сократилось более чем в два раза. Контент-анализ показывает, что в 2000–2021 гг. наиболее активно изучались внутрисемейные взаимодействия по трансмиссии духовно-нравственных ценностей; факторы, способствующие и за-

трудняющие межпоколенческие взаимодействия; причины и параметры межпоколенческих конфликтов; механизмы передачи духовных ценностей от старших поколений младшим на макро- и микроуровнях; молодежь как особая целевая группа для восприятия накопленного духовного опыта; организация патриотического воспитания молодых россиян.

Семья, выполняя чрезвычайно важные функции по воспроизводству населения и интеграции молодежи в общество, обеспечивая максимально тесное общение представителей разных поколений, играя стартовую роль в формировании мировоззрения молодых людей, является активно обсуждаемой темой в контексте трансмиссии нравственно-культурных ценностей. Исследуются формы и функции современной российской семьи, этапы ее эволюции и перспективы развития, брачно-семейные установки демографически активной части российского общества, эволюция института родительства, проблема разводов, выплаты алиментов: эти обстоятельства жизнедеятельности семьи во многом определяют особенности восприятия российской молодежью духовно-нравственных ценностей, накопленных старшими поколениями [1].

При изучении форм, методов, содержания и эмоциональной составляющей межпоколенческого внутрисемейного взаимодействия авторы фокусируются как на фактах взаимной поддержки и сотрудничества, так и на семейных конфликтах, затрудняющих или делающих почти невозможным транзит духовно-нравственного опыта в рамках индивидуальной семьи. Анализируя факторы, приводящие к конфликтным взаимоотношениям между родителями и детьми и возможные пути их разрешения,

исследователи исходят из предположения, что социализация детей и подростков происходит в условиях, прежде всего, их ценностного взаимодействия со старшими, следовательно, и межпоколенческие конфликты должны изучаться в свете восприятия разными поколениями именно духовно-нравственных ценностей. Отмечается, что одной из наиболее опасных форм внутрисемейных конфликтов становится внутрисемейное насилие, означающее острый кризис межпоколенческих связей. В этих условиях сколь-нибудь успешное восприятие молодежью духовного опыта старших поколений в принципе невозможно [2]. Внутрисемейные межпоколенческие конфликты не просто ухудшают взаимопонимание поколений, но способны понизить его до критически низкого уровня, когда связи между родными людьми обрываются практически полностью. Поиски путей урегулирования семейных межпоколенческих конфликтов рекомендуется рассматривать как актуальнейшую практическую и теоретическую задачу, стоящую перед современным российским обществом.

Межпоколенческие конфликты не ограничиваются лишь микроуровнем — рамками отдельных семей. Это масштабное явление, присущее обществу в целом и известное как проблема «отцов и детей» [3], определяется как тема «вечная»: она настолько важна, что каждое новое поколение хочет ответить на нее по-своему. Анализируя факторы, влияющие на формы и интенсивность межпоколенческих конфликтов в масштабе общества, авторы указывают, в частности, на пессимизм, «вещизм», потребительскую психологию и приходят к выводу, что духовно-нравственные ценности разных поколений во многом зависят от их жизненного опыта, жизненных смыслов и целей. Как следствие, межпоколенческие отношения могут колебаться в диапазоне от полного совпадения взглядов и ценностей до открытого неприятия друг друга [4]. Постоянное воспроизводство в обществе межпоколенных культурных различий есть неизбежный результат естественной смены старших поколений младшими; важно, что «конфликты поколений» связаны, в частности, с отношением к «новациям» и «традициям» со стороны разных возрастных групп. Если новации, предлагаемые молодежью, способствуют укреплению гуманистических ценностей в обществе, то данный «конфликт

поколений» целесообразно рассматривать как конструктивный. Таким образом, для сглаживания межпоколенческого противостояния важно знать потребности молодежи в инновациях, их идеалы, цели. Однако вопрос о том, что знание психологии старшего поколения также есть обязательное условие успеха коммуникации поколений, часто остается за рамками исследований. Отмечается только, что одним из средств для гармонизации межпоколенческих взаимоотношений может быть ресоциализация старших поколений — и то лишь по мере необходимости. Предполагается также, что для формирования у молодых людей моральных принципов, в своих базовых параметрах совпадающих с духовными ценностями старших поколений, необходимо найти их «точки соприкосновения». Одновременно высказано и сомнение в том, что эта задача — по «выращиванию» таких новых поколений, все члены которых будут на «одной волне» со старшими поколениями, одинаково воспримут от них и систему ценностей, и оценки событий национальной и всемирной истории, и ключевые паттерны в отношении к миру — в принципе может быть реализуема: формально единые с точки зрения возраста молодые люди на самом деле не представляют собой однородной общности: они принадлежат к разным семьям, с разными уровнями образования и воспитания их родителей, с различными бытовыми условиями и материальным достатком [5]. Их неравные возможности априори делают нереальным получение однородного и идеального молодого поколения.

Трансмиссия духовно-нравственных ценностей в масштабе общества не может быть исследована без анализа самого общества, которое в России обладает специфическими механизмами социальной самотрансформации и саморегуляции [6], в том числе, и в условиях геополитической неопределенности. В структуре ценностных ориентаций современного российского общества определенное место занимают такие составляющие, как «риск» и «расчет», в той или иной мере присущие различным социально-профессиональным и возрастным группам. Эти параметры следует учитывать при изучении межпоколенческой трансмиссии духовного опыта. Таким образом, исследуется влияние народных традиций и гендерного воспитания на формирование мировоззрения

молодежи, геополитические и этнические корни массового сознания [7], то, «каким» общество видит себя и «как» оценивает результаты своей деятельности. Ученые отмечают, что одной из особенностей российского самосознания является стремление людей к объединению, а высшей формой сплоченности граждан на современном этапе выступает гражданское общество, сам факт существования которого отражает реализованную потребность народа в солидарном обществе и свидетельствует о большом инновационно-реформаторском потенциале современной России. Отказ от атеистической коммунистической идеологии и смена ценностных ориентаций россиян в постсоветский период поставили на повестку дня задачу поиска национальной идеи [8], которая, однако, не решена и к настоящему времени. Данные социологических опросов отображают картину общества, желаемого россиянами, основополагающими принципами которого выступают безопасность и справедливость [9].

Исследователи анализируют сходства и различия в понимании пожилыми и молодыми людьми различных духовно-нравственных ценностей, в том числе, «счастья вообще» и «счастья в старости». Социологический опрос по теме «Пожилые глазами молодых» показал широкий спектр мнений от: «хранители традиций», «знатоки ремесел», «пожилым нужно, прежде всего, доброе слово», «мы мало слушаем советы старших, отсюда и ошибки, конфликты в семье» до: «пожилые — обуза», «...сварливые, капризные, недоверчивые», «брюзжат, ноют», «молодятся не в меру» [10]. Отметим, что работ, посвященных анализу мировоззрения старших поколений, значительно меньше, чем тех, в которых исследуются мировоззренческие ценности российской молодежи.

Молодежь изучается как особая социально-демографическая группа российского общества, имеющая свою специфику. С этой целью разработан понятийный аппарат и методические приемы для классификации и анализа молодежи по «типам» и «возрастам» в соответствии с их половозрастными и социально-психологическими характеристиками. Предполагается, что объективные параметры гендерно-возрастных групп молодежи скоррелированы с особенностями восприятия ими духовного опыта, накопленного старшими поколениями. Изучаются ментальные и поведенческие

стереотипы, характерные для разных молодежных групп и определяющие их взаимоотношения со старшими поколениями; способность молодежи к самоорганизации и самореализации; поставлена тема «атомизации» молодежи как специфической формы социокультурной рефлексии. Авторы, анализируя молодежные поведенческие стратегии и тактики, принятые как «нормы», «отклонения» от них и «сдвиги» [11], подходят к проблеме нравственного состояния разных возрастных и социально-профессиональных групп и отмечают факты деформации духовных ценностей и падение интереса к национальным историко-культурным традициям у части молодежи.

Особым направлением в научных исследованиях российской молодежи в контексте преемственности духовных ценностей является анализ трудностей, с которыми сталкивается часть молодых людей в современном мире. Ученые фиксируют тенденции углубления десоциализации и маргинализации некоторых групп молодых россиян, подвижность их нравственных норм, факты аморальности в их поведении, затрудняющие процессы их социализации; говорят об опасности экстремизма в молодежной среде, указывают на неоязычество как на очевидную, по их мнению, нравственную деградацию его последователей. В исследованиях показано, что подверженность части молодых людей вредным привычкам, таким как наркомания и алкоголизм, самым негативным образом сказывается на их физическом и нравственном здоровье и приводит к устойчивому девиантному поведению [12]. Одним из опасных факторов влияния на социальную позицию и психическое состояние современной молодежи полагается негативное влияние СМИ, которые «намеренно тиражируют на ... культурном пространстве России насилие, вседозволенность, нарушение самых элементарных прав человека», пропагандируют западные ценности, что приводит к деформации нравственных устоев молодежи и российского населения в целом. Ряд исследователей связывают эти негативные факты с процессами глобализации, в которые вовлечена Россия [13].

Исследователи приходят к выводу, что эффективность сглаживания негативных процессов и успех межпоколенческих коммуникаций во многом зависят от того, насколько точны

представления молодых россиян о духовном опыте старшего поколения, о себе как особой социальной группе и своей роли в современном мире. Рассматриваются политические взгляды и целевые установки молодых людей, побуждающие их к участию в общественно-политической жизни страны [14]. Ценностные предпочтения молодежи изучаются в привязке к проблеме ее революционного потенциала и поисков своего места в общественно-политической жизни общества [15]. Анализ политических поведенческих тактик проводится не только в контексте сложившейся у молодых людей системы духовно-нравственных ценностей, но и в разрезе общественных и глобальных процессов в современном мире. Также исследователей интересуют основные причины миграции молодежи за границу. Существует мнение, что одним из следствий интеграции России в мировое сообщество стала утрата российским обществом некоторых важных национальных традиций [16].

В этой связи внимание многих авторов к патриотизму как духовно-нравственному феномену представляется вполне закономерным. Задачи патриотического воспитания молодежи обсуждаются в контексте современного понимания российского патриотизма. Поднимается проблема исторической памяти как условия успешной связи поколений и важнейшей основы воспитания патриотических чувств у молодых россиян. Отмечается, что процесс формирования патриотического мироощущения связан с освоением ими духовных историко-культурных ценностей, накопленных предыдущими поколениями, и может быть наиболее эффективным в случае целенаправленной исторической рефлексии. Авторы ставят вопрос о методах патриотического воспитания в условиях многонационального и многоконфессионального российского общества и отмечают существенную «неодинаковость» различных молодежных аудиторий, выделяя, в частности, значительную специфику работы по патриотическому воспитанию студентов-перфекционистов. Ключевым является и вопрос о том, кто и как осуществляет работу по патриотическому воспитанию молодежи в учебных заведениях, в том числе, в вузах, ведь конечный результат этой работы зависит от уровня профессиональной подготовки молодых людей. Обозначенная как актуальная, эта

проблема пока не проанализирована научным сообществом в должной мере.

Важным направлением в исследовании преемственности поколений, имеющим практическое значение, является анализ исторически сложившихся моделей и методов передачи духовно-нравственных ценностей от старших возрастных групп к младшим. Отметим принципиальную важность этих вопросов: они дают понимание не только того, «что» нужно делать, но и «как» это может быть сделано. К сожалению, им посвящено не так много исследований, как того требует сама тема.

Некоторые авторы отмечают, что задачи по налаживанию межпоколенных коммуникаций для транзита духовно-нравственных ценностей и воспитания патриотического мировоззрения молодежи могут быть успешно осуществлены в учебном процессе, в том числе посредством изучения молодыми людьми определенных книг, рекомендованных им для прочтения с последующим их коллективным обсуждением. Также говорится о значительных возможностях вузовских и межвузовских олимпиад по вопросам духовно-нравственной культуры для привлечения внимания молодежи к традиционным ценностям российского общества. Целенаправленная и систематическая пропаганда достижений отечественной традиционной культуры, осуществляемая, в том числе, посредством организации в учебных заведениях музеев и стационарных и передвижных выставок, также может быть эффективным средством формирования национально-патриотического микроклимата в среде подрастающего поколения. Хороший результат дает и вовлечение молодежи в творческо-экспозиционную и туристско-краеведческую деятельность: участие молодых россиян в работе по сохранению исторического наследия края, реконструкции памятников старины, поддержанию их в порядке, уборке территорий старинных усадеб способствуют формированию у них патриотического мировоззрения [17].

Значительными возможностями для выполнения функции по нравственному воспитанию молодежи обладает семья: знание молодыми людьми своей родословной и чувство гордости за свою семью способны обеспечить требуемую связь поколений. Формирование духовно-нравственных ценностей может осуществляться в рамках продолжения семейных професси-

ональных династий — рабочих и творческих. Важную роль в развитии мировоззрения российской молодежи в духе гражданственности способны играть родительские советы по месту жительства или учебы. Для обеспечения полноценной межпоколенческой трансмиссии духовного опыта рекомендуется также правовое просвещение молодежи; проведение мастер-классов с участием ветеранов (что позволит молодым людям максимально полно перенимать опыт и мастерство старших); организация совместных вечеров и учреждение общих клубов выходного дня для любителей туризма и путешествий; создание возможностей для студентов работать без отрыва от учебы и самостоятельно зарабатывать, что необходимо для преодоления инфантилизма и иждивенческих настроений. Особым случаем считается транзит духовно-нравственных ценностей в неблагополучных семьях, — здесь требуется индивидуальный подход.

Отметим, что организация воспитательной работы с молодежью на базе различных государственных и общественных структур, ее принципы, формы и методы анализируются авторами применительно к разным периодам российской истории. Они указывают, что в советский период российской истории в эту деятельность были вовлечены серьезные организации, в штат которых входили специалисты высокого класса, и данная работа охватывала все возрастные группы молодежи — от октябрят и пионеров до комсомольцев и молодых коммунистов. Итоговые выводы часто делаются не в пользу современной воспитательной работы: высказано мнение, что советские воспитательные модели были более эффективными, чем постсоветские, и в настоящее время в совре-

менной России молодежь предоставлена сама себе и является объектом внимания деструктивных сил [14].

Таким образом, анализ современной российской историографии по вопросам преемственности духовного опыта поколений и их исторически сложившихся моделей показывает, что:

- Исследование данных проблем признается авторами, безусловно, важным с точки зрения национальных интересов России.
- Источниковая база большинства работ и применяемые в них методы анализа соответствуют современным научным требованиям, следовательно, сделанные в них выводы могут рассматриваться как достоверные.
- В работах рассматриваются все ключевые аспекты преемственности духовного опыта поколений. При этом внимание исследователей сфокусировано на вопросе: «Что должно быть сделано?», а поиски ответов на вопрос: «Как это может быть сделано?» часто остаются за рамками анализа.
- Проблема «отцов и детей» носит вечный характер и полностью разрешить ее в настоящее время вряд ли удастся, но можно улучшить взаимопонимание между представителями разных поколений — как на уровне семьи, так и общества в целом, в частности через их совместную деятельность.
- Влияние глобализации и деятельность ряда СМИ, пропагандирующих западные ценности, оцениваются авторами негативно.
- Наиболее важным фактором, способствующим формированию у молодых россиян гражданской ответственности и патриотизма, считается целенаправленная пропаганда традиционных духовно-нравственных ценностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Верещагина А. В., Кабарухина И. А. Кризис традиционной семьи и демографические последствия в России. Ростов-на-Дону: Изд-во РГЭУ «РИНХ»; 2009. 159 с.
2. Сланова А. Ю. Насилие в семье как социальная проблема в современной России. *Дискуссия*. 2015;10(62):127–131.
3. Шанин Т., ред. Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение; 2005. 328 с.
4. Иконникова С. Н. Преемственность поколений. URL: <https://sv-scena.ru/Buki/Tyeoriya-kuljjtury.59.html> (дата обращения: 18.03.2022).
5. Пасовец Ю. М. К социальному портрету российской молодежи: общие черты и региональная специфика имущественного положения. *Социологические исследования*. 2010;(3):101–105.
6. Келасьев В. Н., Первова И. Л. Самоорганизация общества и механизмы ее активизации. *Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки*. 2014;3(35):65–73.

7. Ореховская Н. А. Массовое сознание россиян (геополитические и этнические корни). *Власть*. 2009;(9):73–76.
8. Федоченко С. Н. Политическая антропология как научная основа формирования национальной идеи России. Национальная идея России: материалы Всероссийской научной конференции. 12 ноября 2010 г. М.: Научный эксперт; 2010. 688 с.
9. Мареева С. В. Справедливое общество в представлениях россиян. *Общественные науки и современность*. 2013;(5):16–26.
10. Кесьян И. Преемственность поколений в воспитании молодежи. URL: https://otherreferats.allbest.ru/sociology/00208477_0.html (дата обращения: 18.03.2022).
11. Ковалева А. И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория. *Социологические исследования*. 2003;(1):109–115.
12. Вагин Д. Ю. Поведение молодежи в условиях социально-экономической и духовно-нравственной нестабильности. *Социально-гуманитарные знания*. 2012;(4):143–152.
13. Гриднева С. Н. Формирование национально-патриотического микроклимата подрастающего поколения через пропаганду отечественной культуры, народных традиций и обычаев. *Молодой ученый*. 2017;48(182):318–320.
14. Галкин А. А. Общественное сознание, настроения и политическое поведение: российский вариант. *Вестник Института социологии. Сетевой журнал*. 2015;1(12):12–33.
15. Козлов А. А. Оценки возможных протестных действий молодежи в условиях современного кризиса. *Альманах мировой науки*. 2016;4–3(7):6–8.
16. Кондратьева Н. В. Духовно-нравственное воспитание в современном российском обществе. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/600234> (дата обращения: 10.03.2022).
17. Панова В. Н. Краеведение как средство патриотического воспитания. *Образование и воспитание*. 2015;2(2):43–45.

REFERENCES

1. Vereshchagina A. V., Kabarukhina I. A. The crisis of the traditional family and demographic consequences in Russia. Rostov-on-Don: *Publishing House of the Russian State Economic University “RSEU”*; 2009. 159 p. (In Russ.).
2. Slanova A. Yu. Domestic violence as a social problem in modern Russia. *Discussion*. 2015;10(62):127–131. (In Russ.).
3. Shanin T., ed. *Fathers and children. Generational analysis of modern Russia*. Moscow: New Literary Review; 2005. 328 p. (In Russ.).
4. Ikonnikova S. N. The continuity of generations. Theory of culture. URL: <https://sv-scena.ru/Buki/Tyeoriya-kuljityury.59.html> (accessed on 03.18.2022). (In Russ.).
5. Pasovets Yu. M. On the social portrait of Russian youth: common features and regional specifics of property status. *Sociological research*. 2010;(3):101–105. (In Russ.).
6. Kelasiev V. N., Pervova I. L. Self-organization of society and mechanisms for its activation. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Ser.: Social sciences*. 2014;3(35):65–73. (In Russ.).
7. Orekhovskaya N. A. Mass consciousness of Russians (geopolitical and ethnic roots). *Power*. 2009;(9):73–76. (In Russ.).
8. Fedochenko S. N. Political anthropology as a scientific basis for the formation of the national idea of Russia. The National Idea of Russia: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, November 12, 2010, Moscow: Scientific Expert; 2010;395–407. 688 p. (In Russ.).
9. Mareeva S. V. A fair society in the views of Russians. *Social sciences and modernity*. 2013;(5):16–26. (In Russ.).
10. Kesyian I. Continuity of generations in the education of youth. URL: https://otherreferats.allbest.ru/sociology/00208477_0.html (accessed on 03.18.2022). (In Russ.).
11. Kovaleva A. I. The concept of youth socialization: norms, deviations, socialization trajectory. *Sociological research*. 2003;(1):109–115. (In Russ.).
12. Vagin D. Yu. Behavior of youth in conditions of socio-economic and spiritual and moral instability. *Social and humanitarian knowledge*. 2012;(4):143–152. (In Russ.).

13. Gridneva S. N. Formation of the national-patriotic microclimate of the younger generation through the promotion of national culture, folk traditions and customs. *Young scientist*. 2017;48(182):318–320. (In Russ.).
14. Galkin A. A. Public consciousness, moods and political behavior: the Russian version. *Bulletin of the Institute of Sociology. Network magazine*. 2015;1(12):12–33. (In Russ.).
15. Kozlov A. A. Estimates of possible protest actions of youth in the conditions of the current crisis. *Almanac of world science*. 2016;4–3(7):6–8. (In Russ.).
16. Kondratieva N. V. Spiritual and moral education in modern Russian society. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/600234> (accessed on 03.10.2022). (In Russ.).
17. Panova V. N. Local history as a means of patriotic education. *Education and upbringing*. 2015;2(2):43–45. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Нина Олеговна Воскресенская — кандидат исторических наук, доцент, доцент департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

Nina O. Voskresenskaya — Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-2014-6790>

novoskresenskaya@fa.ru

Елена Алексеевна Ялозина — кандидат исторических наук, доцент, доцент департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

Elena A. Yalozina — Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3459-0008>

eayalozina@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 25.05.2022; принята к публикации 15.07.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 25.05.2022; accepted for publication on 15.07.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-14-22
УДК 323.396;37.035.91;323.37;353.2(045)

Личности глав российских регионов: сравнительный политико-психологический анализ

А.Л. Зверев, А.И. Матюсова

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье представлен сравнительный политико-психологический анализ российских губернаторов, разделенных на две категории: «новички» и «старожилы». Упор сделан на исследовании их личностных особенностей в рамках следующих уровней: когнитивного, аффективного, поведенческого. На каждом уровне изучались определенные личностные компоненты во взаимосвязи с трансформацией института губернаторства, которые позволили затем выявить основные тенденции в его функционировании в условиях современной России. В исследовании использованы политико-психологические методы, позволившие создать личностные профили глав российских регионов. Авторы статьи приходят к выводу о том, что у «новичков» и «старожилых» есть как общие, так и отличительные черты.

Ключевые слова: политико-психологический анализ; личность губернатора; личность главы региона; губернатор-«новичок»; губернатор-«старожил»

Для цитирования: Зверев А.Л., Матюсова А.И. Личности глав российских регионов: сравнительный политико-психологический анализ. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(5):14-22. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-14-22

ORIGINAL PAPER

Personalities of the Heads of Russian Regions: Comparative Political and Psychological Analysis

A.L. Zverev, A.I. Matyusova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article presents a comparative political and psychological analysis of the of Russian governors divided into two categories: “newcomers” and “old-timers”. The article focuses the study of their personal characteristics within the following levels: cognitive, affective, behavioral. At each level, certain personal components were studied in relation to the transformation of the governorate’s institution, which then allowed to identify the main trends in its functioning in modern Russia. The research used political and psychological methods that allowed to create personal profiles of heads of Russian regions. The authors concluded that “newcomers” and “old-timers” have both common and special features.

Keywords: political and psychological analysis; personality of the governor; personality of the head of the region; the governor-“newcomers”; the governor-“old-timer”

For citation: Zverev A.L., Matyusova A.I. Personalities of the heads of Russian regions: Comparative political and psychological analysis. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(5):14-22. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-14-22

ВВЕДЕНИЕ

В течение 30 лет в России происходит постепенная трансформация института губернаторства [1]. В определенный период времени быстро-изменяющиеся условия и политическое расположение сил выдвигают к представителям глав российских регионов новые требования, актуализируя, в зависимости от текущей кадровой политики, то одни, то другие личностные каче-

ства, которые должны быть присущи губернаторам. Среди текущих условий: вызовы внешней политики, определяемые ситуацией на Украине¹, и постковидные ограничения, вводимые

¹ Владимир Путин объявил о начале специальной военной операции в связи с ситуацией в Донбассе. URL: https://www.1tv.ru/news/2022-02-24/421583-vladimir_putin_ob_yavil_o_nachale_spetsialnoy_voennoy_operatsii_v_svyazi_s_situatsiyey_v_donbasse (дата обращения: 26.03.2022).

время от времени в отдельных регионах. Эти условия не могут не оказывать влияния на процессы внутривластных процедур². В связи с новыми реалиями губернаторы российских регионов должны проявлять большую гибкость в выборе модели управления, уметь не только адаптироваться под быстроизменяющиеся условия в своем регионе, но и работать в единой властной вертикали вместе с Президентом РФ. Такие личностные качества, как открытость, гибкость, функциональность, прагматичность актуализируют подобные «вызовы» текущей повестки. Особенно, как уже было сказано, это становится значимым в периоды кризисных ситуаций, когда в политике возрастает роль личности, а вместе с этим и спрос на харизматичных лидеров [2].

Если раньше высшими должностными лицами регионов становились хорошо известные на местах лидеры-хозяйственники [3], которые имели возможность для проведения относительно самостоятельной политики в своем регионе, не согласовывая ее с Федеральным центром, то позднее последним был запущен процесс перераспределения властных полномочий в разрезе Центр-регионы³, в результате чего кадровая политика в отношении губернаторов претерпела изменения. Так, куратором внутренней политики России С. В. Кириенко была создана особая система рекрутинга управленцев: некоторые из будущих губернаторов стали победителями управленческого конкурса «Лидеры России», 36 будущих глав регионов прошли управленческую подготовку в «Школе губернаторов», которая создана на базе ведущих вузов страны (РАНХиГС, ВШЭ и других образовательных центров)⁴. Можно конста-

тировать, что при отборе на должность главы региона важны теперь не только профессиональный опыт в управленческой деятельности и политический вес, но и личностные качества кандидата.

Так, самостоятельных лидеров-хозяйственников можно назвать губернаторами-«старожилами», некоторые из которых до сих пор возглавляют российские регионы уже более двух сроков подряд. Губернаторы-«новички» — это главы регионов, которые управляют субъектами РФ не более двух электоральных сроков.

Все вышеизложенное предопределило цель исследования — выявление личностных особенностей «старожилов» и «новичков» на основании проведения политико-психологического анализа с последующим определением тенденций в специфике работы института губернаторства современной России.

Трудом личностных особенностей глав российских регионов, написанных отечественными исследователями, не так много, что также предопределило проблему исследования. Можно выделить работы Е. Б. Шестопал, И. С. Палитая, А. А. Качанова, Е. П. Добрыниной и др. Изучение политико-психологических особенностей личности тесно связано и с вопросом рекрутирования российской политической элиты (Д. В. Покатов, А. В. Дука, Г. А. Зубарев и др.). Институциональные характеристики губернаторского корпуса изучают А. В. Кынев, Р. Ф. Туровский, А. В. Понеделков и др.

Таким образом несмотря на то, что авторы рассматривают представителей политической элиты в целом, изучая отдельные вопросы (жизненный путь, рекрутирование, психологические особенности и др.), в научной среде до сих пор почти нет работ, посвященных личностным характеристикам отдельных групп губернаторского корпуса России.

ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЯ

Прежде чем проводить сравнительный политико-психологический анализ личностей глав регионов («старожилов» и «новичков»), нами были выделены определенные критерии в рамках когнитивного, аффективного и поведенческого

² Речь идет об обсуждаемом время от времени в экспертном политологическом сообществе возможном регрессивном откате процедуры рекрутирования в губернаторы путем одобрения их кандидатур парламентами, который существовал в период с декабря 2004 по 2012 г., а некоторых республиках — по сей день.

³ К последним изменениям в этой сфере можно отнести Указ Президента РФ от 12.07.2022 № 445 «О внесении изменений в состав Государственного Совета РФ и в Указ Президента РФ от 21.12.2020 № 800 «Вопросы Государственного Совета РФ», согласно которому окончательно ликвидирована должность президента в отношении главы региона. Р. Н. Минниханов, последний, кто был президентом у себя в регионе, стал по этому Указу Главой Республики Татарстан и тем самым утратил свой особый статус в действующем губернаторском корпусе современной России.

⁴ Цифра приводится в соответствии со словами директора Высшей школы государственного управления А. Комисса-

рова на пресс-конференции в РИА Новости «Презентация доклада ЭИСИ «Губернаторы новой волны». URL: <http://pressmia.ru/pressclub/20201215/953026177.html> (дата обращения: 04.03.2021).

уровней личностей политиков (КАП-профиль⁵). Так, были изучены следующие характеристики: на когнитивном уровне — Я-концепция и политические представления; на аффективном уровне — устойчивость к стрессу; на поведенческом уровне — мотивы, стиль межличностных отношений.

Изучение характеристик проводилось разными способами. В первую очередь был использован метод case-study. Мы изучили определенный набор личностных особенностей, упомянутых выше, на примере двух групп губернаторов. Среди «старожилов» рассматривались С. И. Морозов (экс-губернатор, Ульяновская область), А. Д. Артамонов (экс-губернатор, Калужская область), Е. С. Савченко (экс-губернатор, Белгородская область)⁶. Эти политики были выбраны нами в силу того, что у них самый большой электоральный срок управления регионами среди остальных губернаторов. Несмотря на то что они уже покинули свои посты, это не ограничивает исследовательскую задачу. Эти лидеры до сих пор остаются в политической системе, но уже в другой роли, и оказывают серьезное влияние на текущие политические процессы в своих регионах.

Среди губернаторов-«новичков» в качестве case-study были выбраны: А. Л. Текслер (Челябинская область), А. А. Алиханов (Калининградская область), А. С. Николаев [Республика Саха (Якутия)]. Указанные губернаторы являются высшими должностными лицами регионов, каждый из которых относится к определенной специфической группе субъектов РФ.

В частности, Калининградская область была выбрана как модель приграничной региональной территории, Челябинская область — как технически развитый регион России, Республика Саха (Якутия) представляет собой одну из республик РФ, имеющих значимый вес среди национальных этнотерриториальных образований страны.

При изучении компонентов КАП применялись следующие методы: дистантная оценка с отсутствием непосредственного контакта с губернаторами; качественно-количественный

контент-анализ спонтанных текстов политиков; невключенное наблюдение и экспертное глубинное интервью, в том числе, с теми, кто непосредственно работал с главами регионов.

В отдельный блок был вынесен институциональный критерий, который важен с точки зрения понимания того, как изменения в выборной системе актуализировали определенные личностные черты кандидатов на должность главы региона.

В качестве эмпирической базы исследования выступили биографические данные о губернаторах в открытых источниках информации, материалы СМИ, а также аналитические работы центров: ЭИСИ, ВЦИОМ, Инсомар.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Востребованность тех или иных личностных качеств губернаторов актуализировалась в связи с определенными институциональными преобразованиями, проводимыми руководством страны. Так, в период 1990-х гг., по мнению А. В. Кынева и других российских политологов [1, 4], в регионах России правили достаточно независимые, авторитетные руководители-хозяйственники еще советского образца с организаторскими способностями, пользовавшиеся уважением как местной власти, так и Центра. Именно такие качества были присущи губернаторам «первой волны», или так называемым губернаторам-«старожилам». В 2004 г. был принят закон, согласно которому губернаторы стали не избираться, а назначаться, утверждаться в местных legislatures по предложениям Президента РФ. Поэтому «старожилам» пришлось приспособливаться к таким изменениям, ведь больше стала цениться не личность, а лояльность Федеральному центру. Однако, как верно подмечает А. Л. Чирикова, региональные элиты со временем адаптируются к новым политическим реалиям и становятся менее критичными к практикам централизации [5].

В 2012 г. произошли новые преобразования — было принято решение о возврате прямых выборов губернаторов, что, в свою очередь, вновь сделало востребованными личностные характеристики, компетенции, лидерские качества претендентов на должность главы региона. Особенно актуальным это стало для губернаторов-«новичков», среди которых были и «варяги», вынужденные договариваться с населением, завоевывать его доверие и авторитет. Кроме

⁵ Термин введен И. И. Рогозарь-Колпаковой в рамках своей диссертации: «Исполнительное лидерство федеральных министров: влияние личностных особенностей на исполнение роли министра». Дис. ... канд. политич. наук. МГУ имени М. В. Ломоносова. М.; 2011. 199 с.

⁶ Наше исследование проводилось в период с 2019 по 2021 г., когда данные губернаторы еще были действующими главами регионов.

того, глава региона, который раньше не имел к нему отношения, вынужден «балансировать», чтобы не стать «жертвой» в противостоянии действующих на территории субъекта элитных группировок, которые в случаях конфликта способны снижать эффективность государственного управления. От этого также зависит рейтинг губернатора. Рекрутинг «новичков» в основном проводился по принципу построения корпоративной управленческой команды всей исполнительной властной вертикали в стране, направленной на решение задач, поставленных Президентом РФ В.В. Путиным.

В отличие от «новичков», «старожилы» были преимущественно выходцами из своих регионов. Хотя сегодня при рекрутинге на должность губернатора фактор принадлежности к территории стал учитываться меньше (так как глава региона должен уметь адаптироваться ко всем условиям), нельзя оставить без внимания происхождение губернатора, его взаимосвязь с местными элитами и др. [6]. Именно это делает их схожими со «старожилами».

КОГНИТИВНЫЙ УРОВЕНЬ

В рамках изучения когнитивного уровня личности политика нами были проанализированы политические представления о власти губернаторов «со стажем» и «нового поколения». Так, была выявлена существенная разница во взглядах двух групп глав регионов. На политические представления о власти «старожилов» повлиял период их политической социализации, который для 42% губернаторов «со стажем» пришелся на брежневскую эпоху (1970-е гг.). На это же время также пришлось политическое становление и тех из них, кто родился в 1960-е гг., что составляет 33%. В тот период ценилась партийная деятельность, и стать частью элиты можно было, только пройдя все «ступени» власти, иными словами, губернаторы этого поколения представляли власть «через себя», видя себя частью большой властной системы.

Отметим, что 25% губернаторов «старожилов» стали заниматься политикой в период распада Советского Союза. В то время центральная власть была крайне слабой, а регионы, наоборот, довольно автономными и разрозненными. Подобное положение сформировало у глав регионов «со стажем» авторитарные представления о власти. Это подтверждают и следующие цитаты в отношении исследу-

емых нами губернаторов: *«Да, мне кажется, сегодня надо дать больше прав регионам в решении “жизнейских” вопросов. Иногда доходит до смешного, когда полномочия, не имеющие никакого отношения к деятельности федеральной власти, поднимаются на федеральный уровень»*⁷ (из экспертного интервью о губернаторе Ульяновской области С.И. Морозове).

Отметим, что среди губернаторов «новичков» есть те, которые также политически социализировались во времена правления Л.И. Брежнева (41%). В связи с этим мы можем логично предположить, что их политические представления о власти могут быть частично такими же, как у «старожилов». Однако 48 и 11% губернаторов «нового поколения» родились в 1970–1980-е гг. соответственно, и это свидетельствует о том, что их так называемое политическое взросление происходило во времена ограничения губернаторских полномочий, когда деятельность глав субъектов РФ сводилась к служебной и жестко контролировалась Федеральным центром в связи с выстраиванием вертикали власти в стране (см. рисунок).

Поэтому мы можем предположить, что для губернаторов «новичков» власть представляет собой нечто, находящееся вне их среды. Подчеркнем, что власть для них — сильная, ассоциирующаяся, правда, с Федеральным центром, а не с их личностями, как у «старожилов».

В качестве подтверждения этих слов приведем несколько цитат губернаторов «новичков» из экспертных интервью, демонстрирующих их представления о власти: *«Для него власть — это “сильная власть — сильная страна — сильная республика”*» [из личного экспертного интервью о главе Республики Саха (Якутия) А.С. Николаеве]; *«Власть для него демократична, природу власти он, наверное, не понимает, монаршая шапка ему очень тяжела. Он ее все время снимает, уходит в позицию менеджера»* (из экспертного интервью о губернаторе Калининградской области А.А. Алиханове).

Для «новичков» важна поддержка «сверху», со стороны Федерального центра несмотря на

⁷ Губернатор Калужской области А. Артамонов: «Необходимо повысить самостоятельность регионов в решении жизнейских вопросов и ответственность за эти решения». URL: <https://www.interfax-russia.ru/center/exclusives/gubernator-kaluzhskoy-oblasti-b-a-artamonov-b-neobhodimo-povysit-samostoyatelnost-regionov-v-reshenii-zhiteyskih-voprosov-i-otvetstvennost-za-eti-resheniya> (дата обращения: 17.03.2021).

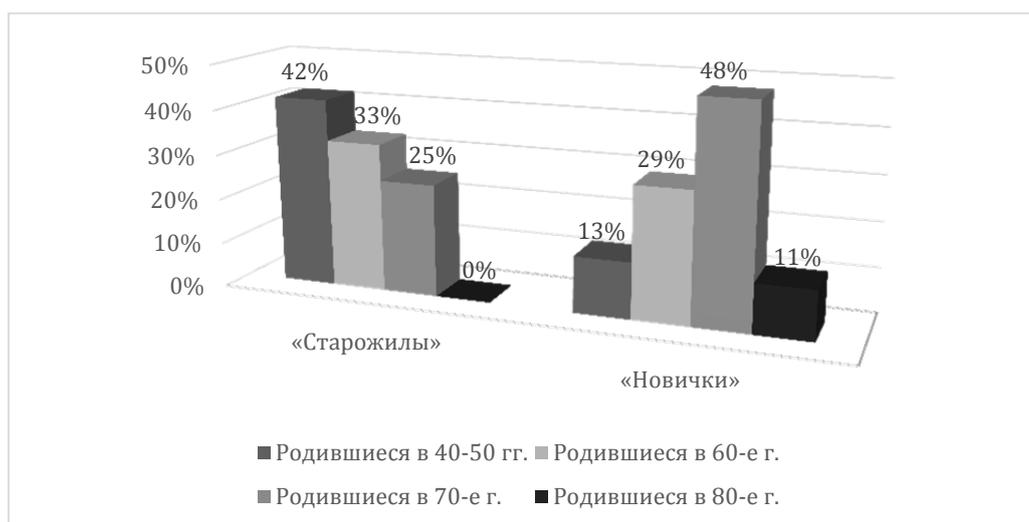

Рис. / Fig. Возраст губернаторов в процентном отношении / Percentage of governors' age

Источник / Source: составлено авторами / compiled by authors.

то, что их избирает население региона. В подтверждение уместно привести цитату А.Л. Текслера о своем избрании: «Доверие Президента всегда почетно. Я воспринял это как новую серьезную задачу, действительно, вызов»⁸. У «старожилов» ситуация обратная: они опираются на поддержку местного населения, которое когда-то избрало главу региона на должность губернатора.

У глав регионов «со стажем» и «новичков» выражено сходство Я-концепций — они являются сложными, что подтверждается тем фактом, что и те и другие стремятся к получению предварительной информации, анализу принятия управленческих решений, а также работают с обратной связью в силу возможности восприятия ими как негативных, так и позитивных сведений. Однако подчеркнем, что чем выше у человека самооценка, тем хуже он реагирует на события и ситуации. Такое поведение характерно для губернаторов-«новичков», что соответствует типу «аполитичные политики», согласно Р. Зиллеру, и подтверждается реакцией на стресс, представленной ниже в рамках аффективного уровня.

В отличие от «новичков», «старожилы» обладают высокой степенью реакции на кризисные процессы. Так, они умеют прислушиваться к чужому мнению. Р. Зиллер считал, что такие

политики («прагматики») имеют наибольший успех в политическом мире. Это подтверждается их нахождением на постах губернаторов не один десяток лет.

Таким образом, можно заключить, что политические представления о власти «новичков» и «старожилов» отличаются так же, как и Я-концепции. Если первые опираются на поддержку «сверху», их Я-концепция обладает высокой сложностью, и они по большей части являются «аполитичными политиками», то для вторых власть ассоциируется с их личностями, а по типу Я-концепции их можно скорее отнести к «прагматикам».

АФФЕКТИВНЫЙ УРОВЕНЬ

В текущих условиях, связанных с пандемией COVID-19 и кризисной ситуацией на Украине, на первое место выходит эмоциональная форма восприятия действительности, когда рациональная оценка происходящего часто может отходить на второй план. Личностный потенциал каждого конкретного участника политических процессов, в том числе губернаторов, в сочетании с его профессиональными характеристиками оказывает влияние на многие кризисные ситуации.

Продолжая заданную тему дискуссии и изучив эмоциональный показатель «устойчивость к стрессу», мы констатировали, что губернаторы «со стажем» максимально собранные в случае чрезвычайных ситуаций, ведь во время управления регионом они не раз сталкивались с трудностями, которые требовали без-

⁸ Интервью губернатора Челябинской области А.Л. Текслера телеканалу «Россия 24»: Алексей Текслер: новая должность для меня — это новая серьезная задача — Россия 24. URL: https://www.youtube.com/watch?v=rQzq4-bwK_U (дата обращения: 17.03.2021).

отлагательного решения, и у них выработалась стереотипная реакция на возникающие неожиданности. Поэтому личности «старожилов» в контексте устойчивости к стрессу характеризуются типом поведения: «Бей!» [7], так как они рассматривают внештатную ситуацию в регионе как вызов и стремятся сразу ее разрешить. В случае с С.И. Морозовым это, например, быстрое устранение последствий взрыва на заводе «Арсенал» в 2009 г. Эксперт подчеркивает: *«Морозов в этих условиях был очень сосредоточен, невероятно спокоен, как сгусток энергии сел в БТР и выехал на место происшествия — в эпицентр взрыва. Он поставил задачу ликвидировать последствия. У людей были выбиты стекла, всем вставили стекла бесплатно в квартирах»* (из экспертного интервью о губернаторе Ульяновской области С.И. Морозове).

В отличие от «старожилов», «новички» не сразу реагируют на стресс в силу недостатка опыта нахождения на посту губернатора, иногда теряясь в подобных ситуациях. Ввиду этого модель быстрой реакции еще не сложилась, и для них она характеризуется форматом «Замри!», что подразумевает, что они ожидают, когда уже будет сформирована готовая схема действия в рамках всей властной вертикали, в которой они предпочитают ориентироваться на роль исполнителя, а не брать ответственность на себя. Это демонстрирует период пандемии COVID-19, когда только после мер, принятых «старожилом» губернаторского корпуса С.С. Собяниным, остальные главы субъектов («новички» в особенности) стали ориентироваться в этом вопросе на столицу⁹.

Таким образом, для «новичков» характерна пассивная реакция на стресс, возникающий в чрезвычайных ситуациях, в то время как «старожилы» воспринимают их как вызов, предпочитая в этих условиях максимально сконцентрироваться и найти быстрый ответ.

ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

В рамках поведенческого уровня у «старожилов» и «новичков» также есть как общие, так и различные черты. У обеих групп ярко выражен мотив достижения. Объяснить это можно тем, что губернаторы «со стажем» стремятся к тому,

чтобы вывести свои территории на передовые позиции по разным отраслям. Например, Калужская область лидирует в автомобилестроении, в новых промышленных технологиях, Белгородская — в сельском хозяйстве, а Ульяновская является лидером авиастроения.

К достижению наилучших результатов стремятся и «новички».

Если судить о мотиве аффилиации, то он, несомненно, ярко выражен у «старожилов», что связано с их стремлением вывести регионы из состояния депрессивных и умением договариваться с партнерами, инвесторами. *«За все годы исполнения моих обязанностей как главы администрации, как губернатора области я ни разу не отступил от данных мной обещаний. Я всегда руководствовался в повседневной работе одними принципами: сотрудничества, солидарности и справедливости»*¹⁰, — утверждает Е. Савченко.

Для губернаторов «новой волны» мотив аффилиации имеет невысокий уровень, что не позволяет им эффективно действовать в кризисных ситуациях.

При всем этом «старая школа» — это, в большинстве своем, уже политики федерального уровня, когда-то избранные жителями, чье расположение они обязаны подкреплять с течением времени, а «новички» — это, скорее всего, менеджеры, т. е. нанятые управленцы, выдвижение которых часто пролоббировано Федеральным центром, поэтому перед ними стоит задача оправдывать ожидания тех, кто проложил им дорогу в региональную политику, а не населения. Причиной описанного стали изменения отношений регион-Центр, о чем уже упоминалось ранее. Федеральные власти не ожидают от «новичков» суверенитета в принятии решений. От «старожилов» же жители регионов ждут нестандартных решений для быстрого изменения их жизни к лучшему.

Стиль межличностных отношений также имеет общие и отличительные черты. И «старожилы», и «новички» являются экстравертами с высоким уровнем доминирования [6], вместе с тем в основе общения губернаторов «со стажем» находятся традиционные, а у «новичков» — формализованные связи. Так, многие эксперты подчеркивали следующую позицию

⁹ Собянин командует регионами: мэр Москвы дал новые установки губернаторам. URL: <https://ura.news/news/1052456587> (дата обращения: 18.03.2021).

¹⁰ Евгений Савченко избран сенатором от Белгородской области. Официальный сайт губернатора и правительства Белгородской области. URL: <https://belregion.ru/press/news/index.php?ID=44162> (дата обращения: 18.03.2021).

в отношении губернатора Челябинской области А. Л. Текслера: «Он всегда держит дистанцию с подчиненными, но при этом ты ощущаешь, что ему не все равно». В этом и заключается преимущественное различие между «старожилами» и «новичками», которые стремятся в коммуникации с подчиненными максимально сокращать дистанцию: «Он вроде бы и держит дистанцию, но при этом может просто подойти и поздравить с днем рождения, просто пообщаться» (из экспертного интервью о губернаторе Ульяновской области С. И. Морозове).

Таким образом, ключевое различие между «старожилами» и «новичками» заключается в их представлениях о власти, что связано с условиями их политической социализации. Кроме того, можно выделить различие в Я-концепциях («новички» — «аполитичные политики», «старожилы» — «прагматики»), что отчасти связано с типом реакции этих двух групп на стресс. Если первые ждут готового решения, то вторые начинают незамедлительно действовать и добиваться того результата, который они считают для этой ситуации приемлемым. Вдобавок к этому, прослеживается разница и в межличностных отношениях, типах мотивации. Однако и те и другие ориентированы на достижения, взаимовыгодное сотрудничество, обладая высокой сложностью Я-концепции.

Таким образом, различий у двух групп губернаторов больше, чем схожих черт. На этом основании можно выделить ряд тенденций, которые отражают специфику функционирования института губернаторства в Российской Федерации. Под тенденциями мы понимаем выявленные признаки развития губернаторского корпуса современной России в целом, полученные в ходе политико-психологического исследования и демонстрирующие, как происходит личностная адаптация глав регионов к изменениям в институте губернаторства.

По итогам проведенного анализа мы можем отметить, что главам регионов присущи:

- **Тенденция проявления открытости** — губернаторы «с опытом» стараются взаимодействовать с жителями с помощью социальных сетей, сохраняя равновесие между Федеральным центром и потенциалом самого региона.

- **Тенденция демонстрации искренности** — выражение соучастия со стороны глав

регионов, особенно «новичков». Можно предположить, что такое проявление является компенсаторной моделью, так как из результатов исследования следует, что губернаторы «новой школы» ориентированы, скорее всего, на запросы не населения, а Федерального центра.

- **Тенденция наличия достаточных компетенций и качественное управление**, заключающаяся в том, что главы регионов проходят дополнительные курсы повышения квалификации (например, «Школа губернаторов»), стремятся к получению второго высшего образования.

- **Тенденция постепенной адаптации к стрессовым ситуациям**, которая позволяет констатировать, что губернаторы «нового поколения» пока слабо реагируют на стресс. Мы предполагаем, что со временем «новички» адаптируются к стрессу, набрав определенный опыт, и у них изменится реакция на него.

- **Тенденция сохранения административного стиля принятия политических решений и мотива достижений**. Она связана с тем, что именно эти личностные особенности являются базой при осуществлении политики рекрутирования в регионах, так как главы субъектов обязаны выполнять задачи, поставленные перед ними «сверху» во властной вертикали КРІ (ключевые показатели эффективности)¹¹. Глава региона с помощью мотива достижений способен умело решать задачи федеральной власти, одновременно удовлетворяя и запросы населения. Административный стиль принятия решений подразумевает, что высшие должностные лица субъектов РФ должны быть амбициозны, сосредоточены, решительны в исполнении своих профессиональных обязанностей.

ВЫВОДЫ

Наше исследование личностных характеристик двух групп губернаторов показало, что у губернаторов «старого» и «нового поколений» есть как общие, так и различные черты. Так, обозначенный нами тренд потери губернатором

¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 04.02.2021 № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».

политической значимости перед населением региона может быть напрямую связан с его личностными качествами. Если губернаторы-«старожилы» ориентированы на достижение сотрудничества и взаимовыгоды, то «новички» демонстрируют низкий процент по мотиву аффилиации, а это отражается и на выстраивании коммуникации с местным населением. Для группы «новичков» также характерны прагматичность и функциональность, что помогает им своевременно выполнять поставленные задачи, ориентируясь на запрос Президента РФ, перед которым они периодически отчитываются о состоянии текущих дел в их регионах. Вместе с тем им не хватает уникальности, которая с избытком присутствует у «старожил».

Кроме того, население, как правило, более доверительно относится к «своему» человеку, которым является губернатор-«старожил». Некоторые «новички» же — «варяги» в своих регионах, что негативно сказывается на их восприятии населением, хотя Федеральный центр старается «предлагать» подходящие кандидатуры с опосредованной связью с территорией.

В подтверждение этой позиции необходимо отметить и выявленную нами тенденцию на соблюдение рабочей дистанции. «Старожилы» стремятся ее сохранять, а «новички» — сократить.

Таким образом, нынешний тренд развития института губернаторства в современной

отечественной политической системе ориентирован, скорее всего, на формирование корпоративной команды во всей властной вертикали страны и эффективное решение актуальных задач, которые ставит перед всей системой власти Президент РФ В.В. Путин, чем на договорные отношения между федеральным Центром и регионами, которые были характерны для института губернаторства в 1990-е гг., когда отдельные главы регионов могли составить конкуренцию политикам из федеральной властной элиты. Сегодня губернаторы по большей мере — нанятые менеджеры, целью которых является обеспечение проведения текущего федерального политического курса по всей властной вертикали в многообразной региональной специфике функционирования страны. Поэтому и критерии рекрутингового отбора, предъявляемые к личностным особенностям будущих глав региона, меняются. Сейчас главными из них являются: открытость к коммуникациям как с представителями федеральной властной элиты, так и с населением; быстрота реакции на актуальные запросы со стороны населения и на изменяющиеся тренды в текущей политической повестке; обеспечение собственного личностного и профессионального роста, раскрывающегося в расширении различных компетенций, способствующих качественному управлению регионом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кынев А. В. Губернаторы в России: между выборами и назначениями. М.: Фонд «Либеральная миссия»; 2020. 1030 с.
2. Weber M. *Economy and society*. Berkeley: University of California Press; 1978.
3. Качанов А. А. Биографическая составляющая политико-психологического анализа губернаторского корпуса в современной России. Дис. ... канд. полит. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова; 2006.
4. Авдонин В., Бри М., Гельман В. и др., ред. *Россия регионов: трансформация политических режимов*. М.: Весь Мир; 2000. 374 с.
5. Чирикова А. Е. Вертикаль власти в оценках региональных элит: динамика перемен. *Полис. Политические исследования*. 2008;(6):99–112.
6. Палитай И. С., Данилова А. С. Региональные руководители нового поколения: результаты политико-психологического анализа. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020;(54):252–262.
7. Хэррис Р. Когда жизнь сбивает с ног. Преодолеваем боль и справляемся с кризисами с помощью терапии принятия и ответственности. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2022. 304 с.

REFERENCES

1. Kynev A. V. *Governors in Russia: between elections and appointments*. Moscow: Liberal mission Foundation; 2020. 1030 p. (In Russ.).
2. Weber M. *Economy and society*. Berkeley; University of California Press; 1978. P. 1132.

3. Kachanov A. A. Biographical component of the political and psychological analysis of the governor's corps in modern Russia. Dis. ... cand. political sciences. Moscow: Moscow State University; 2006. 374 p. (In Russ.).
4. Gelman V., Bri M. et al., eds. Russia of regions: transformation of political regimes. Moscow: Ves' mir; 2000 (In Russ.).
5. Chirikova A. E. Vertical of power in the assessments of regional elites: dynamics of changes. *Polis. Politicheskie issledovanija = Polis. Political studies*. 2008;(6):99–112. (In Russ.).
6. Palitai I. S., & Danilova A. S. Regional leaders of the new generation: results of political and psychological analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija = Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*. 2020;(54):252–262. (In Russ.).
7. Harris R. When life knocks you down. Overcoming pain and coping with crises with the help of acceptance and responsibility therapy. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2022. 304 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Андрей Леонидович Зверев — кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Andrey L. Zverev — Cand. Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Department of Sociology and Psychology of Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-5694-245X>

zveandr@mail.ru

Анастасия Игоревна Матюсова — кандидат политических наук, старший преподаватель департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Anastasia I. Matiusova — Cand. Sci. (Polit.), Sen. Lect., Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3618-3668>

nmatyusova@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.04.2022; принята к публикации 10.05.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.04.2022; accepted for publication on 10.05.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-23-30
УДК 32(045)

Политико-психологические особенности формирования национально-государственной идентичности у молодежи: историографический обзор

С.Ю. Белоконев^а, А.А. Косарева^б

^а Финансовый университет, Москва, Россия;

^б Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Данная статья представляет собой историографический анализ трудов зарубежных и отечественных исследователей национально-государственной идентичности в качестве составляющей идентичности как таковой. Авторами определены наиболее актуальные вызовы, препятствующие формированию национально-государственной идентичности у индивида, рассмотрены такие ее компоненты, как образ врага, образ прошлого, национальные герои, восприятие территории государства, мифотворчество. Сделаны выводы касательно специфики формирования национально-государственной идентичности у современной молодежи. Показано, что идентичность молодого поколения в России носит гибридный и размытый характер, что в условиях как внешне-, так и внутривнутриполитической турбулентности может привести к возникновению у молодежи кризиса идентичности, что, в свою очередь, негативно сказывается на дальнейшей политической социализации индивида, препятствует формированию устойчивой самоидентификации с культурно-ценностными традициями прошлого, а также пониманию своего места и своей роли в государстве. Отдельное внимание авторы уделяют влиянию интернет-коммуникаций на политическую социализацию. Коммуникация в интернет-среде, будучи сетевой по своему характеру, предоставляет больше автономности индивиду в конструировании собственной идентичности. При этом мотивация конструирования виртуальных идентичностей проявляется у индивида тем чаще, чем больше возможность его самореализации ограничена в «офлайн-обществе», что порождает процесс отчуждения социальных групп в молодежной среде.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность; мировоззрение; молодежь; политическая социализация

Для цитирования: Белоконев С.Ю., Косарева А.А. Политико-психологические особенности формирования национально-государственной идентичности у молодежи: историографический обзор. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(5):23-30. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-23-30

ORIGINAL PAPER

Political and Psychological Features of Formation of National-State Identity among Young People: Historical Review

S. Yu. Belokonev^а, A.A. Kosareva^б

^а Financial University, Moscow, Russia;

^б Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

ABSTRACT

This article is a historical analysis of the works of foreign and domestic researchers of the national-state identity as a component of identity as such. The authors identified the most current challenges that prevent the formation of national-state identity in an individual, considered such components as the image of the enemy, the image of the past, national heroes, perception of the territory of the state, mythmaking. Conclusions are drawn about specifics of formation of national-state identity in today's youth. It is shown that the identity of the young generation in Russia is hybrid and blurred, that under conditions of both external and internal political turbulence can lead to a crisis of identity among young people, which, in turn, negatively affects the further political socialization of the individual, prevents the formation of a sustainable identity with the cultural and value traditions of the past, as well as the understanding of their place

and role in the State. Authors pay special attention to the influence of Internet communications on political socialization. Communication in the Internet environment, being network in nature, provides more autonomy to the individual in the construction of its own identity. At the same time, the motivation of constructing virtual identities is manifested in an individual more often, the more possibility of its self-realization is limited in "offline society", which generates a process of alienation of social groups in the youth environment.

Keywords: national-state identity; worldview; young people; political socialization

For citation: Belokonev S. Yu., Kosareva A.A. Political and psychological features of formation of national-state identity among young people: Historical review. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(5):23-30. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-23-30

Актуальность изучения национально-государственной идентичности у молодежи заключается в двух причинах: внешнеполитическом кризисе, связанном с СВО, — на «макроуровне» и поисках новых смыслов и направлений в политической картине мира, сопутствующих молодости (которые Э. Эрикссон называет «психологическим мораторием» [1]) — на «микроуровне». Политическая социализация молодежи в кризисных обстоятельствах как процесс, способный обеспечить лояльность молодого поколения идеям и ценностям российского государства, должна быть одним из приоритетов не только молодежной, но и государственной политики. Здесь можно привести известный афоризм Аристотеля: «все, кто размышлял об искусстве управления людьми, убеждены, что судьбы империй зависят от воспитания молодежи».

Как отмечал К. Маннгейм, в условиях резких социальных изменений молодежь находится в состоянии активного поиска ответов, которые соответствовали бы требованиям новой ситуации, что может стать препятствием для усвоения ими моделей поведения старших поколений [2]. Процесс вторичной социализации, как утверждают П. Бергер и Т. Лукман, подразумевает возникновение проблем с идентификацией, так как перед индивидом встает вопрос о выборе «значимых других», результатом чего становится интернализация их особой реальности [3]. Э. Эрикссон указывал на то, что именно для молодежи как возрастной группы характерен «кризис идентичности». Данное явление на индивидуальном уровне, пишет исследователь, неотделимо от современных индивиду исторических кризисов, так как они являются взаимосвязанными [1].

Обратимся к различным трактовкам понятия «национально-государственная идентичность» в отечественной и зарубежной литературе. Национально-государственная идентичность является одной из форм феномена идентичности как та-

кового. Одним из первых мыслителей, предложивших трактовать нацию через совокупность индивидуальных идентичностей, был Э. Ренан, утверждавший, что нация — это предмет свободного выбора самих потенциальных носителей национальных идентичностей [4]. В целом, современные определения национально-государственной идентичности подтверждают и развивают данный тезис. Так, сербские исследователи З.М. Элэзович и Д.М. Элэзович определяют национальную идентичность как субъективное ощущение индивидом своей принадлежности к нации и целостности с ней, мотивированное его сознательным, свободным и добровольным выбором в совокупности с принятием им наиболее значимых, традиционных для той или иной нации ценностей [5]. Заметим, что всякие теории идентичности, как утверждают П. Бергер и Т. Лукман, всегда включаются в более масштабные теории реальности, из чего следует, что интерпретировать ту или иную теорию идентичности представляется целесообразным только в терминах логики соответствующей теории реальности. «Теории идентичности», в свою очередь, не только отражают субъективную реальность, но и порождают ее, влияя на сопутствующие представления индивидов, в связи с чем могут быть использованы «теоретизирующим персоналом» в угоду интересам той социальной группы или того института, которые этот «персонал» представляет [3]. Данный тезис находит подтверждение в определении национально-государственной идентичности, данном В.В. Титовым, считающим, что это «устойчивая взаимосвязь человека с национальной общностью, репрезентацией которой выступает образ “мы” как воображаемого сообщества, поддерживаемая посредством института государства и политико-культурной традиции государственности» [6]. Как замечал автор концепции нации как воображаемого сообщества Б. Андерсон, чувство общности, возникающее у граждан одной и той же нации,

может поддерживаться вне зависимости от того, что большинство из них никогда не слышало о своих «собратях по нации» [7]. При этом Андерсон указывает, что именно это братство на протяжении истории позволяло и позволяет многим людям добровольно умирать за столь ограниченные продукты воображения. Не последнюю роль в становлении того образа государства, за которое индивид готов жертвовать собой, играют мифы. Исследователь Р. Нибур, например, обращает внимание на то, что «неконтактная общность национального или субнационального уровня» невозможна без наличия системы мифов [8]. Мифы, являясь иррациональными по своей природе конструктами, в отличие от логически сформулированных постулатов той или иной идеологии, формируют политический имидж государства и обуславливают притязания того или иного государства на его положение на международной арене, становясь, как писал Л. Беннет, «линзой восприятия» [8]. Философ Э. Кассирер в книге «Миф о государстве» указывал на двойственную природу возникновения мифа: с одной стороны, он, возникая в ситуации общественного кризиса, является продуктом массового сознания, с другой стороны, в XX в. политические мифы становятся результатом целенаправленного идеологического производства [9].

Например, для России и в имперский, и в советский периоды было характерно использование мифа об «особом пути» государства, что подробно описано в монографии Д. Я. Травина [10]. На сегодняшний день данный политический миф также поддерживается в сознании граждан различными аспектами государственной политики. Как замечает Е. В. Бобровская, российский миф об «особом пути» был вплетен в «ментально-когнитивные структуры, отражающие декларируемую идеолого-ценностную основу реализуемой государственной политики» [11].

Целью данной статьи является рассмотрение различных подходов и особенностей формирования национально-государственной идентичности молодого поколения через следующие факторы: образ врага, образ прошлого, восприятие территории государства и национальные герои. На наш взгляд, нынешняя внешнеполитическая ситуация создает особый спрос государства на солидарность граждан с проводимой им политикой. Сегодня формированию устойчивой национально-государственной идентичности молодежи, на наш взгляд, препятству-

ют определенные вызовы. Первым является то, что В. В. Спасенников и Г. Ф. Голубева называют отсутствием у системы высшего образования ориентаций на формирование у студентов национальной идентичности, а также потребности в поддержании родного государства в условиях геополитических конфликтов [12]. Заметим, что исследования Е. Б. Шестопаля показывают, что из всех возможных агентов политической социализации в России, как и в СССР, наиболее влиятельным является семья: «ни школа, ни учителя или учебники, ни официальные СМИ или политические партии не играют той роли, которую им приписывают исследователи политической социализации» [13]. Второй вызов связан с тенденцией ухода молодого поколения от политической действительности, что способствует становлению «гибридной» идентичности российской молодежи: «в такой конструкции государство занимает приоритетное положение, но при этом представляется молодым россиянам как “черный ящик”, наполненный многочисленными ресурсами и обязанный “решать проблемы” всех вместе и каждого в отдельности, непрерывно “мотивировать” граждан на проявление активности в различных общественных сферах, включая политическое участие» [14]. Третьим вызовом в формировании национально-государственной идентичности у молодого поколения является такое следствие процесса глобализации, как «размывание границ» национальных государств, что не может не сказаться на специфике процесса идентификации. Постепенно национально-государственная, как и предшествующие ей региональная и этническая идентичности заменяются в сознании молодежи глобалистскими по своему происхождению виртуальными идентификационными конструктами [14]. Не последнюю роль в генерации культурных кодов и смыслов, на базе которых формируется виртуальная идентичность, играют социальные сети. Слабо регулируемое институтами государства или гражданского общества воздействие технологий интернет-коммуникаций на общественное сознание путем различных манипуляций с контентом может способствовать тому, что граждане в определенной ситуации сделают выбор в пользу неконвенциональных форм политического участия [15].

Обозначив ключевые проблемы, препятствующие процессу формирования национально-государственной идентичности, рассмотрим

составляющие ее компоненты и их проявление в сознании молодого поколения.

Образ врага. Образ чужого как важная характеристика национально-государственной самоидентификации был подробно изучен С. Хантингтоном [16] и И. Нойманном [17]. Значимый вклад в изучение феномена идентичности через такой ее аспект, как ингрупповой фаворитизм и аутгрупповая дискриминация, внес автор теории социальной идентичности Г. Тэджфел. Он совместно с коллегами Дж. Тернером и Р. Брауном провел эксперимент [18], в ходе которого школьникам предлагалось распределить сумму денег между двумя другими участниками эксперимента. Результаты исследования показали, что межгрупповая дискриминация поддерживается в условиях, где аффилиация индивида с членами ингруппы минимальна, членство в группе анонимно и в группе отсутствуют конфликты интересов как и предпосылки к межгрупповой вражде [19].

Идентичность любого общества, как известно, строится на двух основаниях: ценностях, которые спланируют общество и образе «другого», по отношению к которому данное общество самоопределяется. Исследуя российские школьные учебники 1990-х гг., американский политический антрополог Дж. Верч выявил, что для описания ключевых исторических событий в них воспроизводится нарратив «победы над враждебными силами» [20], что с детства закладывает в сознание индивида необходимость наличия врага или чужого, которому «мы» должны противостоять. Худшим вариантом формирования идентичности через образ «другого» может стать формирование собственной идентичности на основе дихотомии «мы»-«они». Такая модель идентичности, по мнению А. В. Селезневой, может стать доминирующей в случае, если общество или отдельные его институты не могут предложить адекватных смыслов для самоопределения в качестве «мы» [21]. Т. В. Евгеньева отмечает, что для идентификации через образ «другого» или образ «врага» характерны [22]:

- приписывание всем действиям врага в прошлом, настоящем и будущем намерения разрушить «нас»;
- объяснение любых неблагоприятных обстоятельств происками недружественных сил;
- отождествление врага со злом, стремящимся уничтожить «наши» ценности, а потому подлежащим уничтожению;

- мышление по принципу «игры с нулевой суммой»: то, что хорошо для врага, плохо для «нас», и наоборот;

- стереотипизация и деиндивидуализация любого, кто принадлежит к группе врага;

- отказ от эмпатии по отношению к врагу вне зависимости от наличия фактов, способных доказать обратное.

Ситуация ценностно-идеологического вакуума, возникшая после распада СССР, в которой, в том числе, оказалась российская молодежь, в целом создает благоприятную почву для негативной идентификации через образ врага [22]. Образ врага в сознании исследуемого поколения В. В. Титов определяет через следующие подходы: ценностный (оценка международных и локальных социально-политических вызовов как враждебных), этнический (возвышение собственной этничности по сравнению с другими) и геополитический (восприятие в качестве врага отдельного государства или международных организаций). При этом автор указывает на двойственную картину образа геополитического врага, где малым врагом считается исламская цивилизация, а большим — коллективный Запад [23].

Национальные герои. Создание и культивация образа героя в контексте формирования идентичности важны по следующим соображениям: во-первых, создание пантеона национальных героев является одним из наиболее эффективных способов формирования нужных государству социальных установок; во-вторых, выделение тех или иных исторических личностей в качестве национальных героев помогает сделать выводы об усредненном портрете идеального гражданина России, чертах его характера и типе личности, что, в свою очередь, может послужить материалом для понимания ценностных ориентаций российских граждан. Важно учитывать, что эффективность данного механизма в формировании идентичности зависит от особенностей восприятия идеи героизма среди населения страны [24]. В случае современного молодого поколения героизм как идея практически обесценен: «современная молодежь — это первое поколение, у которого нет героев, но есть кумиры» [25]. При этом основными площадками по предоставлению молодежи образов героев являются интернет, кино и телевидение: более 50% названных в качестве героев персоналий — из сферы СМИ, в то время как история, литература и семья оказывают незначительное влияние на

представления об образе социально положительного героя.

Территориальный аспект формирования идентичности. Восприятие пространственного изменения государства является важным фактором соотношения «я» с нацией как политическим сообществом. Результаты исследований показывают, что среди возможных символов России значимостью для молодых россиян обладают размер ее территории и место в мире, в то время как идеальное будущее ассоциируется в их сознании с возвращением ей статуса великой державы и расширением ее границ, а не с собственными успехами и не с уровнем развития страны [21]. При этом символическое пространство территориального образа страны Н.В. Смутькина характеризует как «пустое»: молодежи трудно описать, какими пределами ограничивается Россия [25]. При этом молодые люди рассматривают государство Россия преимущественно как самостоятельную структуру, не нуждающуюся в интеграции в надгосударственные образования по типу международных организаций [23].

Образ прошлого как компонент национально-государственной идентичности формируется в рамках политики памяти, которая представляет собой деятельность, направленную на закрепление в сознании масс того или иного образа прошлого с помощью культурной инфраструктуры и политики в области образования [27]. Историческое сознание как форма идентичности состоит из двух частей: одна основана на принятии традиций и эффективности идеологического воздействия на массовое сознание, другая представляет собой совокупность интегрированных личностью в систему ценностных ориентаций личного социального опыта и общественных норм, усвоенных в ходе социализации [28]. Конструирование национально-государственной идентичности у молодежи через технологию «торговли страхом», когда образ прошлого предлагается в качестве альтернативы настоящему, как замечает В.В. Петухов [29], является бесперспективным. Связано это с тем, что характерной особенностью нынешнего поколения является слабовыраженный интерес к прошлому страны. Следствием данного факта является то, что Н.В. Смутькина описывает как восприятие российского политического процесса в «бесконечно длящемся настоящем» [26].

Таким образом, мы можем констатировать, что формирование национально-государствен-

ной идентичности у современной молодежи во многом происходит с помощью институтов первичной социализации. Анализ различных компонентов национально-государственной идентичности у молодежи позволяет нам сделать следующий вывод касательно данной социальной группы:

- современному молодому поколению в большинстве своем присуща «размытая идентичность», которая в условиях социально-политических потрясений может привести к тому, что ценности российской государственности, с одной стороны, воспроизводимые предыдущими поколениями и, с другой стороны, конструируемые политическим истеблишментом, будут вытеснены ценностными конструктами иного характера;

- влияние наиболее распространенной среди молодежи интернет-коммуникации, характеризующейся оперативностью, отсутствием непосредственного восприятия партнера/оппонента, анонимностью, затрудненностью эмоционального окрашивания сообщений, позволяют создавать особое пространство для общения и возможности для социализирующего влияния на личность¹. Заметим, что особенности коммуникации в Интернете позволяют индивиду самостоятельно конструировать свою идентичность. Н.С. Дягилева и Л.А. Журавлева предполагают, что мотивация конструирования виртуальных идентичностей проявляется у индивида чаще, если реальное общество ограничивает возможности его самореализации [30]. Так, интернет-коммуникация позволяет капсулироваться (т.е. отчуждаться) автономным социальным группам молодежи. В свою очередь, их социализация может способствовать формированию общности, противопоставляющей себя существующей общественной структуре, а иногда и обществу с государством;

- «гибридная идентичность», прослеживаемая в различных компонентах национально-государственной идентичности молодежи, в условиях глобальных, региональных и локальных вызовов может вызвать конфликт ценностных оснований между одной и другой идентичностью.

¹ Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Психология массовой политической коммуникации. Учебное пособие. М.: Издательство Московского университета; 2013. 304 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. М.: Издательская группа «Прогресс»; 1996. 344 с.
2. Mannheim K. Man and society in an age of reconstruction: studies in modern social structure. London: Routledge & K. Paul; 1940. 469 p.
3. Бергер П., Лукман. Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр; 1995. 323 с.
4. Ренан Э. Что такое нация? Собрание сочинений в 12 томах. Пер. с франц. URL: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php
5. Элэзович З. М., Элэзович Д. М. On the national identity and its forms. URL: <https://human.snauka.ru/2014/12/9034>
6. Титов В. В. Национально-государственная идентичность: проблема интерпретации понятия в политической науке. *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2016;(2):92–102.
7. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Пер. с англ. М.: Кучково поле; 2016. 416 с.
8. Нечаев В. Д. Региональный миф в политической культуре современной России. Дис. ... канд. пол. наук: 23.00.03. М.: Российский государственный гуманитарный университет; 1998. 261 с.
9. Cassirer E. The Myth of the State. Middletown: Book Crafters; 2014. 303 p.
10. Травин Д. Я. Особый путь России: от Достоевского до Кончаловского СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2018. 224 с.
11. Бобровская Е. В. Политические мифы в разработке правительственных стратегий: вопросы теории и практика. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2013;6(4):73–80.
12. Спасенников В. В., Голубева Г. Ф. Политико-психологические проблемы формирования и оценки национально-государственной идентичности молодежи. *Universum: Психология и образование: электронный научный журнал*. 2016;12(30):25–28.
13. Шестопал Е. Б. Политическая социализация и ресоциализация в современной России. *Полития*. 2005;(4):48–69.
14. Титов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Типография «Ваш формат»; 2017. 184 с.
15. Белоконов С. Ю., Хоконов А. А. Онтологический статус социальных сетей в современной публичной политике. *Власть*. 2021;29(2):22–29.
16. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: SIMON & SCHUSTER; 1996. 576 p.
17. Neumann I. Russia as Central Europe's Constituting Other. *East European Politics and Societies*. 1993;7(2):349–369.
18. Turner J., Brown R., Tajfel H. Social comparison and group interest in ingroup favouritism. *European Journal of Social Psychology*. 1979;9(2):187–204.
19. Tajfel H., Turner J. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior: Key Readings. *Political Psychology*; 2004. 278 p.
20. Wertsch J. Blank Spots in Collective Remembering. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008;617(1):58–71.
21. Селезнева А. В. Политические представления российской молодежи как основания формирования национально-государственной идентичности. *Ценности и смыслы*. 2012;5(21):149–166.
22. Евгеньева Т. В., Селезнева А. В. Образ «врага» как фактор формирования национальной идентичности современной российской молодежи. *Полития*. 2007;3(46):83–92.
23. Титов В. В. Образы «своих» и «чужих» как элементы национально-государственной идентичности российской молодежи в начале XXI столетия. *Ценности и смыслы*. 2012;5(21):120–132.
24. Миронец Е. В., Яковлева И. П. Героизм в представлении студенческой молодежи. *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. 2016;119(05):192–202.
25. Теряева О. А. Герои нашего времени в понимании современной молодежи. *СОТИС — Социальные технологии, исследования*. 2015;5(73):99–105.

26. Смутькина Н.В. Политико-психологический анализ национально-государственной идентичности российской молодежи в условиях внешних вызовов: пространственный и темпоральный аспекты. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет; 2020.
27. Лапин В.В. и Миллер А.И., ред. Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. Сборник статей. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2021. 312 с.
28. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПИМ; 2010. 592 с.
29. Петухов В.В. Поколение «нулевых»: социальные настроения, идеологические установки и политическое участие. *Полис. Политические исследования*. 2012;(4):56–62.
30. Дягилева Н.С., Журавлева Л.А. Сущность социокультурной идентичности молодежи в среде интернет-коммуникации. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009;42 (180):152–153.

REFERENCES

1. Erikson E. Identity Youth and Crisis. Moscow: Publishing group “Progress”; 1996. 344 p.
2. Mannheim K. Man and Society in an Age of Reconstruction: Studies in Modern Social Structure. London: Routledge & K. Paul; 1940. 469 p.
3. Berger P.L., Luckmann, T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. Moscow: Academia-Center; 1995. 323 p.
4. Renan E. What is a Nation? Collection of Works in 12 vol. URL: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php
5. Elezovich Z. M., Elezovich D. M. On the National Identity and its Forms. URL: <https://human.snauka.ru/2014/12/9034>
6. Titov V.V. The National and State Identity: the Problem of Interpretation of the Concept in Political Studies. *Locus: people, society, culture, meanings*. 2016;(2):92–102.
7. Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Moscow: Kuchkovo pole; 2016. 416 p.
8. Nechayev V.D. Regional Myth in the Political Culture of Modern Russia: PhD in political science: 23.00.03. Russian State University for the Humanities, Moscow; 1998. 261 p.
9. Cassirer E. The Myth of the State. Middletown: Book Crafters; 2014. 303 p.
10. Travin D. Ya. Special Way of Russia: from Dostoevsky to Konchalovsky. St. Petersburg: European University Publishing House in Saint Petersburg; 2018. 224 p.
11. Bobrovskaya E.V. Political Myths in the Development of Government Strategies: Questions of Theory and Practice. *The contours of global transformation: politics, economy, law*. 2013;6(4):73–80.
12. Spasennikov V.V., Golubeva G.F. Political and psychological problems of formation and evaluation of national-state identity of youth. *Universum: Psychology and education: e-science journal*. 2016;12(30):25–28.
13. Shestopal E.B. Political socialization and resocialization in modern Russia. *Politia*. 2005;(4):48–69.
14. Titov V.V. Policy of Memory and Formation of National-State Identity: Russian Experience and New Trends. Moscow: Printing House “Your Format”; 2017. 184 p.
15. Belokonev S. Yu., Hokonov A. A. Ontological Status of Social Networks in Modern Public Policy. *Vlast*. 2021;29(2):22–29.
16. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: SIMON & SCHUSTER; 1996. 576 p.
17. Neumann I. Russia as Central Europe’s Constituting Other. *East European Politics and Societies*. 1993;7(2):349–369.
18. Turner J., Brown R., Tajfel H. Social comparison and group interest in ingroup favouritism. *European Journal of Social Psychology*. 1979;9(2):187–204.
19. Tajfel H., Turner J. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior: Key Readings. *Political Psychology*; 2004. 278 p.
20. Wertsch J. Blank Spots in Collective Remembering. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008;617(1):58–71.
21. Selezneva A.V. Political Representations of Russian Youth as the Basis of Formation of National-State Identity. *Values and meanings*. 2012;5(21):149–166.

22. Evgenyeva T. V., Selezneva A. V. Image of “enemy” as a Factor of Formation of National Identity of Modern Russian Youth. *Politia*. 2007;3(46):83–92.
23. Titov V. V. Images of “their” and “strangers” as Elements of National-State Identity of Russian Youth at the Beginning of the 21st Century. *Values and Meanings*. 2012;5(21):120–132.
24. Mironets E. V., Yakovleva I. P. Heroism in the Presentation of Student Youth. *Political Network Electronic Journal of the Kuban State Agrarian University*. 2016;119(05):192–202.
25. Teryaeva O. A. Heroes of our time in the understanding of modern youth. *SOTIS – Social technologies, research*. 2015;5(73):99–105.
26. Smulkina N. V. Political and psychological analysis of the national-state identity of Russian youth in the context of external challenges: spatial and temporal aspects. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 2020.
27. Lapina V. V., Miller A. I., ed. Symbolic aspects of the policy of memory in modern Russia and Eastern Europe. Collection of articles. St. Petersburg: European University Publishing House in Saint Petersburg; 2021. 312 p.
28. Gorshkov M. K., Sheregy F. E. Youth of Russia: sociological portrait. Moscow: CSFM; 2010. 592 p.
29. Petukhov V. V. Generation of “zero”: social sentiments, ideological attitudes and political participation. *Polic. Policy research*. 2012;(4):56–62.
30. Dyagileva N. S., Zhuravleva L. A. Essence of socio-cultural identity of youth in the environment of internet communication. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2009;42(180):152–153.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сергей Юрьевич Белоконев — кандидат политических наук, доцент, научный руководитель факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Sergei Yu. Belokonev — Cand. Sci. (Polit.), Scientific Chairman, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-8028-7421>

SYUBelokonev@fa.ru

Анна Александровна Косарева — студентка факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Anna A. Kosareva — student, Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-2965-4708>

anyakosareva06@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 19.07.2022; принята к публикации 15.08.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 19.07.2022; accepted for publication on 15.08.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-31-35
УДК 32(045)

Политические страхи современной студенческой молодежи в контексте молодежной политики Российской Федерации*

Е.О. Соболева

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена выявлению и анализу основных политических страхов современной российской молодежи. Причем такого рода настроения среди молодых людей исследуются в контексте базовых тенденций молодежной политики Российской Федерации в 2000-е гг. Автор рассматривает динамику молодежной политики, выделяет ее основные этапы и приоритеты. Особое внимание уделено проблеме влияния власти на молодое поколение, существенным ошибкам и недоработкам на данном направлении, результатом которых стало формирование у молодежи весьма тревожных «антипатриотических» страхов и фобий. Кроме того, в статье поднимается вопрос об оптимизации молодежной политики, особенно в контексте ведения специальной военной операции.

Ключевые слова: молодежь; студенчество; политические страхи; власть; молодежная политика; поколение Z; СВО

Для цитирования: Соболева Е.О. Политические страхи современной студенческой молодежи в контексте молодежной политики Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(5):31-35. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-31-35

ORIGINAL PAPER

Political Fears of Modern Students in the Youth's Policy Context in Russia**

E.O. Soboleva

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper identifies and analyzes of the major political fears of the modern Russian youth. The research studies this kind of sentiment among young people in the basic trends in the youth policy of the Russian Federation in the 2000s. The author examines the dynamics of youth policy, emphasizing its main stages and priorities. Also, the author paid particular attention to the impact of a power on the younger generation, as well as significant mistakes and shortcomings in this field, which had caused the formation of very disturbing "anti-patriotic" fears and phobias among the young people. In addition, the paper raises optimizing youth policy, especially in the Special military operation.

Keywords: youth; students; political fears; power; youth policy; Z generation; SMO

For citation: Soboleva E.O. Political fears of modern students in the youth's policy context in Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(5):31-35. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-31-35

Как показывает опыт новейшего времени, главной «ударной силой» практически всех революционных событий является молодежь, особенно студенты. Так было и во времена охлократических переворотов первой половины прошлого столетия,

так происходит и сейчас в ходе «цветных революций» и прочих радикальных политических событий. Во многом это связано с тем, что молодой человек нашей эпохи сродни пролетарию прошлого времени. Их роднит и отсутствие серьезных социальных привязок,

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету на 2022 г.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment to the Financial University for 2022.

и недостаток глубоких знаний, и повышенная «политическая возбудимость», и готовность к протестным действиям. Более того, в связи с общемировыми тенденциями к деиндустриализации и «буржуазному перерождению» рабочего класса, именно городская молодежь (зачастую совместно с интеллигенцией) становится главной революционной и дестабилизирующей силой. Это подметили еще идеологи «новых левых» (Г. Маркузе, Ж.-П. Сартр и др.), которые в 1960–1970-х гг. пришли к выводу о том, что пришло время делать ставку не на исчезающий пролетариат, «которому нечего терять», а на городские «бунтарские» слои. Как указывает писатель и историк Владимир Савельев в своей работе, посвященной молодежным протестам 1960-х гг., «студенческая молодежь, различные неконформистские настроенные маргиналы и интеллектуалы — все они стали считаться новыми потенциальными революционерами, способными пойти против новой капиталистической системы» [1]. Позже, когда идеологи «новых левых» под влиянием политической конъюнктуры сдвинулись в направлении неоллиберализма (затем — неоллибертарианства), они не отказались от ставки на студенческую молодежь, рассматривая теперь ее потенциал в плане борьбы с тоталитарными и авторитарными режимами — опять же, ввиду высокой степени ее возрастной протестности и простоты манипулирования ею. При этом идеологи «цветного» молодежного протеста всячески скрывали последнее обстоятельство. Напротив, они стремились сыграть на тщеславии и амбициях неопытных молодых людей, мотивируя их к политической активности как перспективами карьерного взлета (в случае успеха государственного переворота), так и прямой лестью в подконтрольных СМИ и публичных выступлениях. Именно с легкой руки манипуляторов запускаются в политический и общественный оборот такие «стимулирующие» характеристики молодежи, как «поколение свободы», «борцы с эйджизмом», «герои революции достоинства» и пр. Такая комплексная работа с молодежью, помноженная на другие виды подрывной деятельности, принесла на рубеже XX–XXI вв. множество побед западным адептам неоллиберализма (неоллибертарианства). К таковым можно отнести и развал Советского Союза (в обрушении коммунистического режима значимую роль

сыграла оппозиционно настроенная молодежь, особенно студенческая), и череду «цветных революций» в постсоветских странах, и «арабскую весну» на Ближнем Востоке [2]. В начале 2000-х гг. существовала реальная угроза того, что коллективный Запад попытается реализовать сценарий «цветной революции» и в России. Однако российские элиты, взявшие курс на отстаивание национального суверенитета (пусть на тот момент еще в очень мягкой форме), оказали решительное противодействие данным устремлениям западных партнеров, в том числе, за счет резкой активизации молодежной политики, которая была нацелена на «провластную» мобилизацию возрастного контингента 18–25 лет. Для этого был проведен целый ряд мероприятий.

Во-первых, под эгидой Администрации президента Российской Федерации (прежде всего, команды В. Ю. Суркова) были созданы массовые общественно-политические молодежные движения, призванные охватить своей деятельностью молодое поколение. Причем, помимо «универсальных» организаций («Идущие вместе», «Наши»), были сформированы некоторые специализированные структуры. В частности, для «молодых бюрократов», ориентированных на карьерный рост в рамках вертикали власти, была создана «Молодая гвардия Единой России», для студенчества — движение «Россия молодая» («Румол»). Кроме того, были попытки создать региональные молодежные течения (например, политико-экологическое движение «Местные» в Московской области).

Во-вторых, к руководству молодежным движением едва ли не впервые с 1950–1960-х гг. были привлечены энергичные и харизматичные лидеры, поднявшиеся «снизу» и не имевшие привязки ни к комсомольским функционерам периода «застоя», ни к демократам-ельцинистам. Более того, перед ними была поставлена задача обеспечить консолидацию молодежи вокруг власти, прежде всего, на неформальной основе.

В-третьих, в 2000–2008 гг. власть активно работала с молодежью на идеологическом поле, причем не только на контрасте с эпохой «лихих 90-х», но и формируя у молодого поколения новые политические и мировоззренческие смыслы. Так, в качестве несомненной опорной ценности продвигалась идея достижения национального суверенитета. Одновременно «сверху» заявляли о готовности помочь молодежи с трудоустрой-

ством привлечь ее во власть и поддержать молодые семьи.

Все это позволило тогда не только предотвратить угрозу «цветной революции», но и сплотить молодежь вокруг власти и В.В. Путина.

Однако после 2008 г. власть кардинально меняет свою молодежную повестку, отказываясь от массового вовлечения молодежи в политику и бюрократизируя процесс рекрутирования молодых людей в кадровый резерв. Кроме того, либеральной и олигархической части «многоставной» российской элиты удалось продавить идею деполитизации работы с молодежью, поскольку ее беспокоили эгалитаристские и авторитарные тенденции в массовых молодежных движениях.

Поэтому после 2008 г. массовая работа с молодежью постепенно сворачивается, политически выхолащиваются существовавшие молодежные организации, создаются новые структуры, кадровые резервы и форумы (АСИ, «Сколково», «Территория смыслов» и пр.), которые больше ориентируются не на воспитание молодого поколения в духе патриотизма и традиционных национальных ценностей, а на создание нового управленческого слоя. При этом с юношеством теперь работают не эксперты-идеологи, а различного рода «коучи» и наставники, передающие им разве что универсальные и технические знания. Более того, базовым университетом, готовящим управленческие кадры для России, стала Высшая школа экономики, профессорско-преподавательский состав которой по своим мировоззренческим приоритетам в подавляющем большинстве являлся либеральным и космополитическим.

В итоге сформировались два параллельных тренда молодежной политики.

С одной стороны, «сверху» происходила бюрократизация работы с молодежью. При этом отобранные в качестве кадрового резерва молодежные лидеры максимально «деполитизировались» и «деидеологизировались», натаскивались преимущественно на овладение компетенциями и выполнение KPI, мотивировались исключительно на рациональной основе.

С другой стороны, в связи с отсутствием массовой работы на молодежном направлении наблюдается постепенный перелом в отношении молодых людей к власти. Если в начале 2000-х гг. они в своем большинстве были настроены лоялистски (особенно это касалось

лично В.В. Путина), то с конца нулевых имеет место обратный тренд — молодежь начинает уходить в оппозицию. Причем при попустительстве власти духовное «водительство» для молодых людей постепенно переходит к системным и несистемным либералам-западникам. Первым «звонок» стало достаточно массовое участие молодежи в радикальных протестных акциях на Болотной площади в декабре 2011 г., далее она начинает ориентироваться на нового оппозиционного лидера Алексея Навального (признан иностранным агентом), деятельность которого по мобилизации молодого поколения практически не встречала сопротивления со стороны властных структур. При этом Навальный не только «обыгрывал» в своей пропаганде оперативные претензии к руководству страны, но целенаправленно формировал мировоззрение молодежи в соответствии с западными стандартами. В частности, это касалось идей эйджизма, разжигающих межпоколенческие конфликты; пропаганды ЛГБТ и иной «толерантной» тематики, противоречащей национальному культурному коду; подчеркнутого космополитизма, нацеленного на отрыв молодежи от отечественных «почвенных» ценностей и пр. [3]. Таким образом, постепенно «поколение Z» стало «дрейфовать» в оппозиционном направлении, а апогеем этого процесса стали массовые беспорядки в Москве в июле-августе 2019 г., основной движущей силой которых стала именно «навальнистская» и иная либеральная молодежь.

«Чрезвычайный» период 2020–2022 гг. с точки зрения протестной активности молодежи был не таким острым, как раньше, тем не менее, в целом она продолжала занимать весьма оппозиционные позиции. Это касалось как достаточно консолидированной электоральной поддержки протестных кандидатов (например, в рамках проекта «умного голосования»), так и отношения практически ко всем инициативам и действиям власти. Невзирая на в целом успешное сдерживание западной санкционной политики и общую стабилизацию ситуации, формирование подобного слоя «потерянного поколения» было чревато для власти серьезными рисками, особенно с учетом следующих характеристик молодежи:

- инфантильность, неготовность к взрослой жизни и нежелание к ней приобщаться;
- эгоизм и космополитизм;

- мода на оппозиционность и антипатриотизм;
- отказ от межпоколенческого диалога, игнорирование мирового политического, социального и культурного наследия (прежде всего, «классики»);
- амбициозность, завышенные карьерные и материальные ожидания;
- стремление к социальному и психологическому комфорту и гедонизму¹;
- стремление к упрощенному и прямолинейному восприятию политических и социально-экономических событий, уязвимость по отношению к манипулятивным технологиям.

Такого рода настрой молодого поколения россиян активно использовался и используется различными внутренними и внешними противниками Российской Федерации.

В частности, внешние противники для манипулятивного воздействия на российское «поколение Z» продвигали в данной среде следующие тезисы:

- «Кардинальная отсталость “Рашки” от развитых стран мира в технологическом, интеллектуальном и мировоззренческом плане»;
- «Из этой страны пора валить в благополучные США и ЕС, в крайнем случае, в Израиль, Турцию или ОАЭ»;
- «Консервативная политическая атмосфера в России свидетельствует о ее архаичности и недемократичности»;
- «Россия проводит конфронтационную и агрессивную внешнеполитическую линию вместо того, чтобы дружить и сотрудничать с мировым сообществом»;
- «Культурная атмосфера России является нетолерантной и не соответствует стандартам глобализации» [4].

В свою очередь, внутренние противники российского правящего режима (в том числе, молодежные оппозиционные акторы) концентрировали огульную критику на следующих моментах:

- «В России нет сменяемости власти, отсутствует свобода слова и правовое государство».
- «В России господствует эйджизм, который проявляется в отсутствии “социальных лифтов” и менторском отношении к молодежи».

• «В России нет справедливости, молодежь дискриминируют в плане трудоустройства и заработной платы».

• «В России власть погрязла в тотальной коррупции и злоупотреблении служебным положением».

• «В России отсутствует реальная оппозиция, поэтому требуется свержение путинизма» [5].

Подобная весьма примитивная и однобокая пропаганда, критически воспринимаемая российским обществом возрастных категорий 30+, оказалась достаточно эффективной для «поколения Z». Во-первых, молодежь традиционно является протестной средой и любые, даже абсурдные или сомнительные обвинения в адрес власти, трактуются ею некритически, более того, воспринимаются как политическая смелость и нонконформизм. Во-вторых, в отличие от предшественников, «поколение Z» не застало потрясений и кризисов 1980–1990-х гг. и практически всю свою сознательную жизнь провело в атмосфере комфорта и безопасности. В-третьих, как уже говорилось выше, власть сама в последние 8–10 лет сбивала «излишний» патриотический настрой молодежи, демонстрировала приверженность «общечеловеческим ценностям», через СМИ активно пропагандировала западный стиль жизни.

В результате такой внутренней и внешней оппозиционной «накачки» у молодого поколения сформировался целый ряд политических страхов и фобий, особенно в условиях «размытой» и «технократической» государственной молодежной политики.

Таким образом, у российской молодежи (прежде всего, студенчества) в 2020–2022 гг. наблюдались политические страхи:

- авторитаризма;
- национальной автаркии;
- за свободу слова;
- отмены выборов;
- войны и мобилизации.

С политическими опасениями были связаны также некоторые социальные, бытовые и культурные страхи, в частности, по поводу невозможности купить товары любимых брендов (связан со страхом войны и санкций), запрета на заграничные путешествия (также связан со страхом войны и санкций и со страхом «закручивания гаек» внутри страны), безработицы и снижения уровня жизни (опять же, вследствие

¹ URL: <https://www.psychologies.ru/articles/deti-tiktoka-chtona-samom-dele-volnuet-sovremennuyu-molodezh/>

геополитической борьбы с Западом и «войны санкций») [6] и пр.

Такие субъективные и абстрактные политические страхи и фобии молодежи привели к вполне реальным практическим издержкам, особенно после начала специальной военной операции 2022 г. Их следствием, с одной стороны, стало отстраненное, а где-то и антипатриотическое

отношение «поколения Z» к российско-украинскому противостоянию², с другой стороны, достаточно массовая эмиграция молодежи (прежде всего, из мегаполисов) за границу в феврале и сентябре 2022 г.

² URL: <https://www.rbc.ru/society/15/09/2022/6322c11b9a7947458ff3c60f>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Савельев В. Молодежные протесты 1960-х. URL: <https://proza.ru/2020/11/21/1110>
2. Егорченков Д. Необъявленная война. Россия в огненном кольце. М.: Питер; 2018.
3. Шатилов А.Б. Поколенческие разрывы как фактор роста конфликтности в современном российском обществе. *Власть*. 2019;(4):27–28.
4. Елишев С.О. Социальное манипулирование молодежью. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация»; 2019. 336 с.
5. Бродовская Е.В., Пырма Р.В., Домбровская А.Ю. Гражданский активизм молодежи России: структура ролей, факторы формирования установок, триггеры роста протестного потенциала. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):39–48.
6. Манылов Д. Форпост посчитал количество «потерянной» молодежи в России. URL: <https://forpost-sz.ru/a/2021-09-06/forpost-poschital-kolichestvo-poteryanno-j-molodyozhi-v-rossii>

REFERENCES

1. Saveliev V. Youth protests in the 1960s. URL: <https://proza.ru/2020/11/21/1110> (In Russ.).
2. Egorchenkov D. Undeclared war. Russia in the ring of fire. Moscow: Peter; 2018. (In Russ.).
3. Shatilov A. B. Generation gaps as a factor in the growth of conflict in modern Russian society. *Power*. 2019;(4):27–28. (In Russ.).
4. Elishev S. O. Social manipulation of youth. Moscow: Canon + ROOI “Rehabilitation”; 2019. 336 p. (In Russ.).
5. Brodovskaya E. V., Pyrma R. V., Dombrovskaya A. Yu. Civic activism of youth in Russia: The structure of roles, the formation of attitudes factors, triggers of protest potential growth. *Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):39–48. (In Russ.).
6. Manylov D. Outpost counted the number of “lost” youth in Russia. URL: <https://forpost-sz.ru/a/2021-09-06/forpost-poschital-kolichestvo-poteryanno-j-molodyozhi-v-rossii>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Евгения Олеговна Соболева — аспирантка департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Evgeniya O. Soboleva — postgraduate student, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8520-0412>

EOSoboleva@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 02.10.2022; принята к публикации 15.10.2022.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 02.10.2022; accepted for publication on 15.10.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-36-41
УДК 316.7(045)

Социо семиотическая специфика православного анекдота и его влияние на религиозную идентичность

И.А. Юрасов, О.А. Зябликова

Финансовый университет, Пензенский филиал, Пенза, Россия

АННОТАЦИЯ

В последнее время в виртуальном пространстве российского интернета, в социальных сетях, объединяющих людей православного вероисповедания, особой популярностью стал пользоваться жанр православного анекдота. С точки зрения дискурсивного исследования данный жанр находится на стыке философского и мифологического дискурсов, сочетает в себе признаки библейской притчи и басни. В православном анекдоте сильна рациональная составляющая, что и сближает его с жанрами философских трактатов, хотя анекдот как жанр характеризуется более эмоционально-психологической направленностью. Совмещение рациональной и эмоционально-экспрессивной семантики формирует особую прагматику православного анекдота, которая делает его привлекательным среди православных образованных мужчин молодого и среднего возраста. Цель исследования – выявление социо семиотической специфики православного анекдота как жанра, укрепляющего современную форму городской рационализированной нормативно-конфессиональной религиозной идентичности. В ходе дискурсивного исследования христианского юмора были проведены структурный, дискурсивный, концептуальный анализы текстов православного анекдота, глубинные и экспертные интервью, опросы православных верующих, паломников и религиозных туристов в традиционных центрах Русской православной церкви. Таким образом были выявлены прагматические потенциалы православного анекдота, а на основе анализа морфологической структуры жанра определены типы комического, вербализуемого в анекдоте.

Ключевые слова: религиозная идентичность; смех и юмор в религии; легитимация юмора; чувство юмора; рационализация религиозных переживаний; православный анекдот; дискурс; православная семиосфера

Для цитирования: Юрасов И.А., Зябликова О.А. Социо семиотическая специфика православного анекдота и его влияние на религиозную идентичность. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(5):36-41. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-36-41

ORIGINAL PAPER

Socio-Semiotic Specificity of the Orthodox Joke and Its Impact on Religious Identity

I.A. Yurasov, O.A. Zyablikova

Penza Branch of the Financial University, Penza, Russia

ABSTRACT

Recently, the genre of Orthodox joke has become especially popular in the Russian Internet virtual space, in social networks that unite people of the Orthodox faith. This genre is at the intersection of philosophical and mythological discourses, basing on discursive research. It combines the features of a biblical parable and a fable. The rational component is a strong feature in the Orthodox joke, which brings it closer to the genres of philosophical treatises, although the anecdote as a more emotional and psychological orientation characterizes a genre. The combination of rational and emotionally expressive semantics forms a special pragmatics of the Orthodox joke, which makes it attractive among young and middle-aged Orthodox educated men. The purpose of the study is to identify the socio-semiotic specifics of the Orthodox joke as a genre that strengthens the modern form of urban rationalized normative-confessional religious identity. In the course of the discursive study of Christian humor, the authors carried out the structural, discursive, conceptual analyzes of the texts of the Orthodox joke. Also, they made in-depth and expert interviews, surveys of Orthodox believers, pilgrims and religious tourists in the traditional centers of the Russian Orthodox Church. Thus, the research revealed a pragmatic potential of the Orthodox anecdote, and it determined the comic verbalized in the joke based on the analysis of the morphological structure of the genre.

Keywords: religious identity; laughter and humor in religion; humor legitimation; sense of humor; rationalization of religious experiences; Orthodox joke; discourse; Orthodox semiosphere

For citation: Yurasov I.A., Zyablikova O.A. Socio-semiotic specificity of the orthodox joke and its impact on religious identity. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(5):36-41. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-36-41

В последнее время активно развивается жанр православного анекдота. Анекдоты публикуются в сетевом пространстве рунета — сетевой поисковик «Яндекс» показывает примерно 12 млн ресурсов.

Несмотря на противостояние некоторых православных философов, священников и мирян, происходит концептуализация, социально-философское, социокультурное осмысление понятия и категории «христианский юмор», направленного в первую очередь на осмеяние наиболее популярных предрассудков, суеверий и заблуждений, которые коренятся в православном крестьянском фольклоре. Проводятся лингвистические и социально-философские изыскания, доказывающие существование религиозного юмора еще в древнюю, доникейскую эпоху.

А. А. Медведева провела исследование, показавшее следующее: «в шести из девяти случаев употребления корня “εἶρων-” речь идет о толковании библейских текстов, что указывает на то, что названный корень был востребован в инструментарии христианских экзегетов». На основании анализа контекстов «выделено семь позиций его возможных значений, ряд из которых сближается с традиционным для античности пониманием иронии как притворства или осмеяния; дважды контекст позволяет судить о сближении значения корня “εἶρων-” с сократовской иронией» [1].

В настоящее время в православной христианской публицистике различаются два прямо противоположных взгляда на христианский юмор. Один представлен традиционалистской точкой зрения и состоит в том, что христианский юмор недопустим [2, 3]. Второй, более «либеральный», вполне допускает как традиционный, так и современный сетевой юмор в православном дискурсе в форме анекдотов, мемов и других риторических жанров и приемов [4–6].

Православный анекдот становится гибридным жанром городского православного фольклора, который предает личностный опыт трансценденции и религиозных переживаний как моральный критерий собственной религиозности. Христианский юмор, выраженный в православном анекдоте, является источником современной городской православной духовности, основанной на нормативно-конфессиональной религиозной идентичности.

Православный анекдот — четкий показатель преодоления архаичной, крестьянской фольклоризованной и маргинальной религиозной идентичности [7, 8].

Частная цель настоящего исследования состоит в выявлении морфологической структуры и социосемиотических особенностей жанра православного анекдота, способного прагматически влиять на развитие православной нормативно-конфессиональной религиозной идентичности. Задачами исследования является определение специфических топосов и паттернов в структуре дискурса православного юмора и выявление возможности их влияния на религиозную идентичность, определение типов комического в православной семиосфере, исследование прагматической силы воздействия православного анекдота на религиозную идентичность, анализ трансформации фольклоризованной и маргинальной религиозной идентичности в нормативно-конфессиональную.

Методами исследования стали контент-анализ современных православных социальных сетей и дискурсивный анализ православных анекдотов с целью выявления.

В ходе работы с целью выявления специфики влияния православного анекдота на православных верующих были проведены структурный, дискурсивный, концептуальный анализы текстов православного анекдота, глубинные интервью ($n = 52$) и экспертные опросы ($n = 25$) православных верующих, являющихся прихожанами православных приходов г. Москвы, Пензы, Саранска, а также опрос православных паломников и религиозных туристов в традиционных центрах Русской православной церкви [Свято-Троицкая Сергиева Лавра (г. Сергиев Посад Московской области), Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь (с. Дивеево Дивеевского района Нижегородской области)], опрос активистов молодежных православных организаций, учащихся Пензенской духовной семинарии. Также был осуществлен контент-анализ традиционных и электронных религиозных СМИ православной конфессии, в которых встречается специфический христианский юмор.

Дискурсивный анализ православного анекдота, его морфологической структуры, специфической модальности, рациональной и эмоционально-экспрессивной семантики, топосов и паттернов философского и мифологического

дискурсов позволили выявить его прагматические потенции, состоящие во влиянии на православную религиозную идентичность городских образованных мужчин молодого и среднего возраста.

Христианский юмор специфически укрепляет общее чувство юмора, которое трансформирует векторы развития конфессионального интеллекта в современном социуме. Как фольклорный жанр православный анекдот появился в 90-е гг. XX в. и продолжает традиции «бурсацкого юмора». Его бурное развитие связано с процессом православного ренессанса в Российской Федерации. Он представляет собой маргинальный жанр, находящийся на стыке философии и мифологии, басни и притчи. В православном анекдоте сильна рациональная составляющая, что и сближает его с философско-богословским дискурсом, хотя анекдот как жанр характеризуется более эмоционально-психологической направленностью. Исследуя морфологию православного анекдота, его социосемиотическую специфику, можно выявить типы структур, топосов, паттернов, наиболее привлекательных для православных образованных мужчин, и определить направления формирования православной религиозной идентичности у этой социальной группы.

Социосемиотический анализ православного анекдота выявляет морфологическую структуру и семантическую особенность православного юмора как нового жанра городского фольклора, стимулирующего развитие специфического религиозного и конфессионального юмора, а также чувства юмора у православных верующих. Структурный и дискурсивный анализы православного анекдота выявляют специфические типы комичного в православной семиосфере, виды смыслов, формирующихся на стыке сакрального и профанного, а именно, осмеяние:

- архаичных религиозных традиций;
- архаически понимаемой православной догматики;
- греха как глупости;
- претензии крестьянского и маргинального православия на истину в последней инстанции;
- светского успеха в жизни, который не имеет никакой ценности для религиозной жизни;
- кажущейся сложности и невозможности выполнения евангельских заветов;

- архаически понимаемой аскезы;
- формализованного исполнения религиозных предписаний и традиций;
- финансовой благотворительности как единственной формы проявления религиозной идентичности;
- маятникового, непостоянного, нерегулярного характера религиозной активности;
- атеизма.

Структурные и дискурсивные особенности православного анекдота обладают определенной силой прагматического лингвистического воздействия на сознание верующих, стимулируют развитие православной религиозной идентичности. Типичными паттернами современного православного анекдота являются:

- архаическое, фольклорное понимание основных догм;
- критика атеизма;
- архаическое, фольклорное понимание православных традиций;
- ненормальное, неопитское рвение к выполнению основных формальных православных предписаний и норм;
- грех как глупость;
- жизнь по евангельским заповедям как наиболее приемлемая форма религиозной жизни;
- светское, мирское понимание евангельских истин;
- непостоянство в религиозной, духовной жизни;
- архаические кентавр-идеи в народном религиозном дискурсе.

Прагматические потенции православного анекдота, формирующего нормативно-конфессиональную религиозную идентичность, основываются на потенциях мифодизайна православного дискурса. В качестве эффективного инструмента мифологического дизайна, который повышает градус рациональности и критичности, предстало использование так называемых «прототекстов», текстов Библии, Евангелия, канонических текстов святых отцов и основанных на прототекстах православных анекдотов. Это помогает объединить в массовом религиозном сознании два уровня. Первичный, или эмоционально-действенный, основан на ярком эмоциональном переживании некоторого религиозного факта, момента религиозной жизни, пополняющего религиозный опыт, который помог «смягчить» религиозное чувство,

масштабное эмоциональное религиозное потрясение. Вторичный (рациональный) уровень включает различные когнитивные компоненты: общедоступные знания, массово обсуждаемую и разделяемую информацию, распространяемую через слухи и СМИ [9, 10].

Православный анекдот строится по принципу притчи, которая органично вошла в русскую культуру вместе с принятием христианства. Типичная семиотическая структура притчи представляет собой описание рядовой бытовой ситуации, в которой содержится всеобщий смысл. В притче используются различные тропы: аллегории, метафоры, символы. Широкое распространение получили притчи с религиозным подтекстом и поучением (о разумных и неразумных девах, о сеятеле, о виноградарях, притчи царя Соломона и т.п.), которые творчески перерабатываются в жанре православного анекдота. Жанр притчи сближается с жанром басни, но отличается от него семантической широтой, значимостью заключенной в нем идеи. Действующие лица притчи архетипичны по своим характеристикам, не имеют индивидуальных черт внешности и характера; время и место действия — абстракты. Смысл притчи состоит в трансляции этических нормативов; она эффективнее раскрывает смысл высказывания, транслирует общечеловеческие ценности, а если речь идет о религиозных ценностях, то в притчах они приобретают универсальное нравственное значение. Для данного жанра характерны: малый объем, сказовая форма, кольцевая композиция, иносказание, нравоучение, отвлеченное понятие, сюжет из обыденной жизни.

Православный анекдот в христианском дискурсе представляет собой достоверную поучительную историю из жизни обычных людей, интересующихся православным вероучением. Он причудливым образом сочетает в себе базовые признаки философского и мифологического дискурсов. Соединение фольклорных и рационализированных мифологических мотивов в этом жанре создает особый прагматический эффект, возникновение которого является результатом выбора, источником содержания сообщения и способа языкового выражения. В соответствии со своим коммуникативным намерением, которое состоит в мифологическом дизайне православного вероисповедания, источник отбирает для передачи информации

языковые единицы, темы, концепты, обладающие необходимым предметно-логическим и коннотативным значением, и организует их в высказывании таким образом, чтобы установить между ними необходимые смысловые связи.

Христианский юмор специфически укрепляет общее чувство юмора, которое трансформирует векторы развития конфессионального интеллекта в современном социуме. Как фольклорный жанр православный анекдот появился в 90-е гг. XX в. и продолжает традиции «бурсацкого юмора». Его бурное развитие связано с процессом православного ренессанса в Российской Федерации.

Прагматический потенциал православного анекдота определяется содержанием и формой, он абстрагирован от создателя, субъекта коммуникации. Эффект православного анекдота, стимулирующий религиозную идентичность, опирается на семантику религиозной лексики, помещаемой в чуждый ей современный, бытовой контекст. Такое прагматическое воздействие текста можно сравнить с профанизацией псевдосакральных категорий, когда юмористической интерпретации подвергаются якобы возвышенные понятия и концепты, за которыми нет сакрального содержания, или когда коммуниканты придают сакральное значение некоторым темам, вещам и категориям, в отношении которых этого делать не следовало бы. Православный анекдот рационализирует многие мифологические, эмоциональные концепты религиозной концептосферы, выражая устами героев определенные философские, нравственные и богословские доктрины в форме тематических апофегм.

В православном анекдоте заключена большая мощь прагматического воздействия на верующих, но социологическое измерение силы последнего определяется социально-психологи-

ческим и психолингвистическим экспериментами, когда различным категориям испытуемых (воцерковленным, слабо воцерковленным, оправляющим религиозные обряды реже одного раза в полгода, невоцерковленным, но проявляющим православную самоидентификацию, и атеистам) предлагаются тексты наиболее популярных в социальных сетях православных анекдотов. Руководитель эксперимента просит оценить по пятибалльной шкале степень положительного или отрицательного прагматического воздействия в плане укрепления или ослабления нормативно-конфессиональной идентичности.

Прагматическая сила православного анекдота заключена в прагматической силе его апофегмы. Смысловой механизм анекдотической апофегмы состоит в том, что у слова, понятия, концепта много значений. Одни из них — прямые, другие — переносные, косвенные. Чем более значение удаляется от «прямого», тем менее оно вероятно, более неожиданно. Мгновенное переключение в финале эмоционально-психологических регистров и есть закон пуанты в анекдоте, имеющий наиболее сильное прагматическое воздействие на испытуемых.

Православный анекдот как новый оригинальный жанр городского фольклора в силу своего прагматического рационализирующего воздействия развивает интеллект православных верующих и общий конфессиональный интеллект, через мифодизайн делает православный дискурс более привлекательным для слабо воцерковленных верующих и даже атеистов, формирует и укрепляет нормативно-конфессиональную православную религиозную идентичность. Структура и социосемиологические особенности православного анекдота обладают определенной прагматической силой, которая трансформирует фольклоризованную архаичную, крестьянскую и маргинальную религиозную идентичность в нормативно-конфессиональную.

Так как православный анекдот существует не только в устном фольклоре, но и в сетевой виртуальной форме, к нему часто обращаются люди виртуальной религиозной идентичности, которая со временем может трансформироваться в нормативно-конфессиональную. В православном анекдоте заключен мощный по силе воздействия прагматический эффект, исследование которого необходимо проводить на более глубоком междисциплинарном уровне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Медведева А. П. Понятие εἰρωνεία в экзегетическом наследии доникейского периода. *Религиоведение*. 2019;(1):5–15.
2. Аверинцев С. С. Бахтин и русское отношение к смеху. URL: http://classica.rhga.ru/upload/iblock/f9f/26_Averintsev.pdf
3. Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура. М.: Наука; 1992. 256 с.
4. Bullard J. M. *Biblical Humor: Its Nature and Function*. N.Y.: New Haven; 1961.
5. Good E. M. *Irony in the Old Testament*. N.Y.: The Westminster Press; 1965.
6. Liddell H. G. *A Greek-English Lexicon*. N.Y.: Clarendon Press; 1940.
7. Юрасов И. А., Павлова О. А. Дискурсивное исследование православной религиозной идентичности. М.: Инфра-М; 2020. 259 с.
8. Юрасов И. А., Танина М. А. Феномен маргинальной религиозной идентичности: дискурс, структура. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2019;(3):279–283.
9. Романова А. П. Проблемы виртуальной религиозной идентичности. *Политическая наука*. 2020;(4):59–73.
10. Чистякова И. В. Анекдот как литературный жанр. *Вестник Вятского государственного университета. Языковедение и литературоведение*. 2012;4(2):81–84.

REFERENCES

1. Medvedeva A. P. The concept of εἰρωνεία in the exegetical heritage of the pre-Nicene period. *Religious studies*. 2019;(1):5–15. (In Russ.).
2. Averintsev S. S. Bakhtin and the Russian attitude to laughter. URL: http://classica.rhga.ru/upload/iblock/f9f/26_Averintsev.pdf (In Russ.).

3. Averintsev S. S. Bakhtin, laughter, Christian culture. Moscow: Nauka; 1992. 256 p. (In Russ.).
4. Bullard J. M. Biblical Humor: Its Nature and Function. N.Y.: New Haven; 1961.
5. Good E. M. Irony in the Old Testament. N.Y.: The Westminster Press; 1965.
6. Liddell H. G. A Greek-English Lexicon. N.Y.: Clarendon Press; 1940.
7. Yurasov I. A., Pavlova O. A. A discursive study of Orthodox religious identity. Moscow: Infra-M; 2020. 259 p. (In Russ.).
8. Yurasov I. A., Tanina M. A. Phenomenon of marginal religious identity: Discourse, structure. *News of the Saratov University. New series. Series: Sociology. Political Science*. 2019;(3):279–283. (In Russ.).
9. Romanova A. P. Problems of virtual religious identity. *Political science*. 2020;(4):59–73. (In Russ.).
10. Chistyakova I. V. Joke as a literary genre. *Bulletin of the Vyatka State University. Linguistics and literary criticism*. 2012;4(2):81–84. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Игорь Алексеевич Юрасов — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры «Менеджмент, информатика и общегуманитарные науки», Пензенский филиал, Финансовый университет, Пенза, Россия

Igor A. Yurasov — Dr. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Professor of the Department of Management, Informatics and General Humanities, Penza Branch of the Financial University, Penza, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4884-6422>
jurassow@mail.ru

Ольга Александровна Зябликова — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Менеджмент, информатика и общегуманитарные науки», Пензенский филиал, Финансовый университет, Пенза, Россия

Olga A. Zyablikova — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Management, Informatics and General Humanities, Penza Branch of the Financial University, Penza, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1624-0071>
has18068881@rambler.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 21.03.2022; принята к публикации 15.08.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 21.03.2022; accepted for publication on 15.08.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Политический процесс: сущность, признаки, классификация

В.М. Родачин

Российский новый университет (РосНОУ), Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается динамическая сторона властных отношений в политике, характеризующая ход политической жизни и функционирования политической системы общества, а также современное состояние теории политического процесса. Раскрывается неоднозначность взглядов на сущность политического процесса, соотношение понятий «процессы в политической сфере» и «политический процесс». Выявляются основные признаки политического процесса, отличающие его от других социальных процессов и процессов в сфере политики, обосновывается классификация видов политических процессов по различным основаниям.

Ключевые слова: динамика политики; политическая жизнь общества; процессы в политической сфере общества; политический процесс; сущность политического процесса; признаки политического процесса; виды политического процесса

Для цитирования: Родачин В.М. Политический процесс: сущность, признаки, классификация. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(5):42-49. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-42-49

Political Process: Essence, Attributes, Classification

V.M. Rodachin

Russian New University (RosNOU), Moscow, Russia

ABSTRACT

The article considers the dynamic side of power relations in politics, which characterizes the course of political life and the functioning of the political system of society, as well as the current state of the theory of the political process. The ambiguity of views on the essence of the political process, the correlation of the concepts of "processes in the political sphere" and "political process" is revealed. The main features of the political process that distinguish it other social and political processes, are identified, the classification of types of political processes on different grounds is substantiated.

Keywords: dynamics of politics; political life of society; political processes in society; political process; essence of the political process; signs of the political process; types of political process

For citation: Rodachin V.M. Political process: Essence, attributes, classification. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(5):42-49. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-42-49

ВВЕДЕНИЕ

Взгляд на политику любой страны с точки зрения развернутой во времени и пространстве борьбы за государственную власть и «работы» институтов власти, прежде всего касающейся выработки и реализации политических решений, государственной политики в целом, требует обращения к методологии и теории политического процесса (от лат. processus — прохождение, продвижение). Исследование современного политического процесса чрезвычайно актуально в силу потребности осмысления современного этапа динамики властной системы в Российской Федерации, в со-

предельных странах, в ключевых регионах мира, в глобальном масштабе, для выявления происходящих изменений, позитивных и негативных трендов, которые следует учитывать органам государственной власти для реализации и защиты национальных интересов страны.

В теоретическом плане обращает на себя внимание факт определенной асимметрии в научной разработке статических и динамических аспектов политики в зарубежной и отечественной политологии. Первый заметно преобладает над вторым. Продолжают издаваться учебники политологии, в которых отсутствуют темы, отражающие про-

блематику политического процесса¹. Также в научной литературе исследования политических процессов охватывают настолько широкий их спектр (геополитические, этнополитические, религиозно-политические, социально-политические, военно-политические и др.), что возникает вопрос о подлинной природе части из них, о признаках и сущности феномена политического процесса.

ГЕНЕЗИС ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ПОЛИТОЛОГИИ

Первые попытки построения специальной теории политического процесса связаны с марксистским учением о классовой борьбе за власть, высшей фазой которой является социальная и политическая революция [1]. В немарксистской школе в начале XX в. итальянский социолог Вильфредо Парето (1848–1923) разрабатывает теорию циркуляции и круговорота элит, характеризующую динамику изменений в сфере власти. Постепенно элита, которой принадлежит власть, деградирует. Ей на смену приходит контрэлита. В результате циркуляции элит «класс правящей элиты находится в состоянии непрерывной и медленной трансформации. Политические революции происходят вследствие замедления циркуляции элиты, когда элементы низкого качества накапливаются в высших слоях» [2].

Непосредственное использование понятия «процесс» применительно к групповой динамике и властному правлению в сфере политики одним из первых предпринял американский политолог Артур Бенгли (1870–1957). В книге «Процесс государственного управления: изучение общественных давлений», изданной в 1908 г., он исходит из того, что изучение политического процесса без принятия во внимание участия в нем групп интересов невозможно [3].

Развитие теории взаимоотношений заинтересованных групп в политике было продолжено политологом Колумбийского университета Дэвидом Трумэнном (1913–2003) в работе «Управленческий процесс. Политические интересы и общественное мнение» (1951 г.). В ней он определил политический процесс как динамику групповой конкуренции в борьбе за власть и распределение общественных ресурсов — волнообразный цикл перехода через нестабильные групповые взаимодействия к установлению относительного

равновесия в форме баланса интересов между группами [4].

Исследовательское направление, занимающееся «политическим процессом», окончательно оформилось в западной политологии в 1960–1970-х гг.² В отечественной научной мысли проблематика политического процесса получает признание с конца 80-х — начала 90-х гг. XX в. [5].

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СУЩНОСТИ И ПРИЗНАКОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

При заметной активности разработки теории политического процесса в современных условиях она еще не сформировалась как целостная система взаимосвязанных научных положений, принципов, закономерностей и понятий.

Имеются разночтения в отношении восприятия феномена политического процесса, т.е. в понимании того, имеет ли место один политический процесс в обществе или же существует некое множество политических процессов (отсюда и множественная форма понятия «политические процессы», применяемая рядом авторов) [6]. Однако каждому процессу присуща своя предметная специфика, как правило, выраженная в его названии. Имеется она и у политического процесса, в силу чего не может быть множества политических процессов в одном обществе. О подобном множестве уместно говорить, на наш взгляд, лишь в региональном или глобальном измерениях при рассмотрении их совокупности в различных государствах мира.

Встречаются работы, в которых вместо собственно политического процесса рассматриваются непосредственно к нему не относящиеся, но направленные на решение каких-либо социально-политических проблем или на достижение тех или иных *политических целей* [7]. Однако социально-политические проблемы непосредственно не связаны с политическим процессом, хотя и требуют политических решений. Что касается политических целей, то они ставятся государственным руководством в различных сферах общественных отношений, ориентируя их участников на достижение определенных результатов деятельности или новых рубежей качественного роста. Политические цели, задающие ориентиры движения в экономике, экологии, культуре, в межнациональных и других отношениях, характеризуют, таким

¹ Гаджиев К. С. Политология. Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт; 2019.

² Хэйвуд Э. Политология. Учебник для студентов вузов. Пер. с англ. М.: ЮНИТИ-ДАНА; 2005.

образом, не собственно политический процесс, а процессы в данных сферах.

Теоретически не разрешена проблема систематизации процессов в сфере политики, а также разведения понятий «процессы в сфере политики» и «политический процесс», которые, на наш взгляд, не тождественны. Как многообразна в своих проявлениях сфера политики, охватывающая различные политические институты, ветви власти, партии, организации, группы интересов, политические отношения социальных субъектов, другие структурные элементы, также многообразна и процессуальная сторона политической жизни, характеризующая функционирование, движение, изменения различных политических явлений. То есть в политической сфере общества осуществляются разные процессы (не сводимые только к *политическому процессу, выражающему динамику властных отношений и общегосударственного правления в той или иной стране*), в том числе: процессы формирования и развития общенациональной политической идеологии, а также групповых политических идеологий правового и левого, националистического, неофашистского и иного толка; процесс социально-политической дестабилизации общества и противоположный ему процесс консолидации социально-политических сил на почве поддержки правительства и государственного курса; процесс государственного строительства; процесс образования и деятельности политических партий; процесс политического участия граждан, представительства интересов различных социальных групп; процесс политических реформ органов власти; процесс подготовки и осуществления государственных переворотов, цветных революций, вызревания и осуществления социальных революций; процесс функционирования политической системы общества в целом и др. Часть из них взаимосвязана с политическим процессом, дополняют его, например: процесс политических выборов; процессы борьбы и политических коммуникаций субъектов политики; смены или сохранения политических лидеров и элит; динамики расстановки политических сил в парламенте и правительстве; осуществления властных полномочий главой государства, федеральными и региональными органами власти; выработки и реализации государственной политики, принятия политических решений. Другие имеют относительно самостоятельный характер: процесс политической социализации граждан; процесс сепаратистского движения за террито-

риальное отделение части государства с целью создания нового государственного образования; противоположный ему процесс ирредентизма (стремление к объединению региона с другим государством) [8] и др.

Как видно, понятие «процессы в сфере политики» шире по своему объему, чем «политический процесс», охватывая наряду с ним совокупность частных процессов функционирования, развития, упадка различных политических явлений, а в целом характеризуя динамику политической жизни общества. Следовательно, возникает потребность в более строгом определении понятия «политический процесс» и его отделении от других процессов в сфере политики. Тем более, что существующие определения его сущности содержат много разночтений. Нередко политический процесс в широком смысле отождествляется с «*развертыванием политики во времени и в пространстве в виде упорядоченной последовательности единичных действий и взаимодействий, которую связывает определенная логика или смысл*» [9]; со всей совокупностью изменяющихся политических явлений в обществе — «*движением, динамикой, эволюцией политических явлений, конкретным изменением их состояний во времени и пространстве*» [10]; с «*совокупной и последовательной деятельностью социальных общностей, общественно-политических организаций и групп, отдельных лиц, преследующих политические цели*»⁵. Достаточно распространенным является понимание политического процесса как «*совокупности всех действий и изменений политической системы общества*», с ее «*социодинамикой, с изменением ее состояний во времени и пространстве*» [11].

Также неоднозначно трактуется узкое понимание политического процесса, соотносимое с *отдельными (частными) subprocessами* [6]; с «*деятельностью социальных субъектов по осуществлению политических решений*»⁴; с *принятием политических решений, выработкой и реализацией публичной (государственной, правительственной) политики*⁵.

Как видно, в научной литературе не утвердилась определенность предметной специфики политического процесса, размываемая множест-

³ Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В. Политология. Учебник. М.: Юристъ; 2002.

⁴ Понятие политического процесса. URL: <https://helpiks.org/5-92955.html>

⁵ Хэйвуд Э. Политология. Учебник для студентов вузов. Пер. с англ. М.: ЮНИТИ-ДАНА; 2005.

вом определяющих (дефиниенс) понятий, с помощью которого раскрывается определяемое (политический процесс). Кроме того, осмысление сущности политического процесса затрудняется ее раскрытием в сочетании с различными формами политических изменений (развитие, модернизация, реформа, революция). Показательным в этом плане является понимание политического процесса как «совокупности всех *действий и изменений* политической системы общества, т.е. общесистемный политический процесс — в широком смысле, и как «определенной последовательности *действий и хода изменений* в ее отдельных частях и элементах, т.е. частных политических процессов или субпроцессов — в узком смысле» [6]. Вопрос о политическом процессе, как отмечает доктор философских наук А.А. Борисенков, «является одним из самых запутанных в официальной политологии» в том числе потому, что он отождествляется с процессом политического развития (процессом развития политического бытия). Получается, что политический процесс как особое политическое явление, как особый вид движения раскрывается через другой вид движения, через политическое развитие. В результате специфика самого политического процесса как вида движения оказывается не ясной, поскольку смешиваются два разных вида движения [12]. То есть политический процесс и процессы развития политических явлений и систем — это разные процессы.

Политический процесс в своей сущности является ничем иным как *властно-управленческим на государственном уровне*, характеризующем: во-первых, динамику отношений политических сил общества по завоеванию, распределению, осуществлению, транзиту политической власти; во-вторых, деятельность органов государственной власти по принятию политических решений, выработке и реализации внутривнутриполитического и внешнеполитического курса государства (государственной политики); в-третьих, участие граждан, общественных объединений и организаций по продвижению в рамках государственной политики групповых и национальных интересов.

ПРИЗНАКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Разночтения в трактовках понятия и понимании сущности политического процесса обусловлены в том числе тем, что в научной литературе не выделены те существенные *признаки*, которые отличают его от других и подобных ему процессов. Так, профессор, доктор политических наук

Е.Ю. Мелешкина характерные признаки политического процесса усматривает в «упорядоченной последовательности единичных действий и взаимодействий политических акторов, как правило, создающих и воссоздающих политические институты», а также в «развертывании политики во времени и в пространстве в виде упорядоченной последовательности единичных действий и взаимодействий, которую связывает определенная логика или смысл» [13]. Полагаем, что создание и воссоздание политических институтов характеризует, скорее всего, институциональные условия осуществления политического процесса, а не сам этот процесс и его содержание. За рамки собственно политического процесса выходит и развертывание политики во времени и пространстве, поскольку этим общим понятием охватывается множество явлений, для характеристики динамики которых больше подходит термин «процессы в сфере политики».

К числу признаков политического процесса также относят: 1) динамическое, интегральное измерение политической жизни какого-либо общества, заключающее в себе воспроизводство компонентов его политической системы (институтов и функций, механизмов действия, адаптации и сохранения и т.п.), а также определенные перемены в состоянии политической системы, обеспечивающие цикл ее воспроизводства (становление, функционирование, развитие); 2) совокупную политическую активность социальных и политических субъектов с последовательным развертыванием в «реальном времени» (т.е. постоянно, в рамках временного континуума) всего множества единичных политических действий и событий; 3) борьбу за контроль над средствами властвования и управления обществом, характеризующуюся определенной расстановкой и соотношением социально-политических сил»⁶. Указанные признаки все-таки раскрывают общие черты динамики политической жизни, охватывающей совокупность процессов в сфере политики, в том числе «определенные перемены в состоянии политической системы, обеспечивающие цикл ее воспроизводства», но не собственно политический процесс. Можно согласиться с критическим замечанием доктора философских наук А.А. Борисенкова по поводу указанных признаков, согласно которому «искусственно соединяются в “единый”

⁶ Мельвиль А.Ю. и др. Политология. Учебник. М.: МГИМО; 2010.

политический процесс качественно различные виды движения, рожденные политическим бытием, вследствие чего искажается действительное содержание политического процесса. Никакие аргументы, объясняющие, почему нужно соединять различные «динамические характеристики» политики в нечто единое, не приводятся. Есть только одно «оправдание» изложенному подходу: оно состоит в том, что так решали проблему западные и прежде всего американские политологи. Но ведь они могли и заблуждаться» [12].

Высказывается представление о том, что «центральной характеристикой политического процесса являются изменения, которые означают любые модификации структуры и функций, институтов и форм, постоянных и переменных черт, темпов эволюции и других параметров политических явлений. Изменения означают как трансформацию свойств, которые не затрагивают основные структуры и механизмы власти (например, могут меняться лидеры, правительства, отдельные институты, но ведущие ценности, нормы, способы отправления власти сохраняются в прежнем качестве), так и модификацию несущих, базовых элементов, которые в совокупности способствуют достижению системой нового качественного состояния»⁷. Однако политический процесс организуется и осуществляется не ради изменений как таковых, которые могут иметь разнонаправленный характер. Изменения — характеристика не политического процесса, а динамики эволюции, развития любых политических явлений⁸. При этом для таких процессов, как политические реформы и контрреформы, революции и контрреволюции, качество изменений действительно имеет определяющий характер.

Каковы же действительные признаки политического процесса, отличающие его от других процессов в сфере политики?

Первый из них касается пространственно-временного континуума системы государственной власти в каждой конкретной стране. Политический процесс имеет топологическое [14] и темпоральное измерения. Он осуществляется в определенных *территориальных пределах*, где локализируются центры власти и государственного управления, установлены пределы государственного суверенитета, выделяются ключевые и периферийные области

политического пространства, формируются зоны социально-политической напряженности и конфликтов интересов. Динамика власти — это еще цепь политических событий, протекающих в *конкретное историческое время*. А также в *аспекте политического времени*, поскольку «политический процесс есть определенная последовательность изменений» [15]. Фактор времени во властных отношениях не менее значим, чем фактор политического пространства. Политический процесс предполагает контроль как одного, так и другого, ослабление которого характеризует кризис власти.

Второй признак отражает сам предмет и этапы политического процесса — властные отношения в цикле завоевания, распределения, осуществления и транзита (передачи) государственной власти. Главным в политике всегда был и остается вопрос о власти, причем в увязке с расстановкой и динамикой баланса политических сил, которые в зависимости от их соотношения могут проявляться в вариантах правления правительств абсолютного или относительного большинства, коалиционных правительств, с возможностью, соответственно, проводить как самостоятельный, так и основанный на компромиссах политический курс государства.

Третий признак связан с реализацией основной функции государственной власти — принятием политических решений. Принятие и исполнение политических решений является, по оценке доктора философских наук, профессора, действительного члена РАЕН В.К. Батурина, «важным элементом политического процесса» [16]. Политические решения играют центральную роль в государственном механизме власти, нередко имеют судьбоносное значение для стран и народов. Одни из них способствуют положительной динамике их развития, другие же отбрасывают на многие десятилетия назад [например, решение императора Николая II от 20 июля (2 августа) 1914 г. об объявлении войны Германии и вступлении в Первую мировую войну]. Первостепенное значение в политическом процессе имеет выявление основных субъектов принятия решений, конкурирующих группировок в политической элите и их представительства в структурах власти, роли контрэлиты и несистемных оппозиционных сил. В процессе принятия политического решения следует учитывать не только его выработку (проектирование), но также стадии аналитической проработки и выбора из возможных вариантов, согласования решений, практических действий

⁷ Баранов Н.А., Пикалов Г.А. Теория политики. Учебное пособие. СПб.: Изд-во БГТУ; 2003.

⁸ Дегтярев А.А. Основы политической теории. Учебное пособие. М.: Высшая школа; 1998.

по их реализации, контроля за их исполнением, оценки полученных результатов (степени эффективности)⁹.

Четвертый признак присущ демократическим режимам и характеризует степень публичности политического процесса — вовлеченность граждан, общественных объединений и организаций в действия по оказанию влияния на принятие и реализацию политических решений, продвижение в рамках государственной политики групповых и общенациональных интересов, поддержку или оппонирование существующему политическому режиму (особенно в форме массовых политических акций и движений, в том числе нелегитимных и революционных). Существенное значение имеет недопущение радикализации политического протестного движения граждан, его перевода в стихию уличных действий, силового противостояния с законной властью и правоохранительными органами.

КЛАССИФИКАЦИЯ ВИДОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Существующие классификации раскрывают многообразие видов процессов, протекающих в сфере политики и чаще всего подразделяемых на внутривнутриполитические и внешнеполитические. В дополнение к ним выделяют геополитические, социально-политические, военно-политические, этнополитические и др., которые нередко относят к видам политического процесса, хотя они таковыми не являются. Поэтому следует различать виды процессов в сфере политики и виды собственно политического процесса.

Одним из значимых оснований для классификации видов политического процесса выступает тип политического режима, в соответствии с которым проявляют себя виды демократического, авторитарного и тоталитарного политического процесса. Для первого характерны: выборный характер власти, установленные законом ограничения пределов власти, принцип разделения властей, конкурентность, открытость, идейный и политический плюрализм властных отношений, широкая вовлеченность граждан и общественных объединений в политику. *Авторитарный политический процесс* отличается концентрацией власти и процедуры принятия решений в руках одного человека (монарха, автократа) или группы лиц (военной хунты, олигархии, клана и т.д.); слиянием

законодательной, исполнительной и судебной властей либо их формальным разделением. Правящий режим фактически действует без каких бы то ни было ограничений, игнорируя общественное мнение, опираясь на репрессивный полицейский и военно-карательный аппараты; механизм передачи власти является наследственным или формально выборным, манипулятивным, позволяющим приводить к власти политических назначенцев. *Тоталитарный политический процесс* подразумевает абсолютный (тотальный) контроль монополюющей партией над органами государственной власти, механизмом принятия политических решений; установление жесткого контроля государства над обществом и личностью; запрет политической оппозиции и критики власти; подчинение всей общественной системы коллективным целям и официальной идеологии.

С точки зрения законности или незаконности осуществления государственной власти можно различать легитимный и нелегитимный виды политического процесса. При этом не всегда только незаконный захват власти порождает нелегитимный политический процесс. Он возможен и в условиях декларативной демократии при фактической автократии, не имеющей народной поддержки. Клеймом нелегитимного властного процесса также активно пользуются политики США и их приспешники для разжигания цветных революций в неудобных странах, таких как Республика Беларусь, где дважды, в 2006 и 2020 гг., государствами Запада были осуществлены попытки свержения законной власти.

В условиях кризиса однополярного и обострения борьбы за установление полицентричного миропорядка актуальное значение приобретает подразделение политического процесса в современных государствах на виды *суверенного и несuverенного* — по основанию его соответствия либо несоответствия национальным интересам и ценностям. Характерной особенностью последнего является частичное или полное, как на Украине, внешнее управление «с занятием, — как отметил Президент России В.В. Путин, — ключевых позиций в правительстве и в регионах иностранными гражданами, что унижительно для украинского народа»¹⁰. Такой способ ведения дел на мировой арене является привычным для США способом

⁹ Дегтярев А.А. Принятие политических решений. Учебное пособие. М.: КДУ; 2004.

¹⁰ Путин о внешнем управлении Украины. URL: <https://dni.ru/polit/2015/8/17/312313.html> (дата обращения: 22.08.2022).

сохранения мирового господства. А в последнее время — еще и способом ведения «прокси-войны» (т.е. войны «по доверенности», чужими руками), в которой в жертву интересам США приносятся судьбы других народов.

ВЫВОДЫ

Категория «политический процесс», несмотря на то, что стала разрабатываться в России сравнительно недавно, уверенно вошла в отечественный политологический дискурс.

Следует различать понятия «процессы в сфере политики» и «политический процесс», которые не тождественны. Первое охватывает все многообразие функционирующих и развивающихся политических явлений. Второе выражает динамику властных отношений и общегосударственного правления в той или иной стране.

Для политического процесса характерно то, что он имеет топологическое и темпоральное измерения; отражает властные отношения в цикле завоевания, распределения, осуществления и транзита (передачи) государственной власти; связан с реализацией основной функции государственной власти — принятием политических решений, выработкой и реализацией государственной политики.

Политический процесс по режиму осуществления государственной власти подразделяется на разновидности демократического, авторитарного и тоталитарного; по основанию законности или незаконности ее осуществления — на виды легитимного и нелегитимного; по соответствию либо несоответствию национальным интересам и ценностям — на виды суверенного и несuverенного.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. 2 изд.-е. Т. 7. М.: Государственное издательство политической литературы; 1956.
2. Парето В. Компендиум по общей социологии. Пер. с итал. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ; 2008.
3. Bentley A. The Process of Government: A Study of Social Pressures. Chicago: The University of Chicago press; 1908.
4. Truman D. The Governmental Process. Political Interests and Public Opinion. New York: Alfred A. Knopf; 1951.
5. Онофрийчук А.В. Региональные политические процессы на Южном Кавказе (влияние Европейского союза). Дис. ... канд. полит. наук. Краснодар; 2009. С. 4.
6. Баженова М.В. Демократизация политических процессов и развитие гражданского общества: основания для поправок в Конституцию Республики Беларусь. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):55–59.
7. Соболев О.Н. Политические процессы в Калининградском регионе и их влияние на обеспечение национальной безопасности России. Автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М.: Гос. НИИ системного анализа Счетной палаты РФ; 2007.
8. Осколков П.В. Очаги сепаратизма в Европе: ожидать ли новых сецессий? *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2018;(1):118–123.
9. Мелешкина Е.Ю., ред. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. Сб. учеб. материалов. М.: Инфра-М: Весь мир; 2001.
10. Баранов Н. Политический процесс. URL: <https://www.nicbar.ru/politology/study/kurs-teoriya-politiki/leksiipro-kursu-teoriya-politiki-2002-2007-gg/88-leksiya-19-politicheskij-protsess>
11. Лопарев А.В. Политические процессы и политическое участие в России: общее и специфическое. *Вестник ГУУ*. 2015;(6):38–43.
12. Борисенков А.А. О политическом процессе. *Социодинамика*. 2012;(3):101–129.
13. Мелешкина Е.Ю., ред. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. М.: Весь мир; 2001. 304 с.
14. Леонтьев А.Н., Леонтьева Е.Ю. Политическая топология: перспективы использования. Конференция «PERSPEKTYWICZNE OPRACOWANIA SA NAUKA I TECHNIKAMI» (Przemysl, 07–15 ноября 2011 г.). *Przemysl: Nauka i studia*; 2011:1–35.
15. Логинов А.В. Концепции политического цикла: методология их изучения и научного применения. Автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. Саратов; 2015.
16. Батурин В.К. О технологии принятия политических решений: философский анализ. URL: <http://e-almanac.space-time.ru/assets/files/Tom1Vip2/rubr2-sistema-koordinat-st2-baturin-2012.pdf>

REFERENCES

1. Marx C. The Class Struggles in France, 1848–1850. Vol. 7. Moscow: State publishing house for political literature; 1956.
2. Pareto V. Compendium of General Sociology. Moscow: Ed. Publishing House HSE; 2008.
3. Bentley A. The Process of Government: A Study of Social Pressures. Chicago: The University of Chicago press; 1908.
4. Truman D. The Governmental Process. Political Interests and Public Opinion. New York: Alfred A. Knopf; 1951.
5. Onofriychuk A.V. Regional Political Processes in the South Caucasus (Influence of the European Union): PhD in Political Science; 2009. P. 4.
6. Bazhenova M. V. Democratization of Political Processes and Development of Civil Society: Grounds for Amendments to the Constitution of the Republic of Belarus. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):55–59.
7. Sobolev O.N. Political Processes in the Kaliningrad Region and their Impact on Ensuring Russia’s National Security: abstract PhD of Political Science: 23.00.02. Moscow: Research Institute of System Analysis of the Accounts Chamber of the Russian Federation; 2007.
8. Oskolkov P.V. Pockets of Separatism in Europe: Expect New Secessions? *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS*. 2018;(1):118–123.
9. Meleshkina E. Yu., ed. The Political Process, Main Aspects and Ways of Analysis: Collection of Training Materials. Moscow: Infra-M: All world; 2001.
10. Baranov N. Political Process URL: <https://www.nicbar.ru/politology/study/kurs-teoriya-politiki/lektsii-po-kursu-teoriya-politiki-2002-2007-gg/88-lektsiya-19-politicheskij-protsess>
11. Loparev A.V. Political Processes and Political Participation in Russia: General and Specific. *Vestnik GUU*. 2015;(6):38–43.
12. Borisenkov A.A. On the Political Process. *Sociodynamics*. 2012;(3):101–129.
13. The Political Process: Main Aspects and Means of Analysis. Meleshkina E. Yu., ed. Moscow: All world; 2001. 304 p.
14. Leontiev A.N., Leontieva E. Yu. Political Topology: Prospects for Use. Conference “PERSPEKTYWICZNE OPRACOWANIA SA NAUKA I TECHNIKAMI” (Przemysl, 07–15 November 2011). *Przemysl: Nauka i studia*; 2011: 31–35.
15. Loginov A.V. Concepts of the Political Cycle: Methodology for their Study and Scientific Application: abstract PhD of Political Science: 23.00.01. Saratov; 2015.
16. Baturin V.K. On the Technology of Political Decision-Making: Philosophical Analysis. URL: <http://e-almanac.space-time.ru/assets/files/Tom1Vip2/rubr2-sistema-koordinat-st2-baturin-2012.pdf>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Владимир Михайлович Родачин — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Российский новый университет (РосНОУ), Москва, Россия

Vladimir M. Rodachin — Dr. Sci. (Philos.), Prof., Department of Philosophy, Russian New University (RosNOU), Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-6839-999X>

Rodvm@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 02.06.2022; принята к публикации 20.08.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 02.06.2022; accepted for publication on 20.08.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-50-56
УДК 304.444(045)

Постоптимальные объекты в социальном дизайне: опыт поиска в исторической ретроспективе

А.А. Трошин

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается опыт применения в историко-культурных исследованиях двух ключевых понятий концепции критического дизайна Энтони Данна: «постоптимальность», которая используется для описания эстетики или поэтики социального процесса или феномена, и «парафункциональность», характеризующая не сущность социального процесса, а его семантику. Утверждается, что понятийный аппарат критического дизайна, применяемый в области IT-технологий, возможно перенести в область социального и политического конструирования, где критический дизайн может развиваться как форма дискурса – за рамками проектирования традиционных продуктов потребления, для моделирования социальных коммуникаций. В качестве примера выбрана история употребления кофе в СССР как политико-культурного инструмента, формирующего развитие общества на уровне поведенческих паттернов. Утрата культурой потребления кофе в советском обществе функции критического социального дизайна произошла в 1980-е гг. и предшествовала политическому крушению всего советского «проекта», что позволяет анализировать ее как целостный и завершённый опыт трансформации дизайн-объекта.

Ключевые слова: критический дизайн; социальный дизайн; постоптимальные объекты; парафункциональность дизайн-объекта; потребление кофе в СССР; Энтони Данн

Для цитирования: Трошин А.А. Постоптимальные объекты в социальном дизайне: опыт поиска в исторической ретроспективе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(5):50-56. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-50-56

ORIGINAL PAPER

Post Optimal Objects in Social Design: Search Experience in Historical Retrospective

A.A. Troshin

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article considers the experience of application in historical and cultural research of two key concepts of the concept of critical design by Anthony Dunne: “post-optimality”, which is used to describe aesthetics or poetics of the social process or phenomenon, and “para-functionality” characterizing not the essence of the social process, but its semantics. It has been argued that the notion of critical design applied in the field of IT-technologies can be transferred to the field of social and political design, where critical design can develop as a form of discourse – beyond the design of traditional consumer products, to model social communications. As an example, the history of coffee consumption in the USSR was chosen as a political and cultural tool that shapes the development of society at the level of behavioral patterns. The loss of critical social design in Soviet society by the culture of coffee consumption occurred in the 1980s and preceded the political collapse of the entire Soviet “project”, which allows to analyze it as a complete and complete experience of transformation of the design object.

Keywords: critical design; social design; post-optimal facilities; para-functionality of the design facility; coffee consumption in the USSR; Anthony Dunne

For citation: Troshin A.A. Post optimal objects in social design: Search experience in historical retrospective. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(5):50-56. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-50-56

Для современной теории деятельности в области связей с общественностью (Public Relations, PR) характерна определенная «усталость» от служебной и научной лексики, ранее определявшей существование и развитие этой дисциплины. Данное положение дел стало следствием двух факторов: эклектичности теории PR, неоправданно много заимствовавшей из различных областей гуманитарного знания, и того, что получившаяся «теория» не смогла подготовить PR-индустрию к работе в условиях проявляющейся новой экономической, политической и культурной реальности. В такой ситуации место вербальных построений в теоретизировании и прогнозировании заняла визуализация образов, а средой репрезентации и организации научного познания стал дизайн. Его готовили к этому с 1960-х гг., и ныне фраза «дизайн — это наделение вещей смыслом» [1] уже подается как аксиома.

Сегодня это пространство теоретизирования чаще всего обозначается как «критический дизайн», чтобы отличить его от старого аффирмативного дизайна (который относится к внешнему виду вещей). Наиболее распространенной теоретической работой, определившей его принципы, признается «Умозрительное Всё» Энтони Данна и Фионы Рэби [2]. В ней авторы предлагают модель дизайна, который используется как инструмент для создания идей и, соответственно, как средство размышления о возможном будущем. Речь идет не о создании новаторских вещей — материализованных предсказаний, основанных на выявлении тенденций развития и экстраполяции. Дизайнерский проект предназначен для открытия дискуссий о том, какое, собственно, будущее люди хотят или не хотят; либо же для убеждения людей в их выборе, не прибегая к дискутированию, например, через провокацию.

В соответствии со своими представлениями о роли дизайна Энтони Данн предложил практику моделирования дизайн-объектов, выходящую за рамки коммерческих методик проектирования продуктов потребления. Для моделирования будущего, во-первых, объекты должны характеризоваться как «постоптимальные»: в ситуации, когда оптимальные уровни производительности технологически уже достигнуты, дизайн выходит в сферы эстетики, поэтики, а то и идеологии. И во-вторых, дизайн-объекты должны функционировать по принципу «парафункциональности»: объекты оцениваются не с точки зрения структуры их практического функционирования, а с точки зрения того, в какой мере

их деятельность носит символический характер и способна определять поведение пользователя.

Подобный подход представляется применимым и в социальном дизайне — направлении системного анализа, ориентированного на развитие социальных общностей. Если мы хотим прогнозировать возможное будущее общественной системы, применяя критический дизайн как форму репрезентации возможностей, нужно выделить в практике бытования этой системы дизайн-продукты, существующие в формате постоптимального объекта. Манипуляции с таким объектом обладают потенциалом для достижения обширного спектра социокультурных, в том числе, политических и управленческих целей. При этом сам по себе объект в данный момент может казаться нам малым, незначительным, третьестепенным. Важно понять (а для этого придется сделать некоторое герменевтическое усилие), какое значение пользователи придавали/придают/могут придавать объекту во время эксплуатации [3]. При этом само бытование объекта в своем историческом развитии выделяется из событий социокультурной среды как текст, допускающий возможность понимания.

Э. Данн и Ф. Рэби интересовались в первую очередь электронными дизайн-продуктами. Но предложенные ими принципы вполне переносимы и на аналоговые вещи, выступающие в роли «овеществленной критики социальных проблем» (создание таких вещей и принесло им первоначальную известность в профессиональной среде [4]), а также на анализ цельных исторических практик (т.е. таких, чье бытование может быть представлено в виде связной и полной последовательности символов, описано в терминах становление/завершение, либо чья трансформация может быть периодизирована), предстающих как образцы постоптимальных объектов. В этом случае для исследователя обязательно формирование обобщенного совокупного представления о пользователе.

Лучшими цельными практиками для дизайнерской активности, по мнению профессора Массачусетского технологического института Ника Мондфорта, предстают области деятельности, связанные с питанием: «Если вы ищете будущее в собственном доме, добро пожаловать на кухню!» Именно на их примере яснее раскрывается, как «новые типы созидания будущего могут быть ограничены определенными культурными концепциями или, наоборот, порывать с ними» [5, с. 16]. Вот мы и возьмем в качестве примера постоптимального объекта критического социального дизайна столь,

казалось бы, незначительную вещь, как употребление кофе в СССР.

К тому же эта тема стала актуальной в российском обществе в 2010-е гг. в связи с проблемами урбанистики и популярной в то время концепцией «третьего места», т.е. общественных мест для неформальных встреч. Для рассматриваемых таких мест в качестве главных инструментов развития городской среды потребление кофе никоим образом не является «незначительной» вещью. Вот что пишет по этому поводу Рэй Ольденбург: «...большинство третьих мест мира почерпнули свою идентичность у напитков, которые в них продавались <...> Социально освященные напитки, или «катализаторы общения», — это почти всегда или стимуляторы, содержащие кофеин (кофе, чай, разнообразные виды колы), или вызывающие привыкания вещества (пиво, вино или спирт), содержащие алкоголь. Молочные бары редко пользуются большой популярностью» [6, с. 280].

История кофепития в России достаточно текстуальна, в том числе зафиксирована в большом числе письменных источников. Можно говорить о небольшом распространении кофе в российском обществе до 1917 г., на порядок уступавшего чаю. Так, если в годы гражданской войны последний рассматривался большевиками как стратегический товар, даже был создан особый чайный комитет, «Центрчай», то кофе игнорировался. Ситуацию изменили НЭП и политический интерес к миру угнетаемых империализмом африканских, азиатских и латиноамериканских стран, куда собирались экспортировать революцию. Если в 1921 г. было закуплено всего 46 т кофе, то в 1922 г. — 131 т, а в 1924 г. — почти 800 т. А в 1925 г. в СССР импортировано свыше 1400 т кофе на сумму почти 6 млн руб.

Введение кофе в советскую культуру питания было политически мотивированным проектом, который вполне можно назвать постоптимальным, поскольку главная производительность — установление экономических связей с постколониальным миром — уже достигнута. Парафункциональность же основывалась на поиске внешних социально-политических проблем; на постановке идеологически мотивированных вопросов; на том, что производство продукта должно было вызвать общественные дебаты (каждая чашка кофе напоминала об угнетаемых).

Для продвижения непривычного товара на внутренний рынок кофе было выделено почетное место в революционной истории как напитку вольнолюбивому, смутьянскому и антиклерикальному.

Главным трудом, обосновавшим идеологическую правильность революционного кофе, была переведенная на русский язык книга «Политические кофейни: парижские силуэты времен Великой французской революции» [7] одного из создателей немецкой социал-демократии Генриха Кунова, в которой французские кофейни живописались как места, в которых созревали идеи Великой Французской революции. Правда, современные читатели этой книги считают, что Г. Кунов главным образом отмечает царившую в них атмосферу азарта: «За столами шли бурные дискуссии и нередко обмен мнений заканчивался взаимными ругательствами и рукоприкладством. Периодически поднимался кто-нибудь из любителей поговорить, прочитывал что-либо вслух из газеты или памфлета, обращался к собравшимся с речью или декламировал какое-нибудь сатирическое стихотворение» [8]. То есть специфика именно кофейни и культуры кофе остается за пределами анализа. Хотя, с другой стороны, можно утверждать, что кофейни, как их представляет прочтение в русском переводе книги Г. Кунова, позиционируются как практики преобразования себя вне оптимальных и дружественных сред. Игровой азарт и прочее перечисленное содержимое постоптимальной среды кофейни выступают в качестве вспомогательных технологий трансформации отношений между людьми, провоцирующих взлом и преобразование коннективной структуры сообщества, появление и осмысление нового «Мы». Коннективную структуру я определяю в рамках концепции культурной памяти Яна Ассмана, как свойственную каждой культуре структуру, действующую связующим образом в двух измерениях — социальном и временном [9].

Ссылки на «революционность», идеологически санкционирующую практики кофепития, хватило вплоть до Великой Отечественной войны. Во множестве научно-популярных изданий, таких как «Главнейшие культурные растения» Е.В. Вульфа, статья о кофе, единственная из всех, сопровождается напоминанием о его революционности, т.е. мы видим не апелляцию к сложившейся практике, а реализуемый дизайн-проект: «кофейни сделались центрами, где обсуждались политические события, и это явилось причиной того, что в 1676 году в Англии по приказу короля все кофейни были закрыты как “революционные гнезда” и т.д. [10]. Потребление кофе в ранней советской практике было направлено в первую очередь не на удовлетворение физиологических потребностей, а на моделирование возможного лучшего социального

мира, что требовало от клиента изменить себя под предлагаемую общественно-политическую действительность. То есть введение этого продукта было, в предлагаемых терминах, формой критического дизайна, что отличало кофепитие от традиционных практик размеренных чаепитий — семейных или корпоративных.

Естественно, кофе не входил собственно в экологию питания, являясь символическим, т.е. парафункциональным объектом. И крах кофе как дизайн-объекта мировой революции совпал с потерей политического интереса к проектам Коминтерна, что и проявилось во время Великой Отечественной войны. Напиток стал акцентироваться в культуре как социальный вымысел — с переосмыслением поэтических, эстетических и идеологических составляющих его бытования в СССР. Подтверждение этому можно найти, к примеру, в воспоминаниях писателя В. Лидина, для которого Москва начала осени 1941 г. связана с запахом кофе на улицах города — уличные кафе еще работали, но единственным продуктом, на который не вводились карточки, был кофе. Впрочем, В. Лидин жил в гостинице «Москва», в самом центра города, что объясняет ситуацию с кафе. В получившей сталинскую премию повести И. Ликстанова «Малышок» описано, как зимой 1941–1942 гг. на прилавках уральских магазинов единственным продуктом в свободной продаже (что бросалось в глаза) был зеленый кофе — чуждый реальной культуре потребления населения.

В послевоенное время о революционном прошлом кофе сочинители ботанической и кулинарной литературы по большей части запамятовали. Лишь в школьной программе остались строки Владимира Маяковского, связывающие кофе с поиском разрешения проблем расизма: «а если вы любите кофий с сахаром, то сахар извольте делать сами» (стихотворение «Блек энд уайт»).

Соответственно, кофе перестает выполнять функции социального дизайна. Сначала он становится постоптимальным объектом без черт парафункциональности. Пример этому мы можем увидеть в книге Н. Верзилина «По следам Робинзона» — популярном руководстве голодного 1946 г. по поиску подножного пропитания для туристов, а на самом деле — для всех нуждающихся. Там глава о кофе идет, естественно, вслед за главой о чае. Чайная глава даже в своем заголовке рациональна — «Напиток, отгоняющий сон». Вот ее первая строка: «Ни один напиток так часто не употребляется нами, как чай». Кофейная глава носит название «Похищенное сокровище» и ее начало представляет

собой опыт в авантюрном жанре: «На трехмачтовом французском корабле отважный капитан де-Клие из Парижа вез сокровище» [11]. Авантюрная история о том, как привезли кофе на Мартинику, подменяет собой традиционную для кофейной темы отсылку к мировой революционности, вытесняет ее. То есть постоптимальный характер объекта выхолащивается, но формально еще существует, а вот парафункциональность убирается полностью, так как кофе начинает оцениваться только с точки зрения практического функционирования. И здесь ему предлагается замена — одуванчик и цикорий, получаемый из которых «кофе не только напоминает по вкусу и цвету настоящий кофе, но и ценен по своей питательности, чего нет в натуральном кофе» [11]. Кстати, обращает на себя внимание устойчивое использование слова «кофе» уже в двух значениях — собственно кофе и любой горький возбуждающий напиток. Вытесняется не только революционная мифология кофе, но и он сам как оригинальный объект.

Окончательно утрата культурой кофе постоптимального характера шла через использование его как ароматизатора, и, таким образом, включения в традиционную культуру еды. Новый статус был окончательно зафиксирован книгой Р.П. Кенгиса и П.С. Мархеля «Домашнее приготовление тортов, пирожных, печенья, пряников, пирогов». Это самая известная в СССР книга по выпечке и изготовлению кондитерских изделий. Для своего времени новаторская, ведь при работе с ней можно было обойтись без весов — в рецептах продукты отмеряются стаканами и ложками. Такой подход позволил «перезапустить» интерес к развитию домашней кулинарии. Кофе в книге представлен как ингредиент: крем масляный кофейный, крем сливочный кофейный, кофейный сироп для промочки, помада кофейная. Есть рецепт бисквитно-кофейных пирожных и кофейного торта с миндалем [12].

К 1960-м гг. кофе в советском обществе станет символом респектабельности, индивидуализма и определенной буржуазности, с особой риторикой и этикой, выраженным нарративом потребления. Кофепитие в целом перестанет в советской культуре быть критическим дизайнерским проектом к 1970-м гг., утратив черты социального инструмента, моделирующего будущее. Хотя мы можем обнаружить варианты формирования будущего через архаизирующие дизайн-решения (что как раз и характерно для нарратива советской респектабельности) в конце 1960–1980-х гг. Это в первую очередь появление нетипичной символики в оформлении

кофейных сервизов. Например, популярный сервиз «Павлин», выпускавшийся между 1967 и 1975 гг. в Новгородской области на заводе «Пролетарий». В советской массовой культуре того времени павлин, как кажется, — либо символ нелепой роскоши [как в фильме «Белое солнце пустыни» (1970 г.) — реплика Сухова Верещагину: «Павлины, говоришь?»], либо тщеславия («распустил павлиньи перья»), самомнения, либо просто глупости (мультфильм «Приключения Мюнхгаузена». Фильм 3: «Павлин» — творческое объединение «Экран», 1974 г.).

Между тем, в раннехристианском искусстве павлин — символ бессмертия: и в плане преодоления распада, разложения физического тела, и в плане утверждения бессмертия души. Он же — зримый символ Рая. Эти представления наследуют арийской традиции, в которой павлин является символом всевидящего Солнца (в христианском искусстве замена на символ всевидящей Церкви) и вечных космических циклов. Ярче всего эта символика павлина представлена в памятниках V–VI вв. итальянской Равенны — в мозаике, в резьбе мраморных оград и саркофагов замечательных храмов тогдашней столицы Западной Римской империи. Традиция такого понимания образа павлина сохранялась в европейской культуре. Настоящим ренессансом символики павлина в начале XX в. стало искусство стиля «модерн». И русскую живопись это увлечение не минуло: Исаак Бродский «Сказка» (1911 г.), Александр Гауш «Павлины у фонтана» (1915 г.), Михаил Ларионов «Павлин» (1908 г.) и т.д. Единство с этой культурной традицией в советские 1960–1980-е гг., как это ни странно, еще сохранялось и воспроизводилось на предметах для среднего класса, к которым мы относим кофейные сервизы.

Почему именно кофейные сервизы в 1960–1980-е гг. представляются более «свободными», чем другая посуда, в своем художественном решении? Нельзя сказать, что кофейные сервизы были уж очень востребованными в советском быту. Тем не менее в ассортимент товаров они входили, в продаже были и стоили в среднем чуть дешевле сервизов чайных. В культуре среднего класса они занимали нишу «хорошего подарка». Сами себе такое изделие (более символическое, чем актуальное) семьи среднего достатка редко покупали. А раз это подарок, маркирующий высокий статус семьи, то в квартире, скорее всего, у него будет место, пригодное для символической репрезентации, например, в серванте. Вот такой, всеми негласно принимаемый, статус изделия предполагает большую свободу в его дизайнерских решениях. Более того, если говорить

Рис. / Fig. Кофейная пара из сервиза «Павлин». Завод «Пролетарий». СССР, Новгородская область, с. Бронница, 1967–1975 гг. Открытое письмо «Желаем счастья!» (Художник З. Ставиская. Издательство «Изобразительное искусство». Москва, 1989 г. Тираж 500 000. Цена 5 копеек) / Coffee couple of cups of “Pavlin”. Plant “Proletariy”. USSR, Novgorod region, village Bronnitsa, 1967–1975. Open Letter “Wishes of Happiness!” (Artist Z. Staviskaya. Publishing “Visual Arts”. Moscow, 1989. Edition 500 000. Price 5 cents)

Источник / Source: фото М.Алдушиной для журнала Café Société / photo by M. Aldushina for the journal Café Société.

о миниатюрных кофейных парах, — эти предметы существовали в советской культуре скорее не как подарки, а как сувениры. По определению Татьяны Быстровой, «сувенир не имеет столь развитого социального сопровождения, какое есть у подарка. Смысловое наполнение сувенира более *лично* и, скажем так, *менее меркантильно*. Поскольку представление о сувенире предполагает соотнесение с индивидуальной памятью владельца, социальное бытие сувенира начинается не с момента производства, а с момента выбора и приобретения» [13, с. 27].

Таким образом, в довоенный период потребление кофе в СССР можно рассматривать как критический объект практики социального дизайна, призванный формировать новые культурные и социальные ценности. Пусть и не столь ради-

кальный, но, наряду со многими другими, в их самом широком диапазоне. На противоположном полюсе, очевидно, будут расположены практики политических репрессий как наиболее радикальные трансформации коннективных структур советского общества.

В послевоенный период потребление кофе постепенно становится объектом аффирмативного дизайна, соответствующего культурным, социальным и экономическим ожиданиям определенной части аудитории пользователей, так называемого советского среднего класса. То есть «новаторство» в культуре кофе уже вторично по отношению к запросу пользователей, не имеет провокационного характера и направлено на формирование оптимальной среды для пользователей.

К таким же предметам советской культуры для среднего класса, только с большим идеологическим контролем за внешним видом и содержанием, в 1960–1980-е гг. можно отнести поздравительные открытые письма и традицию их написания. В 1980-е гг. тематика художественных открыток расширяется. В дополнение к постепенно утрачивающим актуальность советским праздникам и сюжетам появляются такие темы, как обобщенная: «Желаем счастья!» [14]. При разработке канона оформления выбор пал именно на образ павлина. Чем не «дизайн возможностей», по сути, предлагающий советскому среднему классу новые коммуникативные ситуации в общении с близкими? (см. рисунок).

В данном случае речь идет о концепции американского автора Ральфа Каплана. В ней он, отталкиваясь от предложенного в 1960-е гг. Эдгаром Кауфманом-младшим понятия «дизайн ситуаций», полагает предложение дизайнера первичным по отношению к запросу заказчика: «дизайн возможностей — это дизайн инициативы, а не реакции» [15]. «Дизайн ситуации» близок к критическому дизайну, но исторически был связан с теорией и практикой архитектуры — областью, где заказчика трудно представить вторичным персонажем, поэтому развитие теории было обрывочным, да и само это понятие «то всплывало, то вновь исчезало».

Но вернемся к теории критического дизайна, историей которого уже занимаются и отечественные исследователи [16]. Представляется очевидным, что критический дизайн невозможно свести только к технике антирыночной провокации, стимулирующей творческую самостоятельность студентов, к чему склоняется, например, Даян Суджич, анализируя работы Э. Данна и Ф. Рэби [4]. Но для того, чтобы развиваться как форма дискурса, как и предполагал Энтони Данн [17], он должен выйти за рамки проектирования традиционных продуктов потребления, перейдя к моделированию социальных коммуникаций. К тому же, его методология позволяет по-новому взглянуть на текстуальность историко-культурных процессов, переосмыслить тем самым их прошлое и прогнозировать будущее.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Верганти Р. Инновации, направляемые дизайном: как изменить правила конкуренции посредством радикальных смысловых инноваций. Пер. с англ. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС; 2018. 384 с.
2. Dunne A. & Raby F. *Speculative Everything: Design, Fiction and Social Dreaming*. Cambridge: The MIT Press; 2013. 235 p.
3. Hällnas L. & Redström J. From Use to Presence: On Expressions and Aesthetics of Everyday Computational Things. *ACM Transactions on Computational Things*. 2002;9(2):106–124.
4. Суджич Д. В как Bauhaus: Азбука современного мира. Пер. с англ. М.: Strelka Press; 2017. 400 с.
5. Монтфорт Н. Будущее: принципы и практики созидания. Пер. с англ. М.: Strelka Press; 2021. 160 с.
6. Ольденбург Р. Третье место: Кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение; 2014. 456 с.
7. Кунов Г. Политические кофейни: парижские силуэты времен Великой французской революции. Пер. с нем. Л.: рабочее издательство «Прибой»; 1926. 64 с.
8. Терновая Л. Войны в кофейном и чайном «пространствах». *Государственная служба*. 2013;(4):54–57.
9. Вульф Е.В. Главнейшие культурные растения. М.: ОГИЗ-Сельхозгиз; 1940. 151 с.
10. Верзилин Н. По следам Робинзона. М.-Л.: Детгиз; 1946. 192 с.
11. Кенгис Р.П., Мархель П.С. Домашнее приготовление тортов, пирожных, печенья, пряников, пирогов. М.: Пищепромиздат; 1959. 500 с.
12. Шабурова О.В. Советский мир в открытке. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый; 2017. 328 с.
13. Быстрова Т. Сувенир: назначение и проектирование. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый; Екатеринбургская академия современного искусства; 2018. 156 с.

14. Каплан Р. С помощью дизайна. Почему не было замков на дверях ванных комнат в отеле «Людовик XIV» и другие примеры. Пер. с англ. М.: Изд-во студии Артемия Лебедева; 2021. 328 с.
15. Костюк И. С. Критический дизайн. Современное концептуальное проектирование идей, рождающих дискуссии. *Человек и культура*. 2018;(3):24–35. DOI: 10.25136/2409–8744.2018.3.26315
16. Dunne A. “Hertzian Tales”: Electronic Products, Aesthetic Experience and Critical Design. London: RCA Computer Related Design Research Publications; 1998. 174 p.

REFERENCES

1. Verganti R. Design Innovation: How to Change Competition Rules through Radical Conceptual Innovation. Moscow: Publishing house “Delo” RANEPА; 2018. 384 p.
2. Dunne A. & Raby F. Speculative Everything: Design, Fiction and Social Dreaming. Cambridge: The MIT Press; 2013. 235 p.
3. Hällnas L. & Redström J. From Use to Presence: On Expressions and Aesthetics of Everyday Computational Things. *ACM Transactions on Computational Things*. 2002;9(2):106–124.
4. Sudjic D.V. Bauhaus: Alphabet of the Modern World. Moscow: Strelka Press; 2017. 400 p.
5. Montfort N. The Future: Principles and Practices of Creation. Moscow: Strelka Press; 2021. 160 p.
6. Oldenburg R. Third Place: Cafes, Coffee Shops, Bookshops, Bars, Beauty Salons and other Places “Parties” as the Foundation of the Community. Moscow: New Literary Review; 2014. 456 p.
7. Kunov G. Political Coffee Houses: Paris Silhouettes since the French Revolution. L.: Publishing House Priboj; 1926. 64 p.
8. Ternovaya L. Wars in Coffee and Tea “Spaces”. *Public Service*. 2013;(4):54–57.
9. Woolf E.V. The most important cultural plants. Moscow: OGIZ-Selhozgiz; 1940. 151 p.
10. Verzilin N. In the footsteps of Robinson. Moscow-Leningrad: Detgiz; 1946. 192 p.
11. Kengis R.P., Marhel P.S. Home cooking cakes, cakes, cookies, gingerbread, pies. Moscow: Pichepromizdat; 1959. 500 p.
12. Shaburova O.V. Soviet world in postcard. Moscow, Yekaterinburg: Cabinet scientist; 2017. 328 p.
13. Bystrova T. Souvenir: purpose and design. Moscow, Yekaterinburg: Cabinet scientist; Yekaterinburg Academy of Modern Art; 2018. 156 p.
14. Kaplan R. Using design. Why there were no locks on the bathroom doors at the hotel “Ludovic XIV” and other examples. Moscow: Studio Artemia Lebedev; 2021. 328 p.
15. Kostyuk I.S. Critical design. Modern conceptual design ideas that give rise to discussions. *Human and Culture*. 2018;(3):24–35. DOI: 10.25136/2409–8744.2018.3.26315
16. Dunne A. “Hertzian Tales”: Electronic Products, Aesthetic Experience and Critical Design. London: RCA Computer Related Design Research Publications; 1998.174 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Андрей Алексеевич Трошин — кандидат философских наук, старший преподаватель департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия

Andrey A. Troshin — Cand. Sci. (Philos.), Senior Lecturer, Department of Mass Communications and Media Business, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-5041-0671>

AATroshin@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 30.05.2022; принята к публикации 20.06.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 30.05.2022; accepted for publication on 20.06.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-57-62
УДК 32.019.5(045)

Эффекты цифровизации как вызовы для эффективности демократии и «массовой политики» на современном этапе*

С.П. Митрахович

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме влияния эффектов цифровизации на институты и идеологию демократии в ее различных современных интерпретациях, а также на изменения форматов участия масс в политике. Технологический прогресс и развитие электронных систем коммуникации приводят зачастую к неожиданным, если не парадоксальным, последствиям в системе отношений между элитизмом и массовой политикой. В итоге новая стадия борьбы за управление общественным мнением и основными каналами коммуникации оказывается одновременно и следствием технологических изменений, и эволюцией прежде не разрешенных базовых противоречий «массовой» политики. Для элитистского подхода характерен приоритетный курс на сохранение контроля над ключевыми цифровыми площадками «ради общего блага» через договоренности с «цифровой олигархией», что минимизирует деструктивные с точки зрения политического мейнстрима попытки контрсистемных сил добиться изменения статус-кво в доминирующих идеологиях, ценностных раскладах и общей расстановке сил. Для адептов расширения возможностей массовой политики новые технические возможности как раз дают гипотетические шансы для коррекции статус-кво, и в этом смысле вроде бы «прогрессивистская» повестка открывает дорогу и для консервативных, и для аудсайдерских по отношению к политическому мейнстриму политических и интеллектуальных групп.

Ключевые слова: демократия; цифровизация; элитизм; массовая политика; прогрессивизм; метавселенная

Для цитирования: Митрахович С.П. Эффекты цифровизации как вызовы для эффективности демократии и «массовой политики» на современном этапе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(5):57-62. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-57-62

ORIGINAL PAPER

The Effects of Digitalization as Challenges to the Effectiveness of Democracy and “Mass Policy” at the Present Stage**

S.P. Mitrakhovich

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of the influence of the effects of digitalization on institutions and ideology of democracy in its various modern interpretations, as well as on the very evolution of the formats of participation of the masses in politics. Technological progress and the development of electronic communication systems lead to often unexpected, if not paradoxical, consequences in the relationship between elitism and mass politics. As a result, a new stage in the struggle for the management of public opinion and the main channels of communication is at the same time a consequence of technological changes and the evolution of the “mass” policy’s previously unregulated basic contradictions. The elitist approach is characterized by a priority course of maintaining control over the key digital platforms “for the common good” through agreements with the “digital oligarchy”, which minimizes destructive, from the point of view of the political mainstream, attempts by counter-systemic forces to change the status quo in dominant ideologies, values and power relations. For the extension adepts of mass politics, the new technical possibilities just

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета в 2022 г.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budget funds on the State assignment of the Financial University.

give a hypothetical chance to correct the status quo, and in this sense, the “progressive” agenda opens the way for the conservative, and for outsider, in relation to the political mainstream, political and intellectual groups.

Keywords: democracy; digitalization; elitism; mass politics; progressivism; metaverse

For citation: Mitrakhovich S.P. The effects of digitalization as challenges to the effectiveness of democracy and “mass policy” at the present stage. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(5):57-62. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-57-62

Институты и идеологии можно рассматривать как производные от изменяющихся социально-экономических условий функционирования обществ. В то же время сформировавшиеся устойчивые правила игры в социальной и экономико-политической жизни сами становятся фактором дальнейшей общественной трансформации. Идеологии, идеологическая мода, интеллектуальный мейнстрим в академической, экспертной и журналистской среде по факту оказываются драйверами эволюции социальной жизни.

По мере технологического прогресса (особенно в коммуникативной сфере), напрямую связанного с цифровизацией экономической, социальной и даже частной сферы жизни, общества приходят к поиску нового равновесия между «массовой политикой» (вовлечение масс в политику как процесс принятия решений) и элитизмом.

С одной стороны, именно цифровизация с ее социальными сетями, регистрацией огромного количества учетных записей в государственных и коммерческих сервисах создает дополнительную значимость фактору масс — насколько они лояльны тем или иным политическим режимам, доминирующим идеологиям и стандартам поведения. Легитимность властей и установленных социальных порядков оказывается буквально в шаге от перманентной «зоны риска», зависящей от динамики общественного мнения. Соответственно, политики, топ-менеджеры, принимающие ключевые решения в бизнесе, а также руководители третьего сектора практически становятся заложниками конъюнктуры общественных настроений, которая через эффекты цифровизации (электронные опросы, голосования, «культура отмены», поведение «электронных потребителей») минимизирует свободу принятия решений. Подобная зависимость от массовых настроений ярко проявилась в ходе российско-западного политического конфликта из-за «украинского кейса» 2022 г. — многие компании из числа бизнес-партнеров России и даже некоторые умеренные политики были бы готовы продолжать достаточно конструктивное взаимодействие с Россией, если бы не опасения подвергнуться массовой обструкции через общественное мнение западных стран.

С другой стороны, контроль над ключевыми площадками цифровой коммуникации и ключевыми каналами, через которую эта массовая цифровая коммуникация происходит, оказывается в руках вполне определенных и ограниченных по численности элитных групп. В случае с западными странами речь идет о доминирующих социальных сетях (ставших «социальными медиа»), которые контролируются несколькими ключевыми корпорациями, напрямую связанными с Демократической партией США и их ближайшими союзниками, что приводит к эффекту «политически поляризованных платформ» [1]. В странах с незападной политической системой, вроде Китая или Турции, характерными чертами становятся попытки государства и лояльной части гражданского общества создать свои собственные (и ограниченные в количестве) каналы цифровой коммуникации, которые бы предотвращали риски протестной мобилизации.

Институты голосования и демократии, особенно интерпретируемые через концепцию «один человек — один голос», на первом этапе цифровой революции создавали представление о возможности очень сильной антиистеблишментской волны за счет самоорганизации масс. Исследователи отмечают способность цифровых инструментов радикально менять интенсивность человеческой деятельности в любых сферах, включая общественно-политическую активность, а также стимулировать быстрое накопление инновационного и операционного опыта [2]. Трансляции программных установок и идеологических парадигм, мобилизации электоральных групп и общественного мнения оказались намного проще, в том числе для протестных социальных страт.

В случае с Европой это привело к успеху целого ряда партий, от «Альтернативы для Германии» (которую СМИ и эксперты одно время называли «партией Facebook»¹) до Podemos в Италии, UKIP в Великобритании, «Истинные финны» в Финляндии и т.д.

¹ URL: <https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2017/09/26/germanys-far-right-party-afd-won-the-facebook-battle-by-a-lot/>

По данным The Washington Post, в 2017 г. пользователи в Facebook сделали репостов агитационных публикаций «Альтернативы для Германии» больше, чем у всех остальных партий вместе взятых. При этом к сайтам «Альтернативы для Германии» чаще всего обращались те граждане ФРГ и потенциальные избиратели, которые чувствовали себя отсеченными от политического мейнстрима и мейнстримных СМИ (доступ же к аккаунтам «альтернативной партии» давал возможность преодолевать политико-психологический эффект депривации).

В случае с Китаем оппозиционная деятельность через цифровые каналы стала особенно заметной в ходе общественных (изначально студенческих) прозападных [3] волнений в Гонконге 2019–2020 гг. Символом этих протестов стали зонты (отсюда неофициальный термин «революция зонтиков»), но также и использование неподконтрольных китайскому правительству цифровых коммуникационных технологий, включая bluetooth-мессенджер FireChat. Правительство КНР в итоге смогло взять ситуацию под контроль и, по крайней мере, на время остановило подрывную деятельность прозападной оппозиции, приложив дополнительные усилия для закрепления в Китае доминирующей роли национальных интернет-платформ. Спустя примерно два года на жесткие ограничительные меры в отношении Facebook, Twitter и Instagram вынуждены были пойти и российские власти, посчитав деятельность данных сетей экстремистской и направленной на создание коммуникативных условий для подрывной деятельности в России по отношению к сложившейся социально-политической системе и к большинству граждан РФ в принципе.

На Западе отношение к ключевым цифровым платформам разделилось не только между политическим мейнстримом и антисистемными силами, но и между «ядром мейнстрима» и вытесненными на периферию элементами. Так, республиканцы в США открыто обвиняли Facebook и Twitter в игре на стороне Демократической партии — сначала в период президентства Д. Трампа, а позже при администрации Д. Байдена. Эти сети стали восприниматься чуть ли не как всемогущие привратники (gatekeepers) при информационных потоках и во многом заменили традиционные медиа. В республиканском сознании сами алгоритмы работы социальных сетей организовывали отбор и подачу новостей исключительно в выгодном американским либералам ключе, трансформируя институт «свободных и честных выборов» (free and fair elections).

Манипулирование происходило и за счет более тонких механизмов, которые стали называться «групповые намеки», или «намеки относительно принадлежности / не принадлежности к группе» (out-group cues). Количество соответствующих слов-маркеров, терминов-маркеров, специфических культурных и коммуникационных отсылок было столь велико, что позволяло создать для консервативно настроенных пользователей сознательный и направленный эффект депривации, не говоря уже о работе ангажированных медиаторов для возникновения конфликтных ситуаций между пользователями сети. По мнению консерваторов, профильно развивалось целое технико-коммуникативное направление «фильтрации позиций противоположной стороны» через специфическую организацию работы SNSs (social networking sites), куда входят и «сети по интересам» вроде Reddit, Slack, Snapchat и даже Tinder [4]. В результате уровень разобщенности только рос, поскольку пользователи переносили недовольство собеседником с одной площадки на другую, создавая эффект группового негативного сознания.

Интересно, что американские либералы (т.е. Демократическая партия и ее академические и медийные сателлиты) организовали в конце срока работы администрации Трампа несколько слушаний в конгрессе, посвященных возможным антимонопольным ограничениям на работу так называемых компаний Big Tech. Формальным предлогом было выяснение позиций компаний относительно их готовности поступиться своим практически монопольным (олигопольным) статусом, отдельные видные члены партии даже анонсировали некие будущие антитрастовые меры в духе исторических дел против Standard Oil. Однако на практике Big Tech так и не тронули — демократам оказалось выгодно позиция, при которой компании находятся под перманентным риском антимонопольных дел, но они так и не начинаются, пока компании подыгрывают именно демократам. Апофеозом данного консенсуса «цифровых олигополий и Демпартии» стало удаление аккаунта Дональда Трампа в Twitter, несмотря его огромную личную популярность в этой социальной сети. В 2022 г., спустя небольшое время после объявления о покупке Twitter предпринимателем Илоном Маском, новый владелец компании объявил о планах вернуть экс-президенту его аккаунт. Популярной интерпретацией в мейнстримных СМИ стала версия, что Маск, несмотря на весь свой либерально-авангардный имидж, готовится к альянсу с республиканцами [5], создавая альтернативу альянсу CNN и Facebook.

Цифровизация массовой политики в упомянутом контексте может привести к специфическим эффектам для демократии: либо будет меньше представлено альтернативных точек зрения, либо (если мы увидим условно «демократический» Facebook и «вновь открытый для консерваторов» Twitter) станет нарастать поляризация общественных настроений. По теории социального капитала, предложенной С. Хантингтоном в его работе «Кто мы?» в 2004 г., подобного рода отношения нужно будет обозначать не как «объединяющий социальный капитал» (bridging social capital), а «разъединяющий социальный капитал» (bonding social capital), когда привычные социальные связи, в том числе в цифровом мире, «огораживают» человека по критериям удобной или приятной сферы общения «со своими». «Свои» могут пониматься в идеологическом, расовом, гендерном, религиозном, возрастном и т.д. планах.

Уровень демократизации при этом, по версии Хантингтона и его современных идейных продолжателей, неизбежно снижается, поскольку вместо осознания себя одной нацией граждане начинают чувствовать себя частью различных изолированных «цифровых наций», зачастую враждебных друг другу. Возникает эффект, который некоторые наблюдатели называют «эхо-камерой» (echo chamber), когда ее участники слышат только собственную аргументацию, не выходящую за пределы «своего» круга². Цифровизация по модели Facebook, который подгрызает одним силам против других, «наклоня само информационное пространство в нужном направлении» (tilting), как раз и способствует появлению «эхо-камер», в том числе за счет маргинализации альтернативных дискурсов и нарративов и «изгнания» их с основных платформ.

В случае возвращения трампистов — если они хотя бы частично будут представлены в ключевых социальных сетях — эффект «огораживающего», «изолирующего» социального капитала может быть уменьшен. Однако все равно давление на «неправильных правых» и «неправильных левых» будет продолжаться под предлогом недопущения ими «эксплуатации возможностей, предоставляемых цифровизацией». Так, «неправильный левый популизм» собираются не допустить к возможностям «платформ капитализма» [6] (собственно, всей инфраструктуре Big Tech), поскольку пока что со

стороны мейнстрима есть «рациональные опасения», что расцвет левого популизма последних лет непосредственно совпадает с расцветом социальных медиа. Ведь именно там было проще всего публиковать протесты против экономической политики жесткой экономии (austerity), которая проводилась несколько лет многими западными правительствами после международного экономического кризиса 2008–2009 гг.

Аналогичным образом «цифрового заглушения» стоит ожидать и относительно «излишне правых» общественных движений в ряде стран, включая, кстати, и Россию, где подобные силы также активно использовали технические достижения цифровизации [7]. По сути, современная форма либерализма (левого либерализма) вообще предполагает отождествление консервативных претензий на статус «уязвимой и заглушаемой группы» с попытками негативно оцениваемых «влиятельных политических групп, партий и индивидов обвинять (мейнстримные) медиа и вообще порядок, возникший по итогам глобализации, в манипуляциях и замалчиваниях» [8]. Якобы соответствующие влиятельные группы «идеализируют придуманное ими самими прошлое» и «строят конспирологические теории против «глобального общества под неолиберальными установками» (делается вывод, что это сомнение в глобализме обязательно мешает демократизму, секуляризму и плюрализму).

Дополнительно ситуация ухудшится при постепенном разворачивании уже анонсированных так называемых метавселенных (Metaverse), по сути, «виртуальных миров» в их первом технологическом приближении, где человек будет чувствовать себя психологически комфортно, по факту оказываясь изолированным от «обычного общества». Тем более, что управлять этими метавселенными будут все те же олигопольные компании из числа Big Tech, что вновь поднимает вопрос о допустимости смешения corporate governance и собственно social governance [9].

Первые попытки институционализации государственных и демократических организаций (включая выборные и представительские) в метавселенных уже делаются. Маленькое островное государство Барбадос уже открыло «дипломатическое представительство» в Decentraland, онлайн-мире, или метавселенной, куда можно входить через компьютер и шлем виртуальной реальности³. «Участок» под

² Facebook is tilting the political playing field more than ever, and it's no accident. URL: <https://theconversation.com/facebook-is-tilting-the-political-playing-field-more-than-ever-and-its-no-accident-148314>

³ Barbados Is Opening a Diplomatic Embassy in the Metaverse. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-12-14/>

площадь посольства был продан, согласно данным Bloomberg, за 2,43 млн долл. — примерно так же модные дома продают в этой метавселенной («иммерсивной окружающей среде») за реальные деньги виртуальную одежду, которую можно использовать для «более глубокого погружения» в процесс существования в онлайн-мире, или, например, для рекламы конкретных моделей, которые пользователи Decentraland потом могут купить в реальности.

Институты политического и общественного регулирования на уровне «умного города» (популярная прикладная концепция вовлечения населения в управленческий процесс и удовлетворения потребностей жителей за счет оптимизированной коммуникации с властями) вполне соединимы с концепцией метавселенных. Так, Сеул в 2023 г. должен стать первым крупным городом, создающим свою собственную метавселенную (Metaverse Seoul⁴) для улучшения доступа своих жителей к сервисам муниципальной власти. Планируется использовать такие нововведения, как виртуальные публичные слушания, виртуальный доступ к мэрии, виртуальный туризм, виртуальный доступ к рынкам и культурным мероприятиям.

Применительно к демократии опыт Сеула и его последователей оптимисты обычно называют digital twinning of democracy (цифровое дублирование демократии). Как обычно, скепсис выражается относительно Китая с его контролем над интернетом, но тогда возникает вопрос о правилах общения между метавселенными, тем более что имеется опыт открытия цифровой дипломатии.

В 2021 г. на уровне Совета Европы был представлен доклад о влиянии цифровой трансформации на демократию и пресловутый good governance⁵. Оптимистическая часть доклада в основном касается концепции делиберативной демократии, позволяющей гражданам активнее вовлекаться в публичную сферу деятельности (онлайн-обсуждения, голосования, референдумы, консультации по текущим вопросам принятия важных для общества решений, финансовая поддержка одобряемых гражданами инициатив, обмен опытом). Указывается, что в новую цифровую эпоху изменения должны

затронуть и государственных гражданских служащих, что означает существенный культурный сдвиг. Отдельно выделяется необходимость не только делиберативной, но и партиципаторной демократии (представительство/обсуждение, желательно с поиском консенсуса, и непосредственное участие в принятии решений). В качестве рисков называются возможные проблемы с использованием систем с элементами искусственного интеллекта. Хотя, например, именно наличием «умных алгоритмов» в тех же социальных сетях или на новостных сайтах было принято объяснять «внезапные» появления в топе важных новостей нужных мейнстримным партиям сообщений.

Отметим, что в цифровую эпоху не только в Европе активное внимание уделяется эволюции демократии в сторону делиберативной и партиципаторной модели, когда граждане могут, например, влиять на голосование своих уже избранных депутатов через опросы на сайтах представительных органов власти и т.п. В Бразилии, например, также экспериментируют с новыми инструментами, с помощью которых граждане могут предлагать модели распределения государственных ресурсов и разрабатывать законопроекты — местными органами власти уже созданы платформы, позволяющие людям публично представлять концепции, ранжировать приоритеты. Некоторые из этих инструментов и платформ были опробованы в Мадриде, Барселоне, Хельсинки и Рейкьявике в рамках исследовательского проекта «D-CENT» британского агентства социальных исследований Nesta [3].

Подводя итоги, отметим, что концепции делиберативной и партиципаторной демократии пересекаются с концепцией делегативной (также называемой «ликвидной» / liquid democracy) демократии в ее социалистической интерпретации, когда власть оказывается у делегатов, а не у представителей. Каждый гражданин в условиях liquid democracy либо сам участвует в принятии решений, либо в нужный момент передоверяет это право своему делегату. Похожая модель существовала еще во времена Парижской коммуны в 1871 г., с тех пор она пережила несколько витков популярности в социалистической идеологии. На текущем этапе развития — и технологического (цифровизация, облегчение процесса коммуникации с помощью технологий), и идеологического (когда западный либерализм смещается в сторону социализма) — идея liquid democracy вновь оказывается востребованной. В том числе с ее помощью можно подкорректировать возможные ошибки

barbados-tries-digital-diplomacy-with-planned-metaverse-embassy

⁴ How Seoul is creating a metaverse for a smarter city. URL: <https://venturebeat.com/2022/05/05/how-seoul-is-creating-a-metaverse-for-a-smarter-city/>

⁵ Study on the impact of digital transformation on democracy and good governance. URL: <https://rm.coe.int/study-on-the-impact-of-digital-transformation-on-democracy-and-good-go/1680a3b9f9>

излишне автоматизированных алгоритмов, действующих на базе статистики («идеологии данных» — ideology of dataism, когда большие данные должны быть доступны обществу, даже если это сопряжено с нарушениями приватности отдельных лиц и их жизни). Не случайно «околосоциалистические» авторы из Скандинавии пишут о необ-

ходимости оптимизации цифрового государства всеобщего благосостояния [10], так как излишне прямолинейное следование формальным алгоритмам, предлагаемым цифровизацией, на практике вызывает проблемы в сфере трудовой занятости, пенитенциарной системы, коммуникаций общественного сектора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Calice M.N., Bao L., Freiling I., Howell E., Xenos M.A., Yang S., Brossard D., Newman T.P., Scheufele D.A. Polarized Platforms? How Partisanship Shapes Perceptions of “Algorithmic News Bias”. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/14614448211034159> DOI: <https://doi.org/10.1177/14614448211034159>
2. Гаврилова Ю.В., Ильин Н.С. К вопросу о важности цифровизации демократии: анализ зарубежного опыта. *История государства и права зарубежных стран*. 2021;(12):97–101. Gavrilova I.V., Ilin N.S. On the Issue of the Importance of Democracy Digitalization: Analysis of the Foreign Experience. *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnyh stran*. 2021;(12):97–101. (In Russ.).
3. Yingqin Z. The Radicalization of Young Protesters in Hong Kong: Under the Context of Globalization and Power Relations. *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2020;06(04):413–430. DOI: <https://doi.org/10.1142/S 237774002050013X>
4. Heatherly K.A., Lu Y., Lee J.K. Filtering out the other side? Cross-cutting and like-minded discussions on social networking sites. *New Media & Society*. 2017;19(8):1271–1289. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444816634677>
5. Ball M. What Elon Musk Really Believes. URL: <https://time.com/6170696/elon-musk-politics-twitter/>
6. Dyer-Witford N. Left Populism and Platform Capitalism. tripleC: Communication, Capitalism & Critique. *Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society*. 2020;18(1):116–131. DOI: <https://doi.org/10.31269/triplec.v18i1.1130>
7. Митрофанова А.В., Михайленок О.М. Правопопулистские гражданские движения: западный опыт и российская ситуация. *Мировая экономика и международные отношения*. 2021;(3):120–129. Mitrofanova A.V., Mikhailenok O.M. Right Wing Populist Civic Movements: Western Experience and the Situation in Russia. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2021;(3):120–129. (In Russ.).
8. Ghosh B. Politics of Manufacturing Consent in a Post-Truth Society. *Journal of Developing Societies*. 2022;38(1):7–26. DOI: <https://doi.org/10.1177/0169796X211068451>
9. Verdi B. Welcome to the Metaverse: The Peril and Potential of Governance. URL: <https://www.fairobserver.com/business/technology/benjamin-verdi-facebook-metaverse-virtual-reality-democracy-governance-tech-news-12821/>
10. Andreassen R., Kaun A., Nikunen K. Fostering the data welfare state: A Nordic perspective on datafication. *NORD I C O M Review*. 2021;42(2):207–223. DOI: <https://doi.org/10.2478/nor-2021-0051>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Станислав Павлович Митрахович — старший преподаватель департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Stanislav P. Mitrakhovich — Sen. Lect., Department of Political Science of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-2252-6006>

spmitrahovich@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.09.2022; принята к публикации 30.09.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.09.2022; accepted for publication on 30.09.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-63-69
УДК 1(045)

Виртуальная среда как жизненное пространство современного человека*

М.В. Клементьева

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрен один из ключевых парадоксов взаимодействия человека с виртуальной средой: в то время, как виртуальная среда является непрерывным потоком искусственно созданной информации, человек воспринимает ее как психологическое жизненное пространство. Цель исследования состоит в оценке степени репрезентативности и валидности топографического подхода к психологическому анализу виртуального жизненного пространства современного человека. Проведен метаанализ публикаций в области психологической науки, касающихся проблематики виртуальной среды и показателей жизненного пространства личности. Источниками являются наукометрические базы данных (РИНЦ, Scopus, Web of Science, Google Scholar). Ключевые слова для метаанализа публикаций: «виртуальная среда» и «виртуальное пространство». Область исследования ограничена психологической наукой. Дополнительно установлен критерий для отбора публикаций: зависимые переменные исследований должны быть количественными или качественными показателями составляющих жизненного пространства (потребности, мотивы, цель, способности, эмоции, поведение и пр.). В метаанализ включены 4390 статей, опубликованных с 1995 по 2021 г.

Ключевые слова: виртуальная среда; жизненное пространство; метаанализ; личность; онлайн-поведение; пользователь

Для цитирования: Клементьева М.В. Виртуальная среда как жизненное пространство современного человека. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового Университета*. 2022;12(5):63-69. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-63-69

ORIGINAL PAPER

Virtual Environment as a Vital Space of the Modern Person**

M.V. Klementyeva

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

In the article considers one of the key paradoxes of human interaction with the virtual environment: while the virtual environment is a continuous flow of artificially created information, the person perceives it as a psychological vital space. The goal of the research is to assess the degree of representativeness and validity of the topographic approach to the psychological analysis of the virtual vital space of modern person. Meta-analysis of publications in the field of psychological science related to the problems of virtual environment and indicators of the vital space of the person is conducted. Sources are science-metric databases (Russian Science Citation Index, Scopus, Web of Science and Google Scholar). Keywords for meta-analysis of publication are: "virtual environment" and "virtual space". Additionally, the criterion for the selection of publications is set: dependent variables of research should be quantitative or qualitative indicators of the components of the life space (needs, motives, purpose, abilities, emotions, behavior, etc.). 4390 articles published between 1995 and 2021 were controlled in terms of their conformity to the objectives of the research.

Keywords: virtual environment; vital space; meta-analysis; person; online behavior; user

For citation: Tretyakova G.V. The use of fictions in the course of teaching students the discipline "Foreign language (special)". *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(5):63-69. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-63-69

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budget funds on the State assignment of the Financial University.

Реальным является то, что имеет эффекты
К. Левин.

ВВЕДЕНИЕ

Почему искусственно созданный поток перцептивной информации пользователь воспринимает как психическую реальность? Постановка вопроса, а также способ его решения лежат в анализе психологических механизмов взаимодействия человека с виртуальной средой.

Цифровые технологии коренным образом изменили жизнь человека в XXI в., создав множество различных виртуальных сред: дополненной реальности (AR — Augmented Reality), виртуальной реальности (VR — Virtual Reality), смешанной реальности (MX — Mixed Reality), расширенной реальности (XR, где «х» — неизвестная переменная, «х-реальность») и пр. Некоторые из них асинхронны и базируются на обмене данными, информацией или ссылками, а другие синхронны и позволяют участникам взаимодействовать в реальном времени. Таким образом, виртуальность и сопряженные с ней явления стали неотъемлемой частью жизни современного человека — его жизненным пространством, в котором он самоопределяется, совершает выбор, обменивается информацией, преодолевает вызовы и достигает поставленные цели, соизмеримые с желаемым и действительным, возможностями и ограничениями. Проникновение цифровых технологий в различные сферы жизни (труд, образование, семья, здравоохранение, общение, частная жизнь и пр.) и экспоненциальный рост числа людей («цифровых аборигенов» [1]), обучение, социализация и общение которых сопряжены с использованием интернета, компьютеров и мобильных устройств, меняют традиционные модели поведения практически во всех сферах жизни, трансформируя онтологический статус виртуальной среды — она перестает быть только технологией и становится жизненным пространством. Однако электронные устройства, простота создания личных и профессиональных связей, децентрализация коммуникационных сетей, расширенный доступ и быстрота передачи информации в массовом глобальном масштабе не только несут свободу, но и повышают уязвимость к рискам, поскольку человек при этом теряет важнейшие социально-культурные ресурсы поддержки, ощущая отчуждение и одиночество.

В связи с этим проблема организации и регуляции виртуальной среды как жизненного пространства современных людей приобретает все большую актуальность, делая чрезвычайно востребованными исследования взаимосвязи между цифровыми технологиями и поведением человека через призму психологии.

Виртуальная среда — искусственно созданная информация, которую человек воспринимает как естественную окружающую среду [2]. Она псевдореалистичная и не является точной копией физической (и/или социальной) реальности, а включает в себя лишь некоторые элементы действительности.

Осмысление конструкта «виртуальная среда» происходит как в сфере научных исследований, связанной с построением новых теорий и получением эмпирических фактов для уточнения уже существующих психологических концепций, так и в прикладной психологии, и в сфере практической психологической помощи, где она осмысливается как явление, далеко выходящее за рамки только цифровой технологии. Виртуальная среда часто используется как: 1) инструментарий для экспериментальных исследований, где она заменяет реальную среду; 2) технология для психологических, педагогических или иных (политических, экономических, информационных) интервенций; 3) метод психодиагностики (например, при онлайн-опросах).

Широта исследовательского поиска, фактологическая и эмпирическая многомерность психических явлений и областей жизни современного человека, связанных с виртуальной средой, демонстрируют ее уникальность. Погружаясь в нее, человек испытывает «психологическое состояние, в котором ощущает себя окутанным, включенным и взаимодействующим с окружающей средой как непрерывным потоком стимулов» [2]. Так, онлайн-поведение, по сравнению с поведением в естественной среде, характеризуется снижением социально-психологических ограничений, что выражается, например, в уменьшении количества запретов, утрате внимания к границам дозволенного, анонимности, повышении свободы самораскрытия, способствуя киберспецифическому поведению, отличному от социального взаимодействия [3, 4]. Различные паттерны онлайн-поведения (например, частота использования социальных сетей, активная самореклама, кибербуллинг,

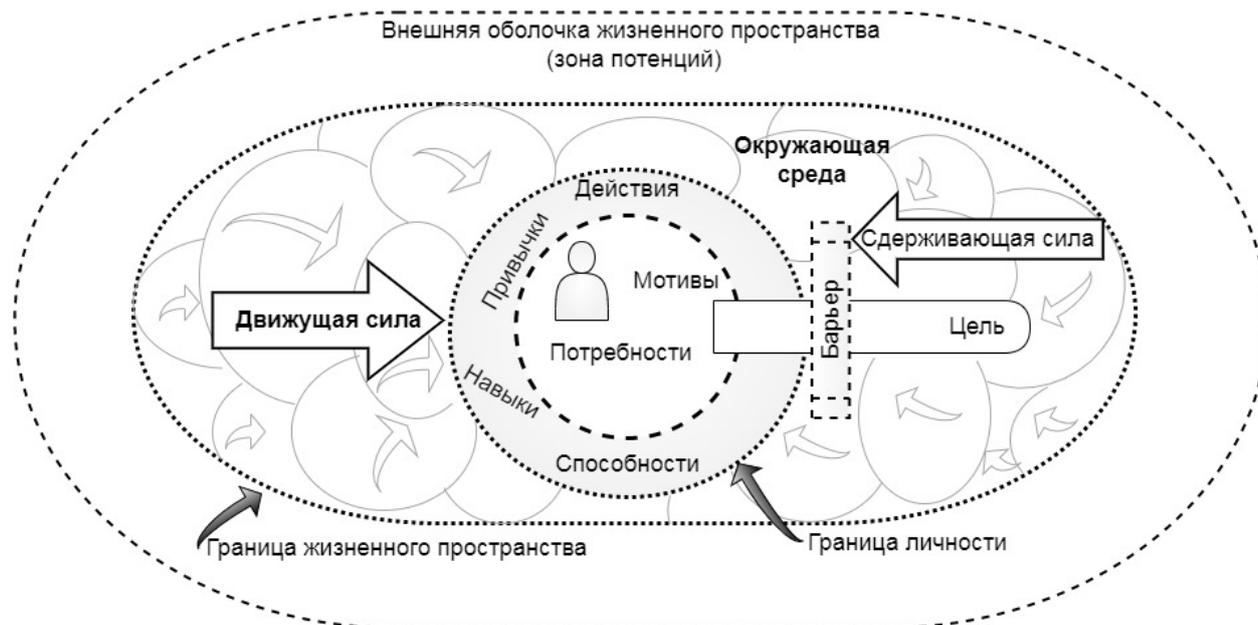

Рис./ Fig. **Функционирование жизненного пространства (по К. Левину) / Functioning of the vital space (by K. Levin)**

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

онлайн-агрессия и пр.) во многом зависят от устойчивых личностных свойств, таких как: экстраверсия, нейротизм, доброжелательность, открытость новому опыту, склонность к риску, стремление к одиночеству и пр. [3], возрастнополовых и других особенностей [5] и имеют аналоги в паттернах офлайн-поведения: организация сообществ, налаживание дружеских отношений, создание семейных связей, переживание романтических и сексуальных отношений и пр. [6]. Данные факты указывают на то, что искусственно созданная виртуальная среда воспринимается человеком как естественная, в которой можно проявить себя эмоционально, когнитивно и поведенчески.

Мы полагаем, что психологический механизм «превращения» цифровой технологии в психическое явление может быть связан с экстернизацией составляющих жизненного пространства в условиях виртуальной среды, где человек *создает и интерпретирует искусственно созданную информацию как совокупность событий жизни.*

Впервые понятие «жизненное пространство» коцептуализировано К. Левиним [7], а в настоящее время топологический подход в психологии развития, экологической психологии, психотерапии и пр. связан с попыткой исследовать действительный и потенциальный опыт человека через анализ *когнитивного картографирования.*

Жизненное пространство представляет собой совокупность действительных и вероятностных событий жизни человека, обусловленных его взаимодействием с широким спектром различных условий того мира, в котором он живет: физических, социальных, политических, экономических и пр. Поведение человека в жизненном пространстве К. Левин описывал через формулу $B = f(P, E)$ — поведение (B, Behaviour) = функция (f) человека (P — Person) и среды (E — Environment). Среда в данной модели рассматривается не как физическая, а как *психологическая ситуация* в том виде, в каком она воспринимается, интерпретируется, трансформируется или создается человеком. Это обеспечивает сложное динамическое поле взаимодействия человека и окружающих условий: «поведение должно быть выведено из совокупности сосуществующих фактов, и эти сосуществующие факты имеют характер “динамического поля”, поскольку состояние любой части этого поля зависит от любой другой части поля» [7, p. 25].

Жизненное пространство функционирует как система: психические явления, включенные в него, сосуществуют в системе связей с другими явлениями — «непсихическими», образуя широкий физический и/или социальный мир человека.

Функционирование жизненного пространства показано на рисунке, согласно которому поведение

личности есть результат совокупности динамических отношений между человеком и средой.

Итак, составляющими жизненного пространства, по К. Левину, являются:

1) потребности (и мотивы), которые могут быть связаны с физиологическим влечением, стремлением к изменению среды или достижению цели — это внутренний (личностный) слой жизненного пространства;

2) способности, психомоторные функции, поведенческие реакции, действия, навыки и привычки — моторно-перцептивный (поведенческий) слой жизненного пространства;

В настоящее время в электронных наукометрических базах данных (РИНЦ, Dissercat) можно найти 4650 русскоязычных научных публикаций в рецензируемых журналах, в названии, ключевых словах и аннотации которых встречаются термины «виртуальная среда» или «виртуальное пространство», из которых 1218 — по психологическим наукам, и 45 диссертаций, из которых лишь 2 — по психологическим наукам.

3) векторы (движущая и сдерживающая сила) как направление и влечение к объектам, удовлетворяющим потребности. Жизненное пространство содержит как векторы, побуждающие к достижению цели, так и уводящие от нее, притягивающие и отталкивающие человека. Конфликты возникают, когда действуют два одинаково привлекательных вектора или существуют одинаковые возможности, которые предлагаются человеку в данной ситуации;

4) барьеры — препятствия, которые мешают человеку достичь желаемых целей и нарушают равновесие со средой. Всякий раз, когда потребность удовлетворяется, человек ощущает баланс со средой. Нарушение равновесия переживается как состояние напряжения, которое возникает из-за невозможности удовлетворения потребностей или достижения цели.

Жизненное пространство, таким образом, не однородно и сосредоточено вокруг человека. Оно характеризуется близостью или отдаленностью, широтой или узостью, связностью или дифференцированностью структурированных символическими границами областей, таких, как личностное пространство, сфера влияния человека, ограничения и запреты, партнерство, семья, дом, соседство, рабочее место, община, родина и т.д.

Современные методы когнитивного картирования жизненного пространства [8–10] и типологического анализа индивидуальной жизни [4] демонстрируют возможности рефлексии его значимых областей, их взаимодействия, валентности и напряженности, а также существенно расширяют набор его потенциальных составляющих, включая рефлексии, когниции, образы, символы, слова, движения, действия, деятельность, телесность, духовность и пр.

Исходя из вышеизложенного, мы полагаем, что взаимодействие человека с виртуальной средой определяется степенью репрезентации в ней составляющих жизненного пространства. Вероятно, человек в виртуальной среде ищет и формирует такие области и объекты, которые обеспечивают обратную связь на совершенные действия. Поэтому целесообразным представляется анализ не внешнего, а внутреннего (*жизненного*) виртуального пространства.

Таким образом, цель исследования состоит в оценке степени репрезентативности и валидности топографического подхода к психологическому анализу виртуального жизненного пространства современного человека.

МЕТОД

Контент-анализ текстов публикаций осуществлен с использованием «метода ключевых слов» — поиска терминов, обозначающих критерий отбора публикаций. Ключевое слово «виртуальная среда» соотносилось с составляющими жизненного пространства.

На первом этапе отбора публикаций мы искали библиографические ссылки, относящиеся к области психологии виртуальной среды.

В настоящее время в электронных наукометрических базах данных (РИНЦ, Dissercat) можно найти 4650 русскоязычных научных публикаций в рецензируемых журналах, в названии, ключевых словах и аннотации которых

Отношение составляющими жизненного пространства и основных областей исследования виртуальной среды (n = 4390) / The relationship between elements of vital space and major areas of study of the virtual environment (n = 4390)

Составляющие жизненного пространства / Components of the vital space		Области исследования виртуальной среды / Field of research the virtual environment	Количество публикаций, (%) / Number of publications (%)
Внутренний (личностный) слой		Цели (608), когнитивные функции (1147), эмоции (348), мотивы и потребности (381), психические состояния (115)	1245 (29%)
Моторно-перцептивный (поведенческий) слой		Психомоторные функции (105), сенсорные функции (320), способности (673), онлайн-поведение личности (1298)	2372 (54%)
Векторы и барьеры	Деятельность	Игра (907), обучение (1169), труд (854), спорт (208)	2540 (58%)
	Источники развития	Социализация (110); безопасность (121); становление психических новообразований (1690); психопатологизация (179); виктимизация (103)	2360 (54%)
	Хронотопы взаимодействия	Коммуникация и обмен информацией (1100), социальные взаимодействия между людьми в социальных сетях (1126), людей с чат-ботами (112), между цифровыми сообществами (697)	1643 (37%)

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

встречаются термины «виртуальная среда» или «виртуальное пространство», из которых 1218 — по психологическим наукам, и 45 диссертаций, из которых лишь 2 — по психологическим наукам. Количество англоязычных публикаций по данной тематике в несколько раз больше и составляет 156 250, из них 5000 — по психологическим наукам (согласно наукометрическим базам данных Scopus, Web of Science, Google Scholar).

На следующем этапе были отфильтрованы публикации, которые не соответствовали требованиям для включения в метаанализ, гласившим, что зависимые переменные исследований должны быть количественными или качественными показателями составляющих *жизненного пространства* (например, потребности, мотивы, цели и пр.).

Для метаанализа на основе запроса с учетом введенных ограничений были выбраны публикации по психологии в базах данных РИНЦ (425 русскоязычных публикаций из рецензи-

руемых изданий) и Scopus (3965 англоязычных публикаций), в названии которых встречаются слова «виртуальная среда» или «виртуальное пространство», а зависимые переменные соотносятся с составляющими жизненного пространства. Заголовки и аннотации были проверены в 4390 статьях.

РЕЗУЛЬТАТ

Анализ публикационной активности показал, что первая англоязычная публикация появилась в 1995 г., русскоязычная — в 1996 г. С 2005 г. по настоящее время наблюдается устойчивый рост публикаций на обоих языках. Чаще всего в работах встречается термин «виртуальная среда», что указывает на ключевой характер этой темы для данной области науки и практики.

В ходе анализа выбранных публикаций (n = 4390) мы соотнесли составляющие жизненного пространства с областями исследования виртуальной среды. Результаты представлены в *таблице*.

Количественный анализ публикаций, представленный в *таблице*, демонстрирует, что показатели жизненного пространства не являются взаимоисключающими (скорее — взаимодополняющими и взаимопересекающимися) и подчеркивают системный характер анализируемого явления в условиях виртуальной среды.

Экстраполяция показателей жизненного пространства на характеристики виртуальной среды объясняет механизм «превращения» потока искусственно созданной информации (перцептивной, неперцептивной и пр.) в психическую реальность. Мы склонны видеть в этом процессе диалектику взаимодействия двух ключевых психологических механизмов — интериоризации и экстериоризации, объясняющих взаимодействие и «взаимопревращение» внутреннего и внешнего.

Интериоризация — перенос внешних практических действий на внутренний план — предполагает, что инструменты и условия виртуальной среды, приобретая характер знаково-символических образований, встраиваются в структуру нового онлайн-поведения человека. Так пользователь не только чувствует себя связанным с виртуальной средой, но (что важнее) ее составляющие становятся частью психической реальности человека, например, когда переживания в виртуальной среде ощущаются как подлинные, а пользователь отождествляет себя со своим аватаром. Еще один пример — условия, стимулирующие появление новых желаний, потребностей, привычек и вкусов у пользователей интернет-аукционов и интернет-магазинов. Специфичность же цифровых средств обуславливает отличия онлайн- и офлайн-поведения. Соответственно, условия виртуальной среды могут значительно увеличить степень свободы пользователя, расширить его возможности и помочь в отношениях с другими людьми. Интерактивное онлайн-взаимодействие также создает зоны

напряжения, искажая жизненное пространство, определяя, с кем и как пользователь имеет возможность взаимодействовать.

Экстериоризация — вынесение на внешний план результатов действий, осуществляемых во внутреннем плане — характеризуется тем, что пользователь создает виртуальную среду или ее отдельные элементы, выражая свое отношение к себе, другому пользователю, сообществу, явлениям или объектам. Примером могут служить многопользовательские виртуальные среды (Second Life, World of Warcraft, Webkinz World, Neopets и др.), где все элементы (животные, география, достопримечательности, предметы, социальные институты и пр.) создаются пользователями. Кроме того, виртуальная среда (блоги, форумы, социальные сети, «живые журналы», виртуальные игры и пр.) дает возможность самовыражения в тех случаях, когда пользователь не может получить признание, наладить социальные связи в реальной жизни из-за ограничений, вызванных физическими, социальными, коммуникативными, личностными или иными барьерами.

ВЫВОДЫ

Являясь непрерывным потоком искусственно созданной информации, виртуальная среда воспринимается человеком как психическая реальность с помощью механизмов интериоризации и экстериоризации. Рассмотрение виртуальной среды как жизненного пространства в русле топологического подхода может помочь лучше понять и концептуализировать систему отношений (когнитивных, поведенческих, эмоциональных) как интерактивное пространство, в котором функционируют пользователи цифровых технологий, и которое влияет на их онлайн-поведение. Наконец, топологический подход к виртуальному жизненному пространству может служить концептуальной основой практики психологической помощи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. *On the Horizon*. 2001;9(5):1–6. DOI: 10.1108/10748120110424816
2. Blascovich J., Loomis J., Beall A. C., Swinth K. R., Hoyt C. L., Bailenson J. N. Immersive Virtual Environment Technology as a Methodological Tool for Social Psychology. *Psychological Inquiry*. 2002;13(2):103–124. DOI: 10.1207/S 15327965PLI1302_01
3. Ancis J. R. The Age of Cyberpsychology: An Overview. *Technology, Mind, and Behavior*. 2020;1(1):1–15. DOI: 10.1037/tmb0000009
4. Исаева А. Н. «Бестелесность» личности в условиях виртуальной культуры. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2021;18(3):491–505. DOI: 10.17323/1813–8918–2021–3–491–505

- Isaeva A. The “Disembodiment” of the Personality in the Context of Virtual Culture. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 2021;18(3):491–505. DOI: 10.17323/1813–8918–2021–3–491–505. (In Russ.).
5. Рубцова О.В. Цифровые технологии как новое средство опосредования (статья вторая). *Культурно-историческая психология*. 2019;15(4):100–108. DOI: 10.17759/chp.2019150410
- Rubtsova O.V. Digital Media as a New Means of Mediation (Part Two). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*. 2019;15(4):100–108. (In Russ.). DOI: 10.17759/chp.2019150410
6. Айсина Р.М., Нестерова А.А. Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски. *Социальная психология и общество*. 2019;10(4):42–57. DOI: 10.17759/sps.2019100404
- Aysina R.M., Nesterova A.A. Cyber socialization of youth in the information and communication space of the modern world: effects and risks. *Sotsial'naia psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*. 2019;10(4):42–57. (In Russ.). DOI: 10.17759/sps.2019100404
7. Lewin K. *Field Theory in Social Science: Selected Theoretical Papers*. D. Cartwright, ed. New York: Harper & Row; 1951. 346 p.
8. Fuchs T. The Interactive Phenomenal Field and the Life Space: A Sketch of an Ecological Concept of Psychotherapy. *Psychopathology*. 2019;(52):67–74. DOI: 10.1159/000502098
9. Rodgers B. Life Space Mapping: Preliminary Results from the Development of a new Method for Investigating Counselling Outcomes. *Counselling and Psychotherapy Research*. 2006;6(4):227–232. DOI: 10.1080/14733140601045437
10. Cristofari C., Guitton M. Mapping Virtual Communities by their Visual Productions: The Example of the Second Life Steampunk Community. *Computers in Human Behavior*. 2014;(41):374–383. DOI: 10.1016/j.chb.2014.10.017.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Марина Владимировна Клементьева — доктор психологических наук профессор департамента психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет, Москва, Россия
Marina V. Klementyeva — Dr. Sci. (Psych.), Prof., Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-8712-9282>
MVKlementeva@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 08.07.2022; принята к публикации 10.08.2022.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received on 08.07.2022; accepted for publication on 10.08.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.

Феномен доверия в отечественном научном дискурсе*

А.В. Власова, А.Г. Тюриков, А.С. Дронова, Д.А. Кунижева, А.Ю. Гукова
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена анализу феномена доверия в публичном научном дискурсе. Авторы рассматривают различные подходы к исследованию феномена доверия в экономике, социологии, психологии и других отраслях научного знания. Проведен глубокий теоретико-методологический анализ понимания феномена доверия в трактовке разных социологических направлений. Дается авторская интерпретация понятия доверия с точки зрения деятельностно-феноменологического подхода. Систематизированы имеющиеся подходы к исследованию доверия. В эмпирической части исследования с целью изучения того, как наука отвечала на современные вызовы, связанные с проблемами доверия в сетевом пространстве в разные хронологические периоды, применен метод количественного и качественного контент-анализа на базе научных работ, опубликованных в период с 2000 по 2021 г. На основании полученных результатов авторам удалось воспроизвести перечень из 55 областей знания и вывести тематические направления, в которых исследуется феномен доверия.

Ключевые слова: доверие; недоверие; деятельностно-феноменологический подход; контент-анализ; научный дискурс

Для цитирования: Власова А.В., Тюриков А.Г., Дронова А.С., Кунижева Д.А., Гукова А.Ю. Феномен доверия в отечественном научном дискурсе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(5):70-78. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-70-78

The Phenomenon of Trust in Domestic Scientific Discourse**

A.V. Vlasova, A.G. Tyurikov, A.S. Dronova, D.A. Kunizheva, A. Yu. Gukova
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

This article is devoted to the analysis of the phenomenon of trust in public scientific discourse. The authors consider various approaches to the research of the phenomenon of trust in economics, sociology, psychology and other branches of scientific knowledge. In-depth theoretical and methodological analysis of the understanding of the confidence phenomenon in the interpretation of different sociological directions is conducted. The author's interpretation of the concept of trust from the point of view of the activity-phenomenological approach is given. The available approaches to the study of trust are systematized. In the empirical part of the research, in order to study how science responded to modern challenges related to trust in the network space in different chronological periods, the method of quantitative and qualitative content analysis was applied on the basis of scientific papers published in the period from 2000 to 2021. On the basis of the results, the authors were able to reproduce a list of 55 areas of knowledge and to derive thematic areas in which the phenomenon of trust is being studied.

Keywords: trust; distrust; activity-phenomenological approach; content analysis; scientific discourse

For citation: Vlasova A.V., Tyurikov A.G., Dronova A.S., Kunizheva D.A., Gukova A. Yu. The phenomenon of trust in domestic scientific discourse. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(5):70-78. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-70-78

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article is prepared based on the results of research carried out at the expense of budget funds on the state assignment of Financial University.

В условиях кризисных ситуаций все большее значение приобретает анализ феномена доверия. Особенно актуальна данная тема для Российской Федерации, так как на протяжении всех исторических этапов развития многонациональной страны формировалась потребность в построении доверительных отношений между различными субъектами и институтами общества для наиболее благоприятного существования государства и поддержания в нем стабильности. При этом многочисленные исследовательские работы демонстрируют общемировую тенденцию на снижение доверия, которая не обошла стороной и российское общество: снижение уровня доверия объясняется специфическими историческими реалиями, в рамках которых настоящее общество формировалось и трансформировалось под воздействием различных неблагоприятных явлений, таких, как экономические, социальные, политические и культурные кризисы, произошедшие за короткий для истории России столетний период.

Проведенное в России в 2022 г. компанией Ipsos социологическое исследование свидетельствует, что всего лишь 24% опрошенных россиян считают, что доверять можно большинству. Однако такие тенденции характерны не только для нашей страны: в среднем по миру всего 30% респондентов готовы доверять другим¹. Этот факт подтверждается международным исследованием агентства Edelman «Trust Barometer 2022». Судя по результатам, за два года пандемии снизилось доверие людей к институту государства: в 2020 г. таких было 65%, а в 2022 г. — только 52%. В России население меньше всего доверяют бизнесу (34%), некоммерческим организациям (28%), сфере медиа (29%). В частности, традиционным средствам массовой информации доверяют 35%, а альтернативным СМИ — только 28% опрошенных. По уровню недоверия к государственным институтам Россия находится на 8-м месте с конца (37%) среди опрошенных стран мира. Центробанку в РФ доверяют 40% населения (2-е место с конца). Всего в исследовании приняли участие 36 тыс. потребителей их 28 стран мира².

¹ 24% россиян считают, что большинству людей можно доверять. URL: <https://www.ipsos.com/ru-ru/interpersonal-trust-across-the-world>

² Edelman Trust Barometer: Cycle of distrust threatens action on global challenges. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2022/01/edelman-trust-barometer-2022-report/>

Вопросами общетеоретического изучения феномена доверия, а также его производных изначально занимались преимущественно социологи: Г. Гарфинкель, Д. Истон, А. Шютц [1–3]. При анализе различных научных воззрений на феномен доверия выделяется несколько ключевых подходов: функциональный, интеракционистский, культурный, рациональный и позитивистский, разнообразие которых свидетельствуют о том, что данное понятие является сложным и требует комплексного рассмотрения в рамках разнообразных дисциплин, в том числе социологии, экономики, политологии, психологии и маркетинга. В подходе американского социолога Ф. Фукуямы доверие рассматривается не только на микроуровне, в качестве характеристики межличностных взаимоотношений, но и становится показателем, который демонстрирует уровень приверженности культуре, нормам и ценностям, которые существуют в конкретном обществе [4]. Схожие идеи прослеживаются и в работе польского социолога П. Штомпки, который подчеркивает, что культурные трансформации, которые привели к повышению заинтересованности научного сообщества культурной сферой и которые происходят в современном мире, являются одними из основных причин для увеличения интереса к проблеме доверия в рамках научного дискурса. В данном случае феномен доверия рассматривается как «ставка в отношении будущих непредвиденных действий других» [5]. Наряду с П. Штопкой, Н. Луман рассматривает данный феномен с точки зрения механизма, минимизирующего риски, а также с позиции, способствующей осуществлению всего потенциала действий [6]. М. Каллон в работе «Экономика качества» акцентировал внимание на следующем факте: потребители стабильно пребывают в рамках социальных сетей, где происходит формирование вкусов, при этом при взаимодействии с некоторыми рынками или продуктами потребители могут обращаться к определенным источникам, составленным специалистами или чьим-то советам [7]. Его исследование позволило сделать вывод, что личное мнение о товаре или бренде проникает внутрь рынка и персонифицирует его структуру, образует доверие внутри него. В воззрениях социологов доверие несет положительный характер не только для индивида, но и в целом для социальных систем.

Представители различных научных школ изучали особенности доверия с разных точек

зрения, дополняя и углубляя имеющиеся знания об этом явлении, однако вопросы доверия и недоверия остаются особо актуальными в рамках современной науки, особенно в контексте России. На сегодняшний день попытки изучить доверие, измерить его, вышли за рамки социологических знаний. Сегодня в эту крупную задачу вовлечены программисты, математики, психологи, философы, эргономисты и др. Исследователи занимаются вопросами разработки технологий (в том числе, на основе больших данных) и методик, направленных на выявление уровня доверия к организации (П. М. Лапин, С. Ю. Елисева, Е. М. Каз), продукту (Н. В. Ноакк, Т. А. Костина, А. Н. Знаменская) и бренду (В. И. Гостенина, К. С. Карандин, С. Л. Мельников) для того, чтобы включить это знание в рекомендательные системы [8–11]. В настоящее время интерес ученых к вопросам доверия концентрируется на цифровой среде: доверие пользователей, доверие к отзывам и рекомендациям в интернете, что является результатом сетевого взаимодействия индивидов. Особое место занимает изучение вопросов доверия в бизнесе и предпринимательстве, а также в деятельности органов государственной власти. В работах В. А. Федотовой, М. Ю. Зеленкова, А. Г. Тюрикова, О. А. Александровой, А. С. Проскуриной изучалось доверие в политической и экономической сферах [12–15].

В области социологии отечественные ученые предлагают конфигурации классификаций доверия, которые можно применять к различным институтам. Наиболее распространенная классификация доверия включает в себя: обобщенное доверие, доверие к общественным институтам, доверие к конкретным организациям, коммерческое доверие и доверие в личном взаимодействии. Таким образом, данное социальное явление обладает сверхиндивидуальным характером и представляет собой не только совокупность личностных установок, но и является сложным системообразующим элементом общества. В рамках отечественной науки доверие классифицируется: по основанию приложения сил (правовое, психологическое, экономическое, нравственное, управленческое, политическое, организационное), по участию субъекта (общественное, организационное, традиционное, клановое, гуманистическое, псевдодоверие и псевдонедоверие, авансированное, а также деловое).

С точки зрения эргономики доверие представляет собой нематериальный актив предприятия,

который существует объективно и не зависит от той формы собственности, которая закреплена за производством. При этом оно играет одну из ключевых ролей при формировании производственных отношений внутри коллектива. Повышение научного дискурса в рамках экономического научного поля связано в первую очередь с появлением разнообразных видов и форм производственных и коммерческих компаний и их альянсов.

Проанализировав представленные выше подходы и обобщив положения теорий о доверии, авторы вывели свое определение данного феномена — это готовность действовать в определенных ситуациях, основанная на предыдущем опыте общения, а также ожидания действий от противоположной стороны (контрагента). Ситуации предполагают такие условия, когда один субъект добровольно отдает важные для него результаты деятельности и блага под контроль другого субъекта, становясь при этом уязвимым и оставляя себе только возможность предполагать, что его ожидания от этого взаимодействия будут оправданы. Многочисленное разнообразие трактовок связано не только с междисциплинарностью данного понятия, но и с большим количеством его производных, таких как: одобрение, солидарность, надежность, уверенность, авторитет, ожидания, доброжелательность, компетентность, честность и открытость.

Данное определение было получено в ходе применения деятельностно-феноменологического подхода, который предполагает возникновение доверительных отношений на основании действий субъекта. Справедливо и обратное: человек не сможет действовать грамотно, обоснованно, если нет доверия. Феноменологическая часть объясняет, что доверие основано на прошлом опыте человека (или его отсутствии). К общепсихологическим принципам деятельностно-феноменологического подхода относятся: онтологическая валидность, экологическая валидность, репрезентативность и эпистемологическая валидность, а также специфические инструменты логико-семантического анализа, герменевтика, методы интерпретативно-феноменологического, логико-семиотического и логико-лингвистического анализа.

Отдельного внимания заслуживает изучение таких аспектов, как кредит и ценность доверия. Ценность доверия устанавливается благодаря качеству и количеству труда, вложенного в фор-

мирование и поддержание доверительных отношений, который, в свою очередь, представляет из себя кредит доверия. Так, например, организации, обладающие заветным кредитом доверия, на время освобождаются от социального контроля, что в конечном итоге позволяет им иметь некую свободу действий и способствует их творческой активности. В сфере трудовых отношений примером такого рода может являться удаленная работа сотрудников компании без применения систем прокторинга, определения геолокации и программ отслеживания рабочего времени.

Доверие имеет направленность на определенные объекты (неопределенные действия других людей) или адресатов. Существует несколько адресатов доверия, наиболее значимые из них — активные индивидуумы, с которыми мы имеем непосредственные связи, основным звеном которых является этика доверия. Вопросы, связанные с понятием доверия также поднимались и в рамках философской науки. Одним из подходов, применявшихся для его анализа, является философская этика. Согласно данному подходу доверие — это нравственные, ненасильственные отношения между людьми, детерминируемые особым состоянием нравственного сознания, основанном на их знании друг друга, и проявляющиеся в передаче конфиденциальной информации.

Россия на протяжении всего своего периода развития проходила через различные потрясения, которые оказывали определенное влияние на уровень доверия, существующий среди граждан по отношению друг к другу и к различным институтам. Все это нашло отражение в научном отечественном дискурсе.

С целью выявления наиболее изученных направлений, сущностных и содержательных особенностей темы была составлена база для проведения количественного и качественного контент-анализа, дискурсивного и сравнительного исследования. Основу базы составили научные публикации, изданные в период с 2000 по 2021 г. и размещенные на следующих ресурсах: Научная электронная библиотека e-library, официальный сайт Российской государственной библиотеки, научная электронная библиотека «КиберЛенинка». Основными смысловыми единицами анализа стали: «факторы», «ресурсы доверия», «инструменты формирования доверия», «пути развития доверия», «проблемы доверия» и др.

На втором этапе в процессе качественного анализа текстов были проинтерпретированы, закодированы и выделены категории, связанные с доверием. Для этого была проведена классификация областей знаний в соответствии с государственным рубрикатором научно-технической информации.

Количественный контент-анализ показал, что за период с 2000 по 2021 г. было издано 6156 статей (95%), 248 монографий (3,8%), 68 кандидатских диссертаций (1,0%), 10 докторских диссертаций (0,2%). Всего в ходе исследования было проанализировано 6482 русскоязычные публикации. Полученные данные помогли выяснить, в каких формах и объемах был объективизирован научный дискурс доверия в отечественной науке.

Динамика публикационной активности научных трудов по теме доверия демонстрирует значительный рост заинтересованности научного общества. Пиковыми зонами стали 2013–2014 гг.: за этот период было опубликовано 824 работы (для сравнения, в период с 2000 по 2012 г. — 1443 работы). Подобный рост научной публикационной активности можно связать с теми политическими и экономическими событиями, которые происходили в России в данный период (см. рисунок).

Из рисунка видно, что в 2016 г. интерес к теме доверия укрепился и спровоцировал рост публикационной активности на 37% по сравнению с 2015 г.

Однако в 2021 г. зафиксирован спад научных работ на 14% по сравнению с 2020 г. В разрезе по областям знаний проблема доверия объективизирована более чем в 50 сферах, но чаще всего рассматривается в таких, как: экономика и экономические науки (20,4%), социология (17,4%), психология (16,9%), юридические науки (15,4%).

Одной из задач в рамках проводимого исследования был анализ пиковых зон по основным отраслям научного знания, в рамках которых наиболее часто рассматривается проблема доверия.

Первый пик публикационной активности наблюдался в 2014 г. В этот период больше всего публикаций было по теме «Экономика. Экономические науки», в рамках которой объектами исследований научного сообщества выступали в первую очередь: доверие к различным субъектам (22,4%) (в особенности — к финансовым институтам), доверие в какой-либо сфере (21,1%) (в особенности — в бизнесе и предпринимательстве), доверие «как фактор» (11,8%) или «ресурс»

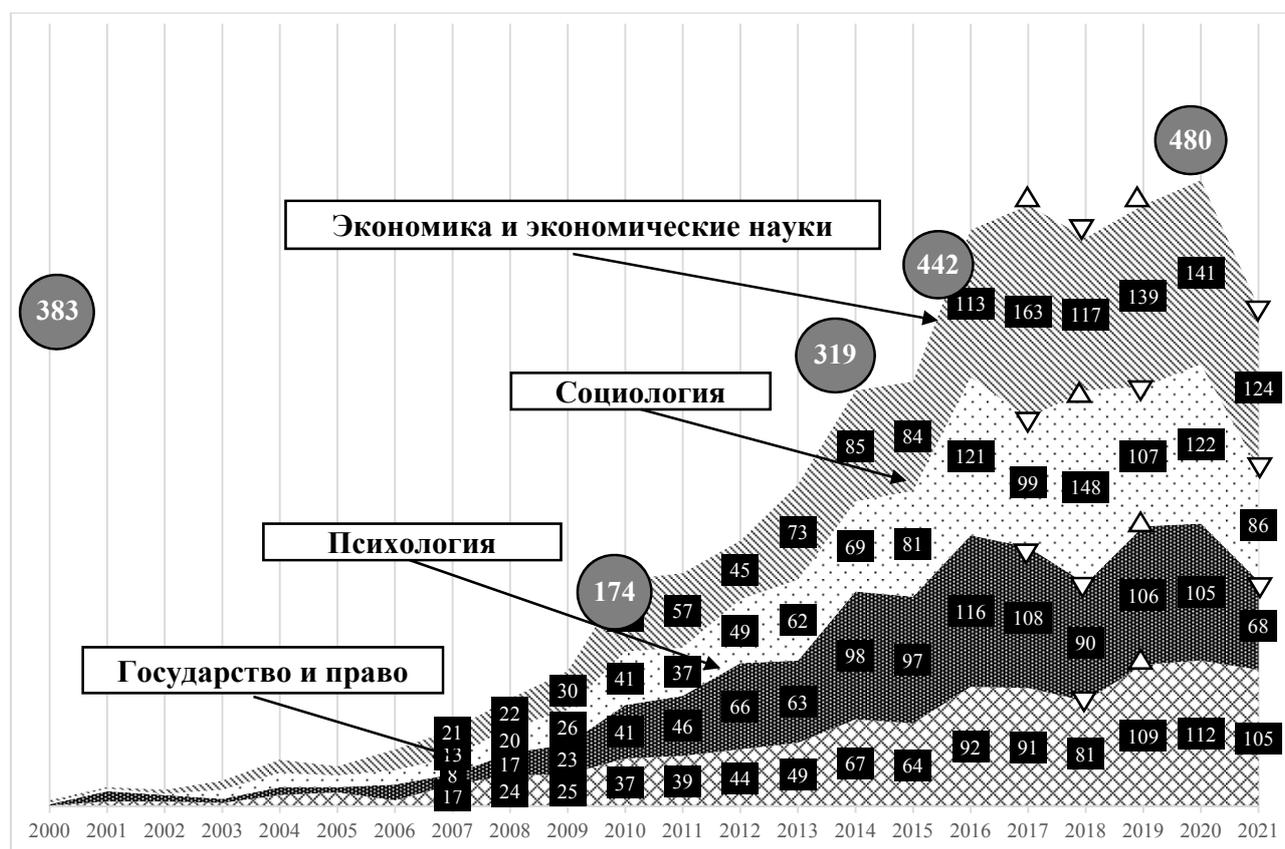

Рис. / Fig. Динамика количества научных публикаций по теме доверия на русском языке, по годам / Dynamics of the number of scientific publications on the topic of trust in Russian, by year

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

(7,9%), а также «доверие отдельных субъектов» (13%) (в особенности — потребителей). В рамках социологии в наибольшей степени научное сообщество интересовало объекты, связанные с доверием в определенной сфере (30,3%), к различным субъектам (27,3%) (чаще всего — к органам государственной власти); доверие как ресурс (12,1%) или фактор (6,1%). Научные публикации, изданные в рамках «Психологических наук», сконцентрированы на изучении различных сфер (42,6%) (в особенности — трудовых отношений), а также на доверии к субъектам (20,2%) (особенно часто рассматривается доверие к себе). В области «Государство и право. Юридические науки» внимание уделяется злоупотреблению доверием (37,7%), доверию к различным субъектам (21,3%) (как и в социологических науках — повышенный уровень интереса к доверию к органам государственной власти), утрате доверия (16,4%).

Второй пик публикационной активности пришелся на 2016 г. Как и в 2014 г., доля публикаций в области знаний «Экономика. Экономические науки» также оказалась наиболее значимой. Объективизация доверия происходила в контексте

следующих категорий: доверие к различным субъектам (26,7%) (по-прежнему, в особенности — к финансовым институтам), доверие «в какой-либо сфере» (26,7%) (в особенности — в области трудовых отношений). Однако если посмотреть по наполняемости категорий, то заметно смещение фокуса с темы доверия в бизнесе и предпринимательстве на тему доверия в сфере трудовых отношений, в финансовых институтах и в системе образования. Также развитие получило изучение теоретико-методологических аспектов доверия (21%).

Публикации по социологии чаще направлены на раскрытие проблемы доверия «в какой-либо сфере» (35,3%) (в особенности — в системе социальных отношений), к различным субъектам (23,3%) (в особенности — к органам государственной власти), а также посвящены теоретико-методологическим аспектам доверия (26,7%). В рамках научной отрасли «Психология» больше всего научных работ было опубликовано о доверии в различных сферах (28,7%) [в особенности — в области бизнеса и предпринимательства (смещение со сферы трудовых отношений)];

Упомятаемость анализируемых статей по тематическим направлениям за период с 2000 по 2021 г. / Citation of articles by subject area from 2000 to 2021

Тематическое направление	Упомятаемость, %
Доверие к органам государственной власти	16
Теоретико-методологические аспекты доверия	13
Доверие в системе социальных отношений	8
Злоупотребление доверием	7
Доверие в сфере трудовых отношений	6
Доверие в предпринимательстве и бизнесе	6
Доверие разных социально-демографических групп	5
Утрата доверия	5
Доверие к финансовым институтам	4
Экономика доверия	4
Доверие потребителей	3
Доверие к источникам информации	3
Цифровая среда доверия	3
Доверие в системе образования	2

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

о теоретико-методологических аспектах доверия (23,1%) и доверии к различным субъектам (20,2%) [в особенности — к миру (смещение с темы доверия к себе)]. Что касается сферы «Государство и право. Юридические науки», то здесь по-прежнему важной темой остается злоупотребление доверием (37,3%), но еще большую актуальность получили вопросы, связанные с доверием к различным субъектам (41%) (усилилось внимание к органам государственной власти, полиции). В 2021 г. наблюдается спад числа научных публикаций. Труды по направлению «Экономика. Экономические науки» теперь стали чаще касаться доверия в какой-либо отрасли (48,3%), причем внимание ученых и исследователей оказалось сосредоточено вокруг доверия в сфере бизнеса и предпринимательства, финансовых институтов и цифровой среды. Следующим по популярности оказалось доверие к субъектам (19,5%) (увеличилась доля публикаций о доверии к органам государственной власти). Заметно также повышение интереса к экономике доверия (11,9%). В рамках социологии выявлена заинтересованность научного сообщества к доверию «в какой-либо сфере» (35,8%) (особенно значительно данная

тенденция проявилась в сфере социальных отношений), к субъектам (28,4%) (в особенности — к информации, СМИ и органам государственной власти). Увеличилось количество публикаций про доверие разных демографических групп (дети, подростки, школьники, студенты, молодежь, пенсионеры) (12,3%). Среди публикаций по научной отрасли «Психология» самую большую долю стали занимать работы о теоретико-методологических аспектах доверия (30,9%), доверии разных демографических групп (дети, подростки, школьники, студенты, молодежь, пенсионеры) (22,1%). В отрасли «Государство и право. Юридические науки» сохранилась тенденция к увеличению заинтересованности в изучении вопросов, связанных с доверием к различным субъектам (43,7%) (все еще усиливается внимание к органам государственной власти и полиции), вторыми по распространенности оказались публикации об утрате доверия (21,4%). Значительно возросло количество размещенных научных трудов про цифровую среду доверия.

Таким образом, проведенный анализ позволил сформировать, исходя из классификации ГРНТИ, перечень из 55 областей знаний и около 60 тема-

тических направлений, в которых упоминается феномен доверия. В *таблице* показано распределение по наиболее часто упоминаемым тематикам статей, опубликованных в период с 2000 по 2021 г.

По результатам анализа удалось выяснить, что чаще всего в отечественном научном дискурсе рассматривается доверие к органам государственной власти и теоретико-методологические аспекты доверия. В то же время направления, связанные с изучением доверия в системе образования, интересовали российское научное сообщество в меньшей мере.

Гибкая реакция на изменения повестки и появление новых вызовов обеспечивает как устойчивое развитие государства, так и конкурентное преимущество страны на международной арене. Таким образом, изучение темы доверия в том направлении, в котором она образует современный «передний край» российской науки, является

важной задачей для формирования благоприятных условий развития общества и эффективного взаимодействия между разными его субъектами. Феномен доверия — сложная структура, которая включает в себя не только психологические аспекты личности, но и социально значимые характеристики. Поэтому оно стало одним из ключевых объектов изучения в рамках широкого спектра научных дисциплин.

Авторское исследование позволило выяснить, что научное сообщество чутко реагировало на «триггеры», сказывающиеся на изменении уровня доверия у населения. В рамках проведенного контент-анализа можно отметить, что проблема доверия рассматривается более чем в 50 областях науки, однако наибольший интерес был выявлен в четырех сферах: «Экономика. Экономические науки»; «Социология»; «Психология»; «Государство и право. Юридические науки».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гарфинкель В. Концепция и экспериментальные исследования «доверия» как условия стабильного согласованного действия. *Социологическое обозрение*. 2009;8(1);10–51.
2. Истон Д. Категории системного анализа политики. М.: НИЦ Инфра-М; 2014.
3. Шютц А. Семантическая структура повседневного мира: очерки феноменологической социологии. М.: Институт фонда «Общественное мнение»; 2003. 336 с.
4. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак»; 2004. 730 с.
5. Штомпка П. Доверие: социологическая теория. М.: Логос; 2012. 440 с.
6. Луман Н. Власть. М.: Праксис; 2001. 256 с.
7. Каллон М., Меадель С., Рабехарисоа В. Экономика качеств. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2008;11(4):59–87.
8. Лапин П. М., Елисеева С. Ю. Методические аспекты измерения уровня организационного доверия. *Социальные и гуманитарные науки: теория и практика*. 2021;1(5):228–234.
9. Каз Е. М. Доверие в организации и результативность деятельности: от модели к инструментам. *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2021;(53):111–122. DOI: 10.17223/19988648/53/9
10. Ноакк Н. В., Костина Т. А., Знаменская А. Н. Разработка комплексной психологической модели доверия к продуктам цифровой экономики с учетом категорий социальных представлений и адаптации их пользователей. Сборник методических рекомендаций по вопросам теоретических и практических разработок в области общественно-гуманитарных наук. Н. Новгород: Профессиональная наука; 2019.
11. Гостенина В. И., Карандин К. С., Мельников С. Л. Цифровая коммуникация: технология управления концепцией маркетинга доверия. *Коммуникология*. 2021;9(3):74–87. DOI: 10.21453/2311–3065–2021–9–3–74–87
12. Федотова В. А. Доверие к власти у современной российской молодежи: роль ценностей и этнической идентичности. *Политика и общество*. 2022;(2):14–26.
13. Зеленков М. Ю., Тюриков А. Г. Модель вызовов доверию в современной Российской Федерации. *Социодинамика*. 2022;(2):26–43. DOI: 10.25136/2409–7144.2022.2.37600
14. Александрова О. А. Обеспечение атмосферы доверия как условие экономического развития. *ЭВР*. 2019;3(61):71–81.
15. Проскурина А. С. Динамический ресурс доверия в экономических отношениях — российский краудфандинг в социальной сфере. *Теория и практика общественного развития*. 2022;8(174):42–48. DOI: 10.24158/типор.2022.8.5

REFERENCES

1. Garfinkel' V. The concept and experimental studies of "trust" as a condition for stable coordinated action. *Sociologicheskoe obozrenie*. 2009;8(1):10–51. (In Russ.).
2. Iston D. Categories of system policy analysis. Moscow; 2014. (In Russ.).
3. Shyutts A. Semantic structure of the Everyday World: Essays of Phenomenological Sociology. Moscow, Institut fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2003. 336 p. (In Russ.).
4. Fukuyama F. Trust: Social Virtues and the path to Prosperity. Moscow, ООО "Izdatel'stvo AST": ZAO NPP "Ermak", 2004. 730 p. (In Russ.).
5. Shtompka P. Trust: a sociological theory. Moscow: Logos; 2012. 440 p. (In Russ.).
6. Luman N. Authority. Moscow: Praxis; 2001. 256 p. (In Russ.).
7. Kallon M., Meadel' S., Rabekharisoa V. Economics of qualities. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2008;11(4):59–87. (In Russ.).
8. Lapin P.M., Eliseeva S. Yu. Methodological aspects of measuring the level of organizational trust. *Social and humanitarian sciences: theory and practice*. 2021;1(5):228–234. (In Russ.).
9. Kaz E.M. Trust in the organization and performance: from model to tools. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*. 2021;(53):111–122. (In Russ.). DOI: 10.17223/19988648/53/9
10. Noakk N.V., Kostina T.A., Znamenskaya A.N. Development of a comprehensive psychological model of trust in digital economy products, taking into account categories of social ideas and adaptation of their users. *Sbornik metodicheskikh rekomendatsii po voprosam teoreticheskikh i prakticheskikh razrabotok v oblasti obshchestvenno-gumanitarnykh nauk. Nizhnii Novgorod: Professional'naya nauka; 2019. (In Russ.).*
11. Gostenina V.I., Karandin K.S., Mel'nikov S.L. Digital Communication – Trust Marketing Concept Management Technology. *Kommunikologiya*. 2021;9(3):74–87. (In Russ.). DOI: 10.21453/2311–3065–2021–9–3–74–87
12. Fedotova V.A. Trust in power in modern Russian youth: the role of values and ethnic identity. *Politika i obshchestvo*. 2022;(2):14–26. (In Russ.).
13. Zelenkov M. Ju., Tjurikov A. G. Model of challenges to trust in the modern Russian Federation. *Sociodinamika*. 2022;(2):26–43. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409–7144.2022.2.37600
14. Aleksandrova O. A. Providing an atmosphere of trust as a condition for economic development. *JeVR*. 2019;3(61):71–81. (In Russ.).
15. Proskurina A.S. Dynamic resource of trust in economic relations – Russian crowdfunding in the social sphere. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2022;8(174):42–48. (In Russ.). DOI: 10.24158/tipor.2022.8.5

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Ангелина Вячеславовна Власова — студентка 2-го курса магистратуры факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Angelina V. Vlasova — master's student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-3979-8542>

AVVlasova@fa.ru

Александр Георгиевич Тюриков — руководитель департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Alexander G. Tyurikov — Head of the Department of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-9050-7280>

agtyurikov@fa.ru

Анастасия Сергеевна Дронова — студентка-бакалавр 4-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Anastasia S. Dronova — student, Department of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-5099-8698>

ASDronova@fa.ru

Диана Анзоровна Кунижева — ассистент департамента социологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Diana A. Kunizheva — assistant, Department of Sociology, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-4480-7231>

DAKunizheva@fa.ru

Алена Юрьевна Гукова — студент-бакалавр 4-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Alena Yu. Gukova — student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-5277-7554>

aygukova@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

А.В. Власова — проведение полевого и аналитического этапа исследования, разработка инструментария исследования.

А.Г. Тюриков — разработка общей концепции статьи, организация исследования, верификация научных выводов статьи.

А.С. Дронова — анализ различных подходов к исследованию феномена доверия в экономике, социологии, психологии и других отраслях научного знания.

Д.А. Кунижева — систематизация имеющихся подходов к исследованию доверия, изучение научных работ с применением метода количественного и качественного контент-анализа, анализ результатов.

А.Ю. Гукова — анализ различных подходов к исследованию феномена доверия в психологии и других отраслях научного знания.

Author's declared contribution:

A.V. Vlasova — conduct of the field and analytical phase of the research, research tool development.

A.G. Tyurikov — development of the general concept of the article, organization of research, verification of scientific conclusions of the article.

A.S. Dronova — analysis of various approaches to the study of the phenomenon of confidence in economics, sociology, psychology and other branches of scientific knowledge.

D.A. Kunizheva — systematization of existing approaches to the research of trust, research of scientific works with the application of the method of quantitative and qualitative content analysis, analysis of results.

A. Yu. Gukova — analysis of various approaches to the research of the phenomenon of trust in psychology and other branches of scientific knowledge.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 19.08.2022; принята к публикации 15.09.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 19.08.2022; accepted for publication on 15.09.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-79-87
УДК 378.1(045)

Современные методы и технологии внеаудиторной работы в поликультурных сообществах университетов России*

А.В. Кожаринов, А.С. Кисляков, П.П. Ростовцева
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье проведен анализ ключевых методов и технологий внеаудиторной работы, применяемых в настоящее время в высших учебных заведениях. Представлен обзор основной литературы, посвященной различным аспектам теории воспитания, а также существующих в данной области подходов. Используя общенаучные и специальные методы научного исследования, авторы анализируют разнообразные формы внеаудиторной работы, применение которых сопровождается подбором соответствующих технологий. Также в работе подробно проанализирован опыт Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, в котором внеаудиторная работа проводится по многочисленным направлениям, среди которых: поддержка талантливой молодежи; развитие творческого потенциала студентов, добровольческой деятельности, самоуправления; воспитание основ гражданственности, патриотизма, ответственности и пропаганда здорового образа жизни. Анализ имеющихся в распоряжении университета методов показал, что эффективнее всего сосредотачивать усилия на трех ключевых направлениях: формировании отдельных качеств обучающихся, организации практической деятельности и стимулировании (или наказании) студента. По результатам исследования авторами были выработаны практические рекомендации по использованию методов и технологий внеаудиторной работы, а также представлена организационная структура, общие методы и специальные технологии внеаудиторной деятельности по формированию личности с осознанной гражданской позицией. **Ключевые слова:** внеаудиторная работа; теория воспитания; методы и технологии внеаудиторной работы; система высшего образования; воспитательный процесс; гражданская позиция; патриотическое воспитание

Для цитирования: Кожаринов А.В., Кисляков А.С., Ростовцева П.П. Современные методы и технологии внеаудиторной работы в поликультурных сообществах университетов России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2022;12(5):79-87. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-79-87

ORIGINAL PAPER

Modern Methods and Technologies of Extracurricular Work in Multicultural Communities of Russian Universities **

A.V. Kozharinov, A.S. Kislyakov, P.P. Rostovtseva
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper analyzes the key methods and technologies of extracurricular work currently used in higher education institutions. The authors present the major literature review on various aspects of the theory of education, as well as existing approaches in this field. Also, using general scientific and special methods of scientific research, the authors dissect various forms of extracurricular work, the use of which is accompanied by the selection of certain technologies. The paper also considers the experience of the Financial University under the Government of the Russian Federation. The study shows the carry out extracurricular work out in numerous areas, such as support for talented youth; development of the creative potential of students, volunteering, self-governance; education of the basics of citizenship, patriotism, responsibility and promotion of a healthy lifestyle. The essay of the methods available to the university shows the most effective one is to focus efforts on three key areas: the formation of students' individual qualities for practical activities arranging, and a student's stimulation (or punishment). According to the study results, the authors developed

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment to the Financial University.

practical recommendations on the use of methods and technologies of extracurricular work, as well as they presented the organizational structure, general methods and special technologies of extracurricular activities for the formation of a personality with a conscious civic position.

Keywords: extracurricular work; education theory; methods and technologies of extracurricular work; higher education system; educational process; citizenship; patriotic upbringing

For citation: Kozharinov A.V., Kislyakov A.S., Rostovtseva P.P. Modern methods and technologies of extracurricular work in multicultural communities of Russian universities. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(5):79-87. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-79-87

ВВЕДЕНИЕ

Внеаудиторная работа обладает значительным потенциалом в части формирования личности с осознанной гражданской позицией, способствует развитию у студента целого комплекса ключевых личностных характеристик.

Под внеаудиторной работой в данном исследовании понимается комплекс действий и мероприятий, проводимых администрацией университета и по личной инициативе обучающихся в удобное для них время, направленных на формирование ключевых составляющих личности в области гражданской идентичности и осознанности.

Данное определение раскрывается через понятие воспитательного процесса, то есть целенаправленного и систематического воздействия на развитие человека. Дело в том, что в текущих условиях становления социума воспитание выходит на одно из ключевых мест в процессе обучения студента в стенах университета. Наряду с наличием профессиональных знаний и навыков, система общественных отношений поликультурного мира предъявляет особые требования к личности в части гуманистических принципов ее воспитания, составной частью которых является осознанная гражданская позиция. При этом тождественность между двумя терминами не прослеживается. Даже в узком педагогическом смысле воспитание выступает составной частью академического процесса, т.е. обучения в рамках семинарских и лекционных занятий. Мы же говорим о внеаудиторном процессе, ключевой характеристикой которого является внеучебная деятельность.

Тем не менее определенная взаимосвязь обоих терминов наглядно прослеживается. Воспитательный процесс является составной частью внеаудиторного, а потому формы, методы, принципы и способы воспитания применимы в значительной степени во внеучебной деятельности. Именно поэтому при анализе методов и технологий внеаудиторной работы существенное подспорье могут оказать работы исследователей, которые заложили основы теории воспитания.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В отечественной педагогике основы теории воспитания были заложены еще в конце XIX в. К.Д. Ушинским [1], развиты в 1920-е — 1930-е гг. А.С. Макаренко [2], а затем целой плеядой выдающихся исследователей [3–9]. В настоящее время педагогическая наука разработала многочисленные подходы, в основе которых лежат различные представления ученых о человеке и способах формирования личности. Однако, по сути, в основе данных теорий лежат интерпретации отдельных философских или психологических концепций, таких как психоаналитическая теория З. Фрейда и Э. Эриксона, гуманистическая психология А. Маслоу и К. Роджерса, когнитивная теория Ж. Пиаже и Д. Дьюи, социоэнергетическая теория Л.С. Выготского и П.А. Флоренского, поведенческая теория Б. Скиннера; а также генетическая теория К. Лоренца и Д. Кеннела.

На современном этапе развития педагогической литературы существует множество подходов, которые, однако, можно объединить в две большие группы. Согласно первой точке зрения студент выступает в качестве объекта педагогического процесса. То есть речь идет о внешнем воздействии, которое формирует личность [10–12]. С позиций социцентрического подхода процесс внеаудиторной деятельности рассматривается через управление или воздействие с целью социализации личности с позиций максимальной общественной полезности.

Другая точка зрения основана на развитии гуманистических идей, где в центре научной картины мира находится человек. В результате обучающийся воспринимается в качестве субъекта воспитательного внеаудиторного процесса, т.е. речь идет о самовоспитании и необходимости создания для этого соответствующих условий [13].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Эффективность организации внеаудиторной работы, вне зависимости от выбранного подхода, будет соответствовать поставленным целям

при учете трех ключевых факторов. Во-первых, стоит учитывать длительность обучения студента в стенах университета и прохождение им нескольких этапов в своем становлении. В процессе личностно-профессионального роста обучающийся проходит как минимум три фазы [14]. На первом, рефлексивном, этапе он испытывает определенное переживание, связанное с погружением в новое поликультурное сообщество. Этот процесс сопровождается активным обсуждением и постижением новых смыслов и значений, также формируется стремление к интеграции в новые условия. На втором этапе происходит осмысление или осознание сложившейся ситуации и, как следствие, формирование индивидуальных ценностных установок. Наконец, на третьем этапе через деятельное участие студенты начинают реализовывать на практике оформленные установки.

Во-вторых, необходимо выстроить четкую организационную структуру университета, которая будет обеспечивать результаты внеаудиторной деятельности. По нашему мнению, она должна включать три уровня, каждый из которых, с одной стороны, решает собственные уникальные задачи, а с другой стороны, активно взаимодействует с двумя другими, реализуя на практике преимущества синергетического эффекта. К первому уровню можно отнести ректора, проректора по социальной и воспитательной работе, а также руководителей структурных подразделений, которые занимаются организацией внеучебной жизни студентов. Второй уровень включает в себя декана и его заместителя, ответственного за воспитательную или внеаудиторную работу. На третьем уровне находится куратор студенческой группы из числа работников или преподавателей факультета.

В-третьих, перечисленные выше организационные уровни должны придерживаться единых условий и принципов обеспечения внеаудиторного процесса, среди которых на первом месте стоит направленность на развитие и обеспечение условий для саморазвития личности, а также разработанность и продуманность программ. При этом средства и приемы могут значительно различаться, поскольку их набор достаточно обширный.

Значительным разнообразием отличаются и методы внеаудиторной работы, применение которых сопровождается подбором соответствующих технологий. Под методами принято пони-

мать способы проведения деятельности, которые отличаются своеобразием и применяются в том или ином процессе для достижения поставленных целей. В педагогике существуют различные классификации способов внеаудиторной работы, в зависимости от того, какой аспект лежит в его основе. Для нашего анализа будет использоваться трехчленная структура методов, в рамках которой можно выделить методы формирования тех или иных качеств, формы организации практической деятельности и методы стимулирования (наказания).

Итак, начнем с методов формирования качеств сознания, поскольку мысли и чувства являются важнейшей предпосылкой поведения. Реализация данного метода осуществляется через убеждение или внушение, которое может быть вербальным или невербальным [14]. К вербальным способам убеждения относится организация выступлений работников или приглашенных лиц, проведение воспитательных бесед, дискуссий, лекториев. В рамках данных мероприятий особое внимание стоит уделить сочетанию информативности с эмоциональностью, что значительно повышает результативность.

В условиях поликультурного мира обучающийся особое внимание обращает на наличие примеров гражданского поведения из истории различных стран. Причем, с одной стороны, примеры должны показывать вариативность понятия «гражданственность», а с другой стороны, упор стоит делать на тех ее элементах и факторах, которые будут объединять, а не разъединять отдельных представителей региональных культур. Дополнительно стоит предусматривать наличие сопутствующих материалов на иностранных языках, облегчающим восприятие информации студентам, для которых основной язык общения не является родным.

Проведенный в мае-июне 2022 г. опрос 759 студентов Финансового университета показал, что почти 75% из них интересуются традициями других народов. Характерно, что данную позицию студенты считают делом личным, т.е. не связывают напрямую с целенаправленной деятельностью администрации вуза. И все же почти половина студентов полагает, что в вузе должно уделяться внимание национальным культурным традициям.

подавляющее число студентов (73%) также считают, что в университете должно проводиться воспитание гражданственности. При этом 52% респондентов отметили, что уже имеют навы-

ки и опыт организации социально-значимой деятельности, а 55,5% принимают достаточно активное участие в общественной жизни вуза, города или страны. Полученные результаты можно рассматривать как вполне положительные, однако стоит учитывать, что, согласно опросу, только 15% студентов способны однозначно подчинять личные интересы коллективным или общественным. Большинство обучающихся (77%) считают разумным идти на это в зависимости от ситуации. Это означает, что методы воспитания должны быть направлены, прежде всего, именно на эту категорию студентов.

Перейдем к практической деятельности. Организация определенного поведения методом упражнений является ключевым аспектом всей внеаудиторной деятельности. Здесь можно выделить две основные технологии, которые сводятся к непосредственному управлению данным процессом работниками вуза и обеспечению условий для самоуправления и самоорганизации [15].

В этом плане интересен опыт Финансового университета, где внеаудиторная работа состоит из разнообразных направлений и включает в себя поддержку талантливой молодежи, развитие творческого потенциала студентов, основ гражданственности, патриотизма, ответственности, самоуправления и добровольческой деятельности, а также пропаганду здорового образа жизни.

Так, за последние 5 лет количество творческих коллективов Финансового университета увеличилось более, чем на 50%, в 2021/2022 учебном году работало 17 студий, где занималось 320 человек. В одном только 2022 г. были созданы и получили свое развитие такие поликультурные коллективы, как студия современного танца «Lib Crew», вокальный ансамбль «FinMuse», студия сольного вокала, студия балета, клуб парных танцев «Шаг вперед». За 2021/2022 учебный год коллективы приняли участие в 5 международных, 3 всероссийских, 4 городских, 2 вузовских фестивалях и конкурсах и в 6 городских мероприятиях, в рамках которых было завоевано свыше 20 медалей и званий лауреатов различной степени.

Творческий потенциал коллективов и студий традиционно реализуется не только через фестивали и конкурсы, но и через творческие проекты университета. Ежегодные проекты «Посвящение в студенты», «Выпуск», Дни открытых дверей, Международный день студента, День российского студенчества, День рождения вуза, концерты, посвященные праздничным датам, встречи с ве-

теранами университета активно способствуют формированию гражданской идентичности студентов различных стран. Наиболее массовые мероприятия 2021/2022 учебного года вовлекли в свою орбиту свыше 40 тыс. студентов.

Важное место во внеаудиторной деятельности Финансового университета отводится патриотическо-гражданскому воспитанию. В 2021/2022 учебном году было реализовано несколько проектов, посвященных Дням воинской славы и Дню Победы. Отдельного внимания заслуживает многонациональный поисково-патриотический отряд «Памяти 13-й дивизии Народного ополчения», который организовал поисковые работы в местах сражений Великой Отечественной войны в Московской, Смоленской и Калужской областях, а также представил обучающимся результаты своей деятельности в форме выставки найденных предметов военного времени.

Еще одно направление внеаудиторной деятельности Финансового университета по формированию личности с осознанной гражданской позицией связано с вовлечением обучающихся в деятельность 12 общеуниверситетских студенческих клубов, общее количество участников которых составляет свыше 1000 человек. Особо можно отметить шахматный клуб «Zebra», который в 2021/2022 учебном году принял участие в конкурсе молодежных проектов в рамках Всероссийского студенческого спортивного фестиваля «АССК.Фест» и выиграл грант на реализацию всероссийского шахматного проекта «Твой ход». Уже второй год подряд Финансовый университет является площадкой для проведения данного конкурса, участие в котором принимают студенты разных стран.

Здесь же стоит упомянуть Экспедиционный клуб, который в 2021/2022 учебном году вовлек в свою орбиту студентов из многих регионов России, а также иностранных государств, и провел экспедицию в Новгородскую область («Валдайская тропа»). Экспедиционный клуб также работает над реализацией проекта «Россия от края до края» и совместно с поисково-патриотическим отрядом создает систему патриотических и туристических клубов в филиалах университета в 28 регионах страны.

Наконец, отдельного внимания заслуживает деятельность по популяризации здорового образа жизни и содействие участию студентов университета в спортивных мероприятиях [16]. Это направление реализуется через специально

созданный Спортивный клуб, где в 2021/2022 учебном году была организована Спартакиада для 9 факультетов и 2-х колледжей по 30 видам спорта. Общее количество участников составило 2401 человек. Обязательным условием при составлении списков команд от каждого факультета является участие в них иностранных студентов.

Результаты деятельности по организации спортивной жизни впечатляют. На протяжении последних 5 лет Финансовый университет является одним из лидеров студенческого спорта в Московском регионе. Так, за 2021/2022 учебный год в XXXIV Московских студенческих спортивных играх приняли участие свыше 800 студентов, которые выступали в 77 видах соревнований. Итогом стало 2-е общекомандное место в соревнованиях среди всех образовательных организаций высшего образования России. Для сравнения, в 2016/2017 учебном году Финансовый университет занимал лишь 22-е место.

Как видно из приведенного обзора, используемые технологии внеаудиторной деятельности Финансового университета позволяют привлечь значительное количество студентов, которые имеют возможность реализовать себя в многочисленных направлениях. Проведенный среди обучающихся опрос показал, что 32% респондентов выбирают в качестве места внеаудиторной самореализации клубы по интересам, 31% — творческие коллективы и студии, 30% — спортивные секции, и только 2,5% сознательно избегают каких-либо форм внеаудиторной деятельности. При этом заметен акцент на сознательном привлечении представителей различных культур и языковых групп, что позволяет в полной мере реализовать стратегию по формированию личности с осознанной гражданской позицией в поликультурном сообществе университета.

Можно также отметить, что приведенные данные касаются организации деятельности только на первом уровне организационной структуры, т.е. на уровне ректората. Большая работа проводится отдельными факультетами, в организационно-штатной структуре которых имеется должность заместителя декана по воспитательной работе. Усилиями факультетов создаются отдельные студенческие клубы и проводятся массовые мероприятия. Более того, в рамках организации работы на третьем уровне достаточно эффективно трудятся кураторы отдельных групп из числа профессорско-преподавательско-

го состава, которые помогают первокурсникам адаптироваться к обучению в вузе.

Отдельного внимания заслуживают методы саморазвития и самовоспитания в рамках внеаудиторной работы, в которую, согласно данным опроса, вовлечено 35% студентов. С учетом запросов современных студентов, а также развития гуманистических принципов педагогики, данное направление приобретает важное значение. Как уже было отмечено, данный метод подразумевает взгляд на студента как на субъект внеаудиторной деятельности, следовательно, самовоспитание предусматривает активную и деятельную позицию обучающегося по отношению к осознанной гражданской позиции.

Данное направление находит свое воплощение в работе университетских студенческих советов, клубов самоуправления и добровольческой (волонтерской) деятельности. Так, в Финансовом университете уже более 10 лет работает Студенческий совет, который объединяет наиболее сознательных и активных обучающихся. За один только 2021/2022 учебный год им было организовано и проведено 96 мероприятий, в том числе 57 социокультурных, 34 образовательных, и 5 спортивных.

В течение последних 5 лет продолжают активно развиваться экологическое и благотворительное направления. Так, в 2021/2022 учебном году были проведены «EcoForum», «Чистые игры», в рамках акции «Добрые крышечки» было собрано 8870 штук (т.е. 17,74 кг пластика), а 2565 кг макулатуры было сдано на переработку.

Еще одно направление в рамках методов саморазвития связано с популяризацией добровольческой деятельности. Оно реализуется с помощью существующего в Финансовом университете Волонтерского центра, который на конец 2021/2022 учебного года насчитывал 170 активных членов — представителей различных стран и культур. В течение 2021/2022 учебного года участники Волонтерского центра приняли участие в 30 мероприятиях, и в общей сложности были задействованы 694 раза.

Также надо отметить методы стимулирования, без которых невозможно достичь долговременных результатов в части формирования гражданской идентичности студентов. Эти методы можно условно разделить на способы стимулирования и наказания.

Поощрение применяется для выражения положительного одобрения поведения и имеет мно-

гообразные формы и уровни. В качестве такого метода стимулирования могут использоваться устные и письменные благодарности от руководства университета, положительные характеристики и рекомендации для прохождения стажировок, трудоустройства или продолжения обучения в других вузах, улучшение бытовых условий (например, для студентов, проживающих в общежитиях), материальная и нематериальная помощь и др.

Особое воздействие имеет публичное награждение в торжественной обстановке за конкретные достижения в присутствии большого числа людей. Отдельно стоит отметить, что при неграмотном использовании данный метод может иметь негативные последствия, например противопоставить одного студента другому или целому коллективу. Именно поэтому в определенных случаях стоит использовать метод коллективного поощрения, что может содействовать сплочению определенных групп студентов и формированию у них «чувства плеча» и гордости за совместный труд.

В качестве примера можно обратиться к опыту Финансового университета, где методы стимулирования реализуются через социальное обеспечение студентов. Оно включает в себя различные направления: стипендиальное обеспечение, материальная и психологическая поддержка, предоставление льготного проезда, помощь детям-сиротам, организация поездок в учебно-оздоровительный комплекс «Лесное озеро», медицинское обслуживание, сотрудничество с организациями и участие в проектах, направленных на формирование и развитие у обучающихся таких качеств, способностей, знаний, умений и навыков, которые делают выпускника конкурентоспособным на рынке труда, помогают ему в решении профессиональных задач и самореализации в качестве специалиста.

В завершение анализа методов и технологий внеаудиторной работы стоит остановиться на способах наказания, которые являются выражением осуждения тех или иных действий личности в процессе формирования гражданской идентичности. Цель применения этого метода состоит в корректировке поведения студента через формирование чувства стыда и неудовлетворенности. Безусловно, его применение допустимо в исключительных случаях, только при тщательном анализе причин поведения, однако совсем избежать наказания невозможно.

Положительное воздействие данного метода возможно при учете двух ключевых факторов. Во-

первых, на всех организационных уровнях университета должны быть единые правила наказания. Они должны быть закреплены в нормативно-правовых актах университета и соответствовать общепринятым в образовательной среде правилам. Логично, что в первую очередь необходимо воздействовать на личность устным образом, т.е. методом убеждения. В случае отсутствия изменений, а также в случае тяжких нарушений возможно применение письменного дисциплинарного взыскания. В исключительных случаях необходимо применять отчисление студента из университета с правом последующего восстановления.

Во-вторых, наказание должно быть согласовано с органами студенческого самоуправления. В практике Финансового университета отчисление студента возможно только после вынесения мнения членов студсоветов факультетов. Это необходимо для подкрепления мнения администрации вуза осуждающей позицией студентов, а также для профилактики подобных действий в студенческой среде в целом. Знание последствий того или иного поведения большим числом обучающихся вносит определенный положительный эффект.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

В части выработки рекомендаций по использованию методов и технологий внеаудиторной работы остановимся на четырех ключевых моментах.

Во-первых, внеучебная деятельность должна носить комплексный характер, быть управляемой, иметь четкие цели, а также релевантные и измеримые результаты. Данный вид работы вуза не может носить спорадический характер и быть результатом деятельности отдельных работников из числа административного или профессорско-преподавательского состава. Для достижения наилучших результатов рекомендуется регулярно (ежемесячно и ежегодно) формировать план работы, в котором указываются целевые группы направленного действия, сроки и ответственные лица.

Во-вторых, необходимо выстраивать взаимосвязи всех трех уровней организационной структуры. С одной стороны, они не должны дублировать деятельность друг друга, а с другой стороны, объединение усилий и совместное воздействие на личность должно давать синергетический эффект. Возможные варианты выстраивания данных связей могут быть обеспечены путем проведения общих консультаций, семинаров, об-

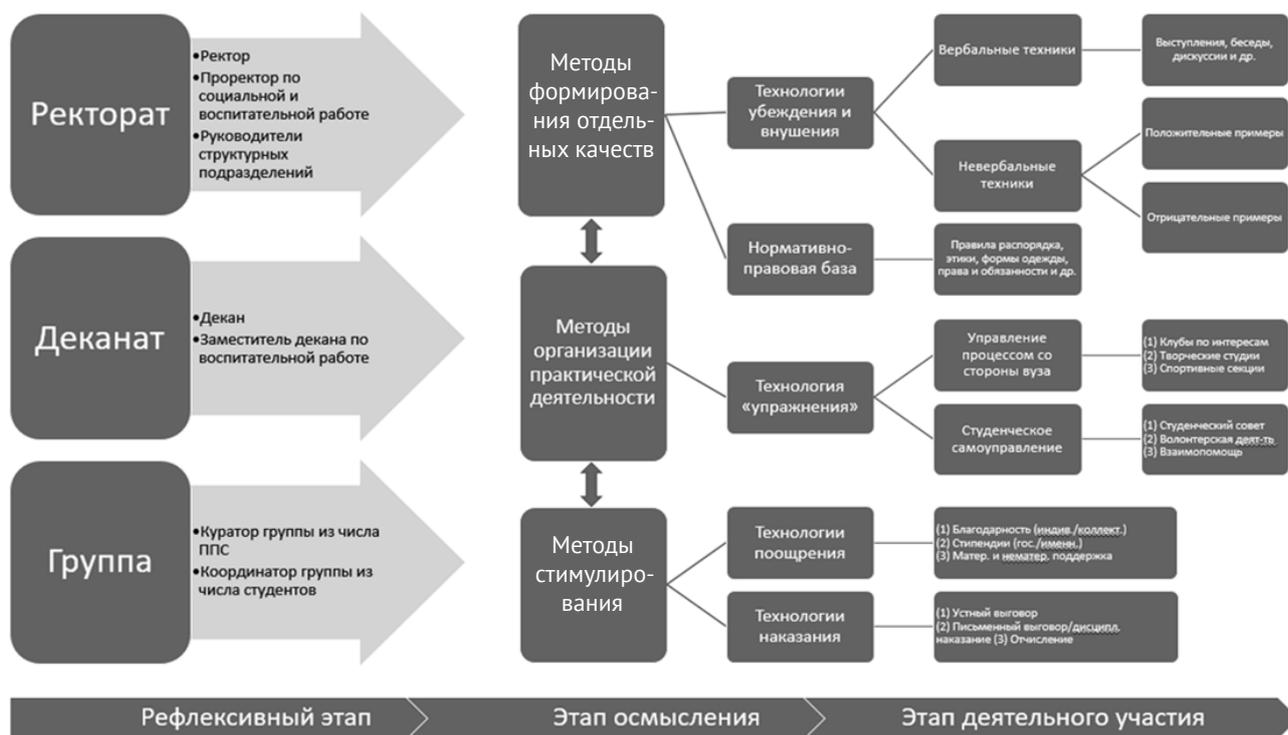

Рис./ Fig. Организационная структура, методы и технологии внеаудиторной деятельности по формированию личности с осознанной гражданской позицией / Organizational structure, methods and technologies of extracurricular activities for a personality upbringing with a conscious civic position

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

суждений планов работы и обмена информацией по отдельным, наиболее сложным, ситуациям.

В-третьих, саму личность следует одновременно рассматривать как объект и субъект внеаудиторного воздействия. Объектная деятельность в данном случае подразумевает создание наиболее комфортных и многогранных условий внеучебной работы с учетом ранее описанных методов. А, поскольку речь идет о формировании осознанной гражданской позиции, личность должна выступать в качестве субъекта, т.е. активно привлекаться к процессу самоуправления, самовоспитания и взаимопомощи.

В-четвертых, необходимо максимально эффективно использовать институт кураторов (а с точки зрения субъектности, и институт координаторов, членами которого являются студенты). Здесь особое внимание следует уделять отбору участников данной деятельности и повышению их общепрофессионального уровня подготовки через организацию соответствующих тренингов и методических семинаров.

Резюмируя, методы и технологии внеаудиторной деятельности по формированию личности с осознанной гражданской позицией можно представить в виде схемы на рисунке.

ВЫВОДЫ

Завершая анализ методов и технологий внеаудиторной работы, которые направлены на формирование личности с осознанной гражданской позицией, отметим следующие ключевые позиции.

Во-первых, данный вид работы должен проводиться университетом на всех этапах обучения студента в вузе, а также во время его участия во внеучебной жизни с целью формирования его гражданской осознанности на этапах рефлексии и осмысления себя как личности.

Во-вторых, в данную работу должно быть вовлечено как можно большее количество работников, которые в совокупности образуют три уровня организационной структуры: ректорат, деканат, институт кураторов.

Третье неперемное условие успешности внеаудиторной работы состоит в наличии единых условий и принципов ее организации, которые должны быть подкреплены соответствующей нормативно-правовой базой. Соблюдение закреплённых на бумаге правил будет являться обязательным требованием для всех студентов, вне зависимости от их национальной или языковой принадлежности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания: опыт педагогической антропологии. М.: Фаир-Пресс; 2004. 574 с.
2. Макаренко А.С. Методика воспитательной работы. М.: Изд-во и тип. изд-ва Акад. пед. наук РСФСР; 1950. 108 с.
3. Гончаров Н.К. Основы современной педагогики. М.: Учпедгиз; 1947. 408 с.
4. Гордин Н.Ю. Поощрения и наказания в воспитании детей. М.: Педагогика; 1971. 200 с.
5. Коротов В.М. Развитие воспитательных функций коллектива: проблемы общей методологии воспитательного процесса. М.: Педагогика; 1974. 278 с.
6. Ильина Т.А. Педагогика. Курс лекций. М.: Просвещение; 1984. 495 с.
7. Шукина Г.И. Активизация познавательной деятельности учащихся в учебном процессе. Ленинград: ЛГПИ; 1984. 184 с.
8. Лихачев Б.Т. Этическое воспитание в школе. Вопросы системного подхода. М.: Просвещение; 1985. 175 с.
9. Слостенин Н.А. Педагогика: инновационная деятельность. М.: Магистр; 1997. 221 с.
10. Ковалев Н.Е. Введение в педагогику. М.: Просвещение; 1975. 176 с.
11. Мудрик А.В. Основы социальной педагогики. М.: Академия; 2006. 204 с.
12. Петровский А.В. Психология и время. М.: Печатный двор им. А.М. Горького; 2007. 447 с.
13. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл; 2003. 1134 с.
14. Бухалова И.В. Методические аспекты организации внеучебной воспитательной работы со студентами педагогического вуза. *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*. 2008;(4):30–37.
15. Кузнецова Н.В. Внеаудиторная самостоятельная работа студентов в высшей школе. *Вопросы педагогики*. 2021;5(2);175–179.
16. Шевчук И.В. Нравственное воспитание студентов во внеаудиторной деятельности. *American Scientific Journal*. 2020;38–2(38);30–34.
17. Абрамов Д.Н. Психолого-педагогические аспекты личности в педагогической системе воспитания физической культуры студентов в процессе внеаудиторной спортивно-массовой работы высшего учебного заведения. *Kant*. 2020;4(37);341–346. DOI: 10.24923/2222–243X.2020–37.69

REFERENCES

1. Ushinsky K.D. Man as a subject of education: Experience of pedagogical anthropology. Moscow: Fair-Press; 2004. 574 p. (In Russ.).
2. Makarenko A.S. Methods of educational work. Moscow: Publishing and Publishing house of Acad. Ped. Sciences of the RSFSR; 1950. 108 p. (In Russ.).
3. Goncharov N.K. Fundamentals of modern pedagogy. Moscow: Uchpedgiz; 1947. 408 p. (In Russ.).
4. Gordin N. Yu. Rewards and punishments in the upbringing of children. Moscow: Pedagogy; 1971. 200 p. (In Russ.).
5. Korotov V.M. Development of the team educational functions: Problems of the general methodology of the educational process. Moscow: Pedagogy; 1974. 278 p. (In Russ.).
6. Ilyina T.A. Pedagogy. Lecture course. Moscow: Enlightenment; 1984. 495 p. (In Russ.).
7. Shchukina G.I. Activation of the cognitive activity of students in the educational process. Leningrad: LGPI; 1984. 184 p. (In Russ.).
8. Likhachev B. T. Ethical education at school. Questions of the system approach. Moscow: Enlightenment; 1985. 175 p. (In Russ.).
9. Slastenin N.A. Pedagogy: Innovative activity. Moscow: Master; 1997. 221 p. (In Russ.).
10. Kovalev N.E. Introduction to Pedagogy. Moscow: Enlightenment; 1975. 176 p. (In Russ.).
11. Mudrik A.V. Fundamentals of social pedagogy. Moscow: Academy; 2006. 204 p. (In Russ.).
12. Petrovsky A.V. Psychology and time. Moscow: Printing yard named on A.M. Gorky; 2007. 447 p. (In Russ.).
13. Vygotsky L.S. Psychology of human development. Moscow: Meaning; 2003. 1134 p. (In Russ.).
14. Bukhalova I.V. Methodological aspects of arranging the extracurricular educational work with students in a pedagogical university. *Bulletin of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University*. 2008;(4):30–37. (In Russ.).

15. Kuznetsova N. V. Extracurricular independent work of students in higher education. *Questions of pedagogy*. 2021;5(2);175–179. (In Russ.).
16. Shevchuk I. V. Moral education of students in extracurricular activities. *American Scientific Journal*. 2020;38–2(38);30–34. (In Russ.).
17. Abramov D. N. Psychological and pedagogical aspects of personality in the pedagogical system of upbringing physical culture of students in the process of extracurricular sports-mass work of a higher educational institution. *Kant*. 2020;4(37);341–346. (In Russ.). DOI: 10.24923/2222–243X.2020–37.69

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Александр Владимирович Кожаринов — кандидат экономических наук, доцент департамента налогов и налогового администрирования, проректор по социальной и воспитательной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Alexander V. Kozharinov — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Taxes and Tax Administration, Vice-rector for Social and Educational Work, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-8110-6565>

avkozharinov@fa.ru

Анатолий Сергеевич Кисляков — кандидат исторических наук, доцент департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

Anatoly S. Kislyakov — Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor of the Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-9650-5764>

askislyakov@fa.ru

Полина Петровна Ростовцева — кандидат педагогических наук, доцент департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия

Polina P. Rostovtseva — Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Department of English for Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia

PPRostovtseva@fa.ru

<http://orcid.org/0000-0002-0607-2449>

Заявленный вклад авторов:

А.В. Кожаринов — общее руководство исследованием.

А.С. Кисляков — разработка теоретико-методологической основы исследования.

П.П. Ростовцева — обзор отечественных и зарубежных источников по теме.

Authors' declared contribution:

A.V. Kozharinov — general guidance of the study.

A.S. Kislyakov — working-out the theoretical and methodological basis of the study.

P.P. Rostovtseva — review of domestic and foreign sources on the topic.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 02.09.2022; принята к публикации 20.09.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 02.09.2022; accepted for publication on 20.09.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-88-96
УДК 32(045)

Анализ условий и факторов социально-политической устойчивости современного российского государства*

А.В. Брега, Д.Д. Осинина

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу условий и факторов социально-политической устойчивости современного российского государства. Авторы рассматривают безопасность, в том числе кибербезопасность, культурный и экономический суверенитет, наличие внутриэлитного консенсуса и консолидацию общества как основные условия социально-политической устойчивости современного государства. При этом авторы подчеркивают особую роль культурного суверенитета и государственного контроля за информационным пространством страны в условиях гибридных войн. **Ключевые слова:** устойчивость государства; культурный суверенитет; экономический суверенитет; внутриэлитный консенсус; кибербезопасность; территориальная целостность

Для цитирования: Брега А.В., Осинина Д.Д. Анализ условий и факторов социально-политической устойчивости современного российского государства. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(5):88-96. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-88-96

ORIGINAL PAPER

Conditions and Factors Analysis of Socio-Political Stability in the Modern Russian State**

A. V. Brega, D. D. Osinina

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper analyzes conditions and factors of socio-political stability in the modern Russian state. The authors consider security, including cybersecurity, cultural and economic sovereignty, an intra-elite consensus and the consolidation of society as the fundamental conditions for the socio-political stability of a modern state. Also, the authors emphasize the special role of cultural sovereignty and state control over the country's information space in the context of hybrid wars. **Keywords:** state stability; cultural sovereignty; economic sovereignty; intra-elite consensus; cybersecurity; territorial integrity

For citation: Brega A. V., Osinina D. D. Conditions and factors analysis of socio-political stability in the modern Russian state. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(5):88-96. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-88-96

Устойчивость современного государства зависит от его способности своевременно реагировать на процессы, происходящие «сверху», «извне» и «изнутри». «Сверху» на государство оказывают влияние наднациональные структуры и общая конъюнктура международных отношений. Наднациональные структуры и международные институты, будучи продуктом сложившегося миропорядка и отражая ин-

тересы страны-гегемона на мировой арене или одного из основных центров силы, определяют институциональные рамки для действий государств, а также служат инструментом кооптации элит с целью поглощения политического вызова со стороны государств [1]. Несмотря на то что известны примеры добровольного ограничения своего суверенитета в рамках региональных интеграционных объединений (Ев-

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2022 г.

** The article is based on the results of studies carried out at the expense of budget funds under the state assignment to the Financial University in 2022.

ропейский союз), это также воспринимается как давление «сверху» и потеря политической и экономической субъектности при принятии решений. В таких условиях социально-политическая устойчивость государства зависит от общих процессов в рамках объединения (наличие / отсутствие внутренних кризисов), от позиции основного центра силы в рамках объединения, а также от стабильности вертикали власти внутри самого государства.

Помимо влияния «сверху», социально-политическая устойчивость современного государства зависит от давления «извне», т.е. от внешнеполитической ситуации у собственных границ, и от действий негосударственных акторов. Наконец, государство находится под влиянием внутренних процессов, оказывающих давление на государственные структуры и политические институты, на социально-экономические показатели жизни населения — т.е. стабильность страны зависит от влияния «изнутри».

Российская Федерация не является исключением и подпадает под представленную модель анализа. А описанные выше процессы формируют условия и определяют факторы социально-политической стабильности современного российского государства.

С целью определения ключевых условий и факторов социально-политической устойчивости современного российского государства было проведено исследование, в основе которого лежал метод экспертного опроса в формате непосредственного контакта и онлайн-анкетирования экспертов. Опрос был проведен в августе 2022 г., выборочная совокупность — 21 человек. В число экспертов вошли представители сферы образования, государственного и муниципального управления, политического консалтинга и экспертизы, малого и среднего бизнеса. При этом 13 опрошенных имеют ученую степень.

Итак, среди условий социально-политической стабильности современного российского государства необходимо выделить следующие.

Во-первых, безопасность государства. В данном случае речь идет о безопасности государственных границ, обеспечении территориальной целостности государства, системе общественных и государственных гарантий жизнедеятельности населения. Результаты экспертного опроса показали, что ключевым маркером устойчивости государства является эффективность деятельности силовых структур, а также боеспособность Воору-

женных Сил Российской Федерации. Причем в текущих условиях эксперты фиксируют усиление общественного запроса на укрепление контура безопасности. Соответственно, для внутривнутриполитического контекста обеспечение безопасности связано с готовностью и способностью силовых структур поддерживать правопорядок. А на внешнем контуре это, прежде всего, запрос на стабильность у российских границ, достижение которой, по мнению экспертов, связано с препятствием расширению Организации Североатлантического договора (НАТО) на Восток. В целом, безопасность и устойчивость российского государства зависят от исхода специальной военной операции.

В то же самое время в текущих реалиях на смену исключительно боевым действиям приходят гибридные войны, суть которых — в одновременном противостоянии в военно-политической, экономической, ценностной и информационной сферах. Таким образом, устойчивость государства напрямую связана и с информационной безопасностью, ключевая составляющая которой — политика кибербезопасности страны. Стратегии государств в этой сфере делятся на три типа — оборонительная (КНР), наступательная (США) и ситуативное реагирование (РФ).

Безусловно, показательным примером является Китай, с 1998 г. параллельно развитию информационных технологий во всем мире совершенствовавший проекты «Золотой щит» и «Великий китайский файрвол»¹, обеспечивающие фильтрацию контента в интернете страны. Несмотря на распространенное мнение о том, что многие китайские пользователи используют VPN для работы в интернете, важно отметить, что с 2012 г. проект «Золотой щит» получил опцию сброса VPN-соединения, которая применяется выборочно, исходя из просматриваемого контента. В научном и экспертном сообществе, особенно западном, идут серьезные дискуссии относительно правильности подобных проектов, насколько они соответствуют концепции обеспечения прав и свобод человека. Однако китайский опыт показал, что «Золотой щит» и файрвол не остановили прирост пользователей интернета в стране, а развитие технологической составляющей проектов позволило контролировать не пользователей, а подаваемый контент. В то же

¹ Краткая история ИБ в Китае: как возводили Великий китайский файрвол. URL: <https://habr.com/ru/company/vasexperts/blog/354698/?ysclid=la15rbtw4i46002943>

время события последних десятилетий говорят о том, что технологии дестабилизации политической ситуации в стране имеют четкую инфраструктуру, частью которой являются крупнейшие западные медиаконцерны, масштабная сеть НПО и НКО, действующая по всему миру. Организационную поддержку оказывают представительства крупных благотворительных фондов и аналитических центров, через которые Государственный департамент США выделяет средства на работу с гражданским населением (USAID, Freedom House, Национальный фонд демократии и т.д.).

На примере Китая видно, что можно обеспечить систему контроля и реагирования в информационном пространстве страны. Но информационная составляющая гибридных войн сильно развивается в последние годы. Примером попыток дестабилизации политической ситуации с помощью задействования информационно-коммуникативной инфраструктуры служат протестные акции, организованные в Иране в сентябре 2022 г. Формальным поводом была объявлена смерть Махсы Амени — якобы после задержания полицией нравов. Несмотря на то что в Иране отработывалась классическая методика организации протестных акций по Джину Шарпу — выбор сакральной жертвы и раскрутка поминальных акций [2], в ней была технологическая новизна. Информационная компонента связана с активизацией спутниковой интернет-сети Starlink в Иране с 24.09.2022 г., принадлежащей Илону Маску, без соответствующего разрешения иранских властей². Иными словами, в условиях блокировки правительством Ирана интернета на территории страны, современные технологии позволили создать альтернативную (неподконтрольную иранским властям) коммуникационную площадку.

Российская стратегия условно может быть названа ситуативной. Так, после ограничения доступа к страницам российских СМИ (Sputnik, Russia Today, «Звезда» и др.) в социальных сетях Facebook и Instagram (признаны экстремистскими организациями и запрещены на территории РФ), а также ввиду распространения дезинформации и призывов к насилию в марте 2022 г. Роскомнадзор принял решение о блокировке данных социальных сетей, принадлежащих компании

Meta Platforms Inc., на территории РФ, признав их экстремистскими³. Данная мера стала ответом на политизацию и идеологизацию социальных сетей, происходящую последние несколько лет. Примером может также послужить блокировка аккаунта экс-президента США Д. Трампа в социальной сети Twitter ввиду того, что его посты идут в разрез с устоявшейся политикой сети и принятой за основу идеологической линией американского истеблишмента.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что информационная безопасность в XXI в. играет ключевую роль в системе обеспечения безопасности страны. Как и любая система, информационная обладает своей структурой и каналами распространения информации, а ее роль в организации и поддержании политического порядка неуклонно растет [3]. Причем информационная система страны может стать объектом как тактического (иранский кейс), так и стратегического воздействия противника в рамках применения политики «мягкой силы». В этой связи опрошенные эксперты в числе приоритетных условий социально-политической стабильности России выделили «государственный контроль над информационным пространством страны».

Во-вторых, помимо обеспечения безопасности информационной системы страны, в XXI в. перед властями стоит задача проведения грамотной информационной политики внутри государства, коммуникации с населением, донесения основных смыслов и целей принимаемых решений, работа с обратной связью. В противном случае, как указывает К. Дойч, проблемы коммуникации государства и населения могут привести к политической дезинтеграции страны [4]. А в рамках гибридных войн идет борьба за интерпретацию политики. В данном контексте можно привести слова М. Кастельса о том, что «власть осуществляется преимущественно путем конструирования смыслов в человеческом сознании в ходе коммуникационных процессов, происходящих в глобальных и локальных сетях массовой коммуникации» [5]. При этом надо отметить, что теперь национальные границы государства выступают лишь одним из уровней применения власти. В то же время государство как единый институт не выступает в процессе политической

² Илон Маск запустил спутниковый интернет Starlink в Иране. URL: <https://3dnews.ru/1074792/ilon-mask-obyavilo-namerenii-aktivirovat-internet-starlink-v-irane>.

³ Суд запретил Instagram и Facebook. Что это значит для пользователей. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/21/03/2022/6238a5e89a79477e5dc0245f.

коммуникации, — его позиция представлена различными информационными и административными структурами, от интересов и профессионализма которых зависит презентация государства в публичном пространстве страны. Помимо государственных акторов, в информационном пространстве также действуют корпоративные структуры, способствующие продвижению и реализации групповых интересов [3]. Подобные расклады препятствуют проведению властями единой информационной линии, значительно ограничивают спектр технологий и механизмов работы в публичном пространстве. Между тем, отсутствие национальных границ в виртуальной среде позволяет внешним акторам организовать целенаправленную работу с лидерами общественного мнения, через которых продвигаются технологии ценностного подчинения. Большинство кейсов с протестными акциями и цветными революциями демонстрируют устоявшийся спектр информационно-коммуникативных технологий:

- активное привлечение неполитических лидеров общественного мнения (так называемых селебрити, бьюти-блоггеров и т.д.);
- политизация социальных отношений и конструирование атмосферы противостояния в обществе;
- передача информации в форме «общих образов» [3], ориентированная на эмоциональное, чувственное восприятие;
- активизация иррациональной компоненты в виде предрассудков и стереотипов;
- дихотомизация восприятия действительности (по принципу «черное-белое» или «свой-чужой»);
- превращение реципиента в единомышленника с целью активизации чувства сопричастности и солидарности.

В итоге (по К. Дойчу) идет прямое воздействие на два ключевых фактора эффективного функционирования политической системы: качество поступающей информации и качество восприятия информации [4].

С 24 февраля 2022 г. против России была развернута информационная кампания, где использовались представленные выше технологии, а именно: выбор символического ряда (флешмоб #нетвойне, запущенный российскими селебрити и поддержанный частью российской молодежи); выбор «лидеров мнений», ставка на неполитических лидеров (например, бьюти-блоггеров, «неожиданно» заговоривших о политике); попытка

сформировать недоверие к действующей власти через технологии «развенчivanja мифов» и т.д.⁴ Вся стратегия информационной кампании Запада ориентирована на эмоции и аффективный отклик целевых групп.

Соответственно, в информационный век информационно-коммуникативные технологии оказывают ключевое воздействие на характер политической коммуникации государства и общества, а также государства и внешних акторов, формируя политический дискурс. Его функции могут быть определены как контролирующая (экспансия информационного пространства), интерпретационная (разъяснение ключевых смыслов принимаемых решений) и идентификационная (выработка и продвижение единых смыслов и ценностей с целью поддержания общественной солидарности с государством). Именно поэтому в контексте информационной и гуманитарной агрессии Запада против России контроль государства за информационным пространством является условием его социально-политической устойчивости. А продвигаемые в информационном пространстве символы и смыслы служат основой для политической и культурной идентификации населения. Поэтому еще одним показателем социально-политической устойчивости государства служит готовность населения поддержать предлагаемые властью идеологические нарративы.

В-третьих, устойчивость любого государства зависит не только от политического, экономического, финансового, но и от культурного суверенитета. Распад Советского Союза привел к тому, что в культурно-ценностной системе страны образовался вакуум, который быстро стал наполняться западными ценностями и идеалами. Данный тренд поддерживался и внешнеполитическим курсом страны первой половины 1990-х гг., когда основной задачей внешней политики РФ была объявлена интеграция в евроатлантическое сообщество. Несмотря на серьезную трансформацию российской внешней политики после 1996 г., процессы вестернизации достаточно сильно ощущались в ценностном пространстве страны вплоть до февраля 2022 г. Речь идет, прежде всего, о смене ценностной парадигмы — россияне стали частью глобального

⁴ Представлены результаты исследований Центра политической информации департамента политологии Финансового университета. Подробнее можно ознакомиться в телеграмм канале https://t.me/cfps_fu.

общества потребления, ориентиры для которого задавали США. В итоге, в России, как и во многих странах мира, упрочилась либеральная модель государства, предложенная И. Кантом, — на смену гоббсовскому концепту страха приходит модель процветания и эгоистического удовлетворения своих интересов [6, 7]. Именно стремление жить долго и хорошо стало ответом на «войну всех против всех».

Важность культурного суверенитета страны определяется функциональной особенностью культуры — в процессе социализации индивиды приобщаются к образу жизни нации, усваивая ценностные установки и перенимая поведенческие паттерны. Иными словами, культура, будучи механизмом накопления и передачи социальной памяти нации, является основой для начала коллективной самоидентификации.

Идущая сегодня информационная кампания против России, выражающаяся в том числе в попытке отменить российскую культуру и ее достижения, привела к обратному эффекту — к консолидации и объединению россиян вокруг Родины, ее символов и ценностей, что отразилось на процессах социальной, культурной и политической самоидентификации населения. Сегодня на основе отождествления себя с символическим рядом и ценностной системой российского государства россияне демонстрируют прогосударственную политическую идентичность. Однако идущие с февраля 2022 г. процессы отмены российской культуры и России в целом поставили перед властью и обществом вопрос о четком формулировании ценностного уникального ядра, воплощающего хронотип страны, специфику ее локализации в мире и всемирной истории.

Соответственно, в современных условиях речь идет не только о поддержании прогосударственной политической идентичности, а в большей степени — о цивилизационном выборе населения, который позволит государству сохранить суверенитет. Данный аспект особенно актуален в свете последних геополитических событий, ибо современное противоборство между государствами идет не столько в политико-силовом пространстве, сколько в культурно-ценностном — именно оно формирует ценностно-мировоззренческие взгляды населения, их поведенческие паттерны, что сказывается на политической ориентации россиян. В этом контексте наличие ценностного ядра государства является условием его социально-политической устойчивости — оно

обеспечивает консолидацию общества вокруг предлагаемых государством идеологием, а также выстраивает его связь с внешним миром, позволяя стране сохранить свой культурный суверенитет. В этой связи среди факторов социально-политической устойчивости современного российского государства эксперты выделяют поддержку декларируемых традиционных семейных ценностей и уважение исторических традиций России, а также снижение доли приверженцев иностранной массовой культуре. Все это сказывается из национально-государственной идентичности основной массы населения.

В-четвертых, социально-политическая устойчивость любого государства зависит от экономической ситуации в стране. Россия — не исключение, и санкционное давление, которое испытывает страна, является вызовом для российской экономики и всего государства в целом. Однако необходимо сделать оговорку, что Российская Федерация находится под санкционным давлением Запада с 2014 г., и это во многом изменило отношение населения к данной ситуации, а также адаптировало экономику под новые реалии. Иначе говоря, политика санкций стала новой внешнеэкономической реальностью России. В этой связи можно констатировать следующее.

С одной стороны, вопреки первоначальным оценкам социологов и сообщениям СМИ, санкционное давление затронуло интересы менее четверти российского населения, чему во многом способствовали продуманная система мер и оперативное реагирование российских властей⁵. С другой стороны, санкционное давление Запада стало серьезным вызовом для российской промышленности, так как страна за последние десятилетия привыкла покупать, а не производить. Но иранский опыт доказывает, что сильное внешнее давление является реальной возможностью для экономического роста и восстановления промышленного потенциала страны.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что, будучи важной составляющей социально-политической устойчивости современного российского государства, экономические условия в большей степени служат вызовом производственному сектору страны, нежели сказываются на качестве жизни россиян. Обзор наполняемости магазинов

⁵ Гендиректор ВЦИОМ оценил, как санкции скажутся на жителях России. URL: <https://udm-info.ru/news/politics/28-02-2022/gendirektor-vtsiom-otsenil-kak-sanktsii-skazhutsya-na-zhitelyah-rossii>.

Общий рейтинг факторов, угрожающих социально-политической устойчивости Российской Федерации / General rating of factors threatening the socio-political stability of the Russian Federation

№ п/п	Название фактора	Средний вес деструктивности от 1 до 10
1	Неудачи (или поражение) российских войск в вооруженном конфликте	8,71
2	Резкое падение реальных доходов населения	8,66
3	Падение уровня боеспособности вооруженных сил РФ	8,62
4	Гиперинфляция (более 100% в год)	8,42
5	Уровень доверия к президенту РФ	8,42
6	Падение доверия к властям и проводимой внутренней и внешней политике	8,42
7	Потеря государственного контроля над информационным пространством страны	8,38
8	Возвращение промышленности России к низшему технологическому укладу	8,19
9	Уровень социального неравенства	8,1
10	Непосредственное участие России в военных конфликтах	8,01
11	Дефицит товаров (лекарств, деталей для автопрома и авиапрома и др.)	8,0
12	Уровень коррупции	7,85
13	Негативная информация о ходе военных конфликтов с участием России	7,76
14	Безработица (в т.ч. скрытая)	7,76
15	Существенное ухудшение социально-экономического положения субъектов федерации	7,66
16	Уровень инфляции	7,61
17	Рост конфликтов с инокультурными мигрантами	7,57
18	Разочарование в социально-политическом курсе страны	7,57
19	Девальвация рубля	7,52
20	Падение готовности и способности силовых структур поддерживать правопорядок	7,47
21	Способность здравоохранения обеспечить приемлемый уровень профилактической помощи и лечения населения	7,47
22	Ухудшение медицинского обслуживания и эпидемия инфекционных заболеваний	7,28
23	Восприимчивость населения к предлагаемым властями идеологемам	7,23
24	Рост социально-бытового напряжения	7,23
25	Демографические тенденции	7,23
26	Уровень патриотизма и уважения исторических традиций	7,14
27	Нарастание протестной активности	7,14
28	Слабая эффективность деятельности силовых структур	7,1
29	Снижение уровня патриотизма, неприятие основных исторических традиций	7,09
30	Средний уровень доходов населения	7,0
31	Конфликтные межэтнические и сепаратистские настроения в субъектах федерации	7,0
32	Эффективность деятельности силовых структур	7,0

№ п/п	Название фактора	Средний вес деструктивности от 1 до 10
33	Рост преступности	6,95
34	Рост негативного отношения к традиционным религиям России	6,86
35	Поддержка декларируемых традиционных семейных ценностей	6,85
36	Недовольство работой государственного аппарата и муниципалитетов	6,85
37	Критика субъектом федерации решений федеральной власти РФ и демонстрация готовности осуществлять особый политический курс в регионе	6,8
38	Агрессия в социальном общении	6,76
39	Уровень криминала	6,71
40	Нестабильность в постсоветских государствах	6,71
41	Рост преступности	6,66
42	Уровень толерантности к другим культурам и образу жизни	6,61
43	Готовность поддержать предлагаемые властью идеологические нарративы	6,61
44	Утверждение образцов поведения и образа жизни, свойственных зарубежным культурам	6,61
45	Слабая адаптивность инокультурных мигрантов	6,57
46	Рост негативного отношения к традиционным религиям России	6,57
47	Свобода слова в средствах массовой коммуникации	6,52
48	Реальная возможность вхождение в состав НАТО государств постсоветского пространства	6,42
49	Расширение антироссийских санкций и присоединение к ним новых государств	6,33
50	Влияние иностранной массовой культуры на духовные ориентиры населения	6,33
51	Реальная возможность вхождения в состав НАТО государств постсоветского пространства	6,28
52	Снижение популярности российской культуры среди населения	6,23
53	«Железный занавес» стран Запада в отношении к России	6,2
54	Слабая устойчивость национальной валюты	6,14
55	Уровень технологической независимости	6,14
56	Потеря лояльности к России со стороны дружественных стран ближнего зарубежья	6,1
57	Военные конфликты и массовые протесты в постсоветских государствах	6,09
58	Уровень протестной активности	5,9
59	Исключение России из ряда международных организаций (ООН, ВТО, МОК, МВФ, МОТ и др.)	5,76
60	Противоречия между федеральными и региональными властями	5,71
61	Антироссийские санкции недружественных стран	5,57
62	Состояние деловой среды (бизнес-климат)	5,57
63	Уменьшение возможности выезда за рубеж, прежде всего, в западные страны	4,66
64	Антироссийские санкции недружественных стран	4,61

Источник: составлено авторами / compiled by the authors.

позволяет утверждать, что в текущих условиях в России по-прежнему можно купить любой товар. Однако стоит помнить, что восприятие экономической ситуации тесно связано с ценностно-мировоззренческой системой индивида, которая определяет его привычки и сложившийся жизненный уклад. Для создания паники среди населения весной 2022 г. в информационном пространстве страны была развернута соответствующая кампания, целью которой, при содействии лидеров общественного мнения, было, играя на эмоциях населения и провоцируя аффективный отклик целевых групп, посеять среди населения страх дефолта или экономической изоляции государства, вбрасывая несуществующие проблемы. Данный пример служит подтверждением важности государственного контроля над информационным пространством страны в условиях гибридных войн.

В-пятых, важным условием социально-политической устойчивости современного российского государства является внутриэлитный консенсус и консолидация элит вокруг президента. В XX в. роль и значение элиты в жизни государства поступательно росли, что происходило на фоне снижения персонального фактора в политике, иначе говоря, ослабления института лидерства во всем мире [8]. В итоге, стабильность современных политических режимов, при всех их идеологических окрасках, зависит от наличия консенсуса среди элит, а концепт политического лидерства из категории «индивидуальное» перешел в «групповое», сущность которого выражена принципом «лидера делает свита». Подобная модель политического лидерства ведет к укоренению патрон-клиентских отношений в современных государствах, взаимодействие внутри которых строится по принципу «бенефиции взамен на лояльность».

Учитывая, что история, как минимум, постсоветского пространства, знает достаточно примеров политических катастроф, причиной которых выступал внутриэлитный раскол (цвет-

ные революции на Украине, в Киргизии, Грузии и т.д.), наличие консенсуса элит и их консолидация вокруг государства являются принципиально важным условием социально-политической устойчивости современной России.

Таким образом, условиями социально-политической устойчивости современного российского государства является обеспечение безопасности страны и целостности территориальных границ, контроль за информационным пространством государства, культурный и экономический суверенитет, внутриэлитный консенсус и консолидация элит вокруг президента. Подробный анализ данных условий позволил сформировать пул факторов, оказывающих влияние на социально-политическую устойчивость России, и представить их для экспертной оценки.

В результате исследования был составлен рейтинг значимости факторов, представленный в таблице. Рейтинг выстраивался по 10-балльной шкале, где «1» свидетельствует о наименьшем влиянии, а «10» — о наибольшем. Было выявлено, что из 64 представленных для экспертной оценки факторов, наибольшее влияние на социально-политическую устойчивость российского государства оказывают следующие: результат специальной военной операции, социально-экономическое самочувствие населения и состояние промышленности; доверие и поддержка органов государственной власти (характеризующие уровень политической легитимности), а также состояние информационно-коммуникативной среды.

В то же время анализ рейтинга значимости факторов позволяет заключить, что на сегодняшний день эксперты не выделяют предельно критические значения, нарушающие социально-политическую устойчивость российского государства, которые отражаются в числовых параметрах «9»–«10» баллов. Иными словами, ситуация для социально-политической устойчивости российского государства оценивается в целом как положительная.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кокс Р., Якобсон Г. Анатомия Влияния: принятие решений в международных организациях». URL: <http://www.internationalgramscisociety.org/>
2. Шарп Дж. От диктатуры к демократии. URL: http://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/FDTD_Russian.pdf.
3. Гаман-Голутвина О.В., Никитин А.И., ред. Современная политическая наука: Методология. Научное издание. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс»; 2019.
4. Karl W. Deutsch. The Development of Communication Theory in Political Science. *History of Political Economy*. 1975;7(4):482–498.

5. Кастельс М. Власть коммуникации. Пер. с англ. М: Изд. дом Высшей школы экономики; 2016.
6. Соколова Р.И., ред. Технология власти. Приложение 1. Отношения человека и власти в политической философии Томаса Гоббса. Монография. М.: Институт философии Российской Академии наук; 1995.
7. Филиппов А. «Левиафан» Томаса Гоббса. URL: <https://postnauka.ru/faq/40976>
8. Шатилов А.Б. Современное политическое лидерство: возможности и ограничения. *Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология*. 2020;26(2):144–155.

REFERENCES

1. Cox R., Jacobson G. Anatomy of influence: Decision making in international organizations. URL: <http://www.internationalgramscisociety.org/> (In Russ.).
2. Sharp J. From dictatorship to democracy. URL: http://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/FDTD_Russian.pdf. (In Russ.).
3. Gaman-Golutvina O.V., Nikitin A.I., eds. Modern political science: Methodology: Scientific publication. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Aspect Press Publishing House; 2019. (In Russ.).
4. Karl W. Deutsch. The Development of Communication Theory in Political Science. *History of political economy*. 1975;7(4):482–498.
5. Castells M. The power of communication. Transl. from English. M: Publishing House of the Higher School of Economics; 2016. (In Russ.).
6. Sokolova R.I., ed. Power technology. Appendix 1. A man and power relationship in the political philosophy of Thomas Hobbes. Monograph. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; 1995. (In Russ.).
7. Filippov A. “Leviathan” by Thomas Hobbes. URL: <https://postnauka.ru/faq/40976> (In Russ.).
8. Shatilov A.B. Modern political leadership: Opportunities and limitations. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2020;26(2):144–155. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Александр Васильевич Брега — профессор департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, доктор политических наук, Финансовый университет, Москва, Россия
Alexander V. Brega — Dr. Sci. (Pol.), Professor of the Political Science Department, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1703-2741>
AVBrega@fa.ru

Дарья Дмитриевна Осинина — заместитель декана по международному сотрудничеству факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
Daria D. Osinina — Deputy Dean for International Cooperation, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-5565-2079>
DDOsinina@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 05.10.2022; принята к публикации 25.10.2022.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 05.10.2022; accepted for publication on 25.10.2022.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-97-104
УДК 339.727(045)

Перспективы создания международного рейтингового агентства с участием России*

А. В. Кузнецов, Е. В. Касаткина
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет. Кредитные рейтинговые агентства играют важную роль для участников финансовых рынков. Кредитные рейтинги представляют собой полезный инструмент оценки инвестиционных рисков, преодоления неопределенности и облегчения доступа компаний к кредитным рынкам. Между тем, национальные экспертизы все менее востребованы международной рейтинговой индустрией, в связи с чем возникает необходимость интеграции национальных рейтинговых агентств отдельных стран.

Цель. Рассмотрение перспектив участия России в создании международного рейтингового агентства на основе анализа современных тенденций присвоения кредитных рейтингов.

Методология. Использованы методы диалектики, системного и сравнительного анализа, а также историко-логический и метод систематизации.

Результаты. Проанализировано состояние мирового рынка рейтинговых услуг с точки зрения доминирования американской Большой тройки, в том числе в контексте функционирования альтернативной системы оценки эмитентов ценных бумаг в Европейском союзе. Обобщены особенности присвоения кредитных рейтингов в России в условиях современной геополитической ситуации.

Выводы и перспективы. Обоснована необходимость объединения российских рейтинговых агентств с агентствами других стран с целью повышения национального и зарубежного спроса на их услуги и увеличения доли России на международном кредитном рынке.

Ключевые слова: рейтинговые агентства; кредитные рейтинги; мировой финансовый рынок; Большая тройка; методология; США; Китай; Россия; БРИКС

Для цитирования: Кузнецов А.В., Касаткина Е.В. Перспективы создания международного рейтингового агентства с участием России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2022;12(5):97-104. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-97-104

ORIGINAL PAPER

Prospects for Creating an International Rating Agency with the Participation of Russia**

A.V. Kuznetsov, E.V. Kasatkina
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Subject. Credit rating agencies continue to play an important role for financial market participants. Credit ratings are a useful tool for assessing investment risks, overcoming uncertainty, and facilitating companies' access to credit markets. Meanwhile, national expertise is less and less in demand by the international rating industry, and therefore there is a need to integrate the national rating agencies of individual countries.

Purpose. Consideration of the prospects for Russia's participation in the creation of an international rating agency based on an analysis of current trends in the assignment of credit ratings.

Methodology. The methods of dialectics, systemic and comparative analysis, as well as the historical-logical method and the method of systematization were used.

Results. The state of the world market of rating services is analyzed from the point of view of the dominance of the American Big Three, including in the context of the functioning of an alternative system for evaluating securities issuers

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету на 2022 г. по прикладной научно-исследовательской теме: «Роль и место России в формирующейся новой мировой финансовой архитектуре».

** The article was written based on the results of the research carried out at the expense of budget funds, which were provided to the Financial University as part of the state contract in 2022 on the applied research topic: "The role and place of Russia in the emerging new global financial architecture".

in the European Union. The features of assigning credit ratings in Russia in the conditions of the current geopolitical situation are summarized.

Conclusions and prospects. The necessity of merging Russian rating agencies with agencies of other countries is substantiated in order to increase national and foreign demand for their services and increase Russia's share in the international credit market.

Keywords: rating agencies; credit ratings; global financial market; Big Three; methodology; USA; China; Russia; BRICS

For citation: Kuznetsov A.V., Kasatkina E.V. Prospects for creating an international rating agency with the participation of Russia. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(5):97-104. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-97-104

ВВЕДЕНИЕ

Рейтинговые агентства являются неотъемлемой частью современного мирового финансового рынка и оказывают огромное влияние на систему международного финансирования. Наличие стабильного кредитного рейтинга заемщика является обязательным для привлечения денежных средств в большом размере и на выгодных условиях.

Кредитный рейтинг определяет финансовую состоятельность эмитента долгового обязательства и уровень риска инвестиций [1]. Эмитентами, заинтересованными в присвоении кредитного рейтинга, выступают суверенные государства, региональные и местные органы власти, корпорации, финансовые институты.

Появление рейтинговых агентств было обусловлено развитием рыночной экономики, увеличением числа участников рынка и, как следствие, ростом транзакционных издержек проверки надежности партнеров. Благодаря появлению кредитных рейтинговых агентств (КРА) возникли унифицированные оценки, основанные на независимом анализе данных, что позволило снизить затраты на самостоятельную проверку участников сделок.

Вместе с тем глобальный финансовый кризис вызвал дискуссию о доверии к КРА, которые подвергались критике в основном за субъективный характер оценок [2–4], внезапное снижение рейтингов [5], завышение рейтингов из-за конкуренции за эмитентов [6] и конфликт интересов [7].

Уход западных КРА из России в очередной раз подтвердил предвзятость в их деятельности, что актуализировало необходимость создания независимой международной рейтинговой организации для осуществления объективной оценки экономики и компаний России и других стран¹.

¹ МИД РФ: Москва с партнерами работает над созданием независимой рейтинговой организации. 13.07.2022. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/07/13/18116678.shtml?updated>

ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ РЕЙТИНГОВОЙ ИНДУСТРИИ

Несмотря на то что в настоящее время в мире зарегистрировано более 120 рейтинговых агентств, наиболее востребованы из них только три — S&P Global Ratings, Moody's, Fitch Ratings (Большая тройка), все зарегистрированы в США. Доля оказываемых этими агентствами услуг превышает 95%². При этом все три агентства агрессивно расширяются, открывая дочерние компании и совместные предприятия за рубежом. S&P Global Ratings получает 40% выручки в основном на рынках Европы и Азии³. Moody's аналогично получает 45% выручки за пределами США⁴.

На сегодняшний день более 150 стран используют рейтинги Большой тройки. Привлечение средств, в особенности на международном рынке, невозможно, если ценным бумагам не присвоен рейтинг от хотя бы одного из КРА Большой тройки. Предпочтительным для международных инвесторов, как правило, являются рейтинги от двух агентств.

Сложившейся на рынке ситуации главным образом способствовали органы надзора США, которые обусловили регулирование финансовой деятельности наличием рейтингов. В 1975 г. Комиссия по ценным бумагам и биржам США (SEC) утвердила список «национально признанных статистических рейтинговых организаций» (NRSRO) с целью ограничения деятельности институциональных инвесторов рейтингами КРА. Агентства Большой тройки вошли в этот список первыми, создав олигополию на рынке рейтингов

² U.S. Securities and Exchange Commission. Staff Report on Nationally Recognized Statistical Rating Organizations, 2022. URL: <https://www.sec.gov/files/2022-ocr-staff-report.pdf>

³ S&P global reports 4th quarter and full-year 2021 results. URL: https://s29.q4cdn.com/690959130/files/doc_financials/2021/q4/S-P-Global-4Q-and-Full-Year-2021-Earnings-Release-and-Tables.pdf

⁴ Moody's 4Q and FY 2021 Investor Presentation. URL: https://s28.q4cdn.com/193705676/files/doc_presentation/2022/03/4Q-FY-2021-Investor-Presentation-vFINAL.pdf

[8]. На сегодняшний день из действующих в мире агентств только 9 входят в NRSRO, из них 6 зарегистрированы в США, 1 в Японии, 1 в Мексике.

До сих пор попытки создания альтернативы Большой тройке не имели особого успеха. Например, в Европейском союзе после глобального финансового кризиса было создано Европейское управление по ценным бумагам и рынкам (ESMA), призванное обеспечить стабильность финансовой системы и защиту прав инвесторов, усилить конкуренцию на рынке рейтинговых агентств, в том числе, путем надзора за КРА. Принятые для этого меры — в частности, требование к эмитентам, которые намереваются назначить два или более агентств для оценки или организации эмиссии, рассмотреть вопрос о назначении по крайней мере одного агентства с долей не более 10% от общей доли рынка в ЕС⁵ — должны были облегчить выход на рынок новых участников. Однако доля Большой тройки в странах ЕС до сих пор превышает 90%, при этом с 2013 по 2020 г. доля S&P Global Ratings увеличилась с 34,61 до 40,40%. В 2021 г. доли Moody's и Fitch Ratings на европейском рынке снизились до 30,12 и 10,30%, однако данное снижение не отразилось на существенном росте долей прочих агентств, зарегистрированных ESMA, а только привело к увеличению доли S&P Global Ratings до рекордных 51,77%⁶.

Таким образом, несмотря на достаточно большое количество агентств, зарегистрированных в качестве сертифицированных участников ESMA, а также предпринятые регуляторные меры по увеличению конкуренции, заданные цели не были достигнуты: 90% рейтинговых агентств ЕС делят между собой 10% рынка в то время, как основная часть рынка сконцентрирована во власти Большой тройки (см. таблицу).

Деятельность рейтинговых агентств определена собственной методологией расчета рейтингов и ведется на коммерческой основе в соответствии со следующими принципами [9]:

- независимость;
- публичность аналитических подходов;
- коллегиальность;

- использование рейтинговых шкал;
- постоянные исследования.

Для расчета кредитных рейтингов КРА присваивают каждому показателю определенный вес на основе анализа данных статистических источников США и международных финансовых институтов, используя количественные переменные, такие как ВВП на душу населения, внешний долг и историю дефолтов, а также качественные — прозрачность правительства или качество институтов.

Методология расчета присваиваемых Большой тройкой рейтингов раскрывается лишь в общих чертах и является, со слов самих агентств, субъективной оценкой эмитируемого инструмента. Стоит отметить, что она практически одинакова, за исключением некоторых различий в весе коэффициентов. Например, S&P Global Ratings оценивает пять ключевых факторов суверенного рейтинга по шестибальной шкале, в то время как первоначальный суверенный кредитный рейтинг Moody's основан на четырех ключевых факторах. Fitch, с другой стороны, использует свою модель суверенных рейтингов в качестве отправной точки для присвоения суверенных рейтингов. Это ранжирующая модель множественной регрессии, в которой используются исторические, текущие и прогнозные данные для 18 ключевых переменных [2].

В отношении КРА имеется ряд претензий, связанных с применением общих стандартов для разных стран. Эта проблема встала особенно остро во время глобального финансового кризиса. Так, всего за месяц до банкротства банка Lehman Brothers ему был присвоен рейтинг А от Standard & Poor's. Впоследствии повышенное внимание к работе рейтинговых агентств привело к выявлению множества недочетов и ошибок в методологии выставления рейтингов.

В соответствии с американским законодательством рейтинговые агентства освобождаются от юридической ответственности за некорректности в присвоении рейтингов. Сами КРА постоянно подчеркивают, что рейтинги — это всего лишь их частное мнение, которое не является рекомендацией инвесторам к покупке или продаже финансовых инструментов [10].

Также проблемой деятельности рейтинговых агентств является то, что их услуги осуществляются на коммерческой основе, причем плательщиками являются компании, нуждающиеся в присвоении рейтинга. Таким образом,

⁵ Regulation (EU) № 462/2013 of The European Parliament and of The Council of 21 May 2013. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2013/462/oj>

⁶ ESMA. Report on CRA Market Share Calculation, 22 December 2021 | ESMA80-416-197. URL: https://www.esma.europa.eu/sites/default/files/library/esma80-416-197_report_on_cra_market_share_calculation.pdf

Доли рейтинговых агентств, сертифицированных ЕС, 2013–2021 гг. / Shares of rating agencies certified by the EU, 2013–2021

Наименование	Доля рынка, %									
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Среднее значение
AM Best Europe-Rating Services Ltd.	0,72	0,72	0,79	0,93	0,9	0,77	0,82	0,95	0,41	0,78
ARC Ratings, S.A.	0,04	0,03	0,02	0,03	0,05	0,06	0,15	0,18	0,19	0,08
ASSEKURATA Assekuranz Rating-Agentur GmbH	0,3	0,26	0,21	0,21	0,23	0,19	0,2	0,2	0,27	0,23
Axesor S.A.	0,39	0,58	0,61	0,05	0,03	0,14	0,21	0,15	0,24	0,27
BCRA-Credit Rating Agency AD	0,02	0,03	0,02	0,02	0,02	0,01	0,02	0,02	0,03	0,02
Capital Intelligence (Cyprus) Ltd	0,16	0,13	0,12	0,14	0,13	0,11	0,12	0,1	0,18	0,13
CERVED Group S.p.A.	2,6	2,19	1,2	0,88	0,97	0,82	0,81	0,84	1,18	1,28
Creditreform Rating AG	0,49	0,53	0,5	0,5	0,53	0,51	0,55	0,53	0,84	0,55
CRIF S.p.A.	0,34	0,76	0,33	0,05	0,03	0,17	0,21	0,21	0,27	0,26
Dagong Europe Credit Rating Srl (Dagong Europe)	0,0005	0,003	0,02	0,04	0,07	0,03	0,02			0,03
DBRS Ratings Limited	0,97	1,27	1,47	1,89	1,87	1,88	2,46	2,99	1,11	1,77
Economist Intelligence Unit Ltd	4,65	0,83	0,87	0,8	0,68	0,86	0,87			1,37
Euler Hermes Rating GmbH	0,2	0,24	0,2	0,21	0,22	0,2	0,18			0,21
EuroRating Sp. Zo.o.		0,003	0	0,01	0,01	0,007	0,01	0,01	0,01	0,01
Fitch	17,66	16,22	16,79	16,56	15,65	15,1	16,62	17,55	10,3	15,83
GBB-Rating Gesellschaft für Bonitätsbeurteilung mbH	0,33	0,33	0,32	0,34	0,35	0,28	0,32	0,29	0,38	0,33
ICAP Group SA	0,77	0,75	0,55	0,12	0,12	0,12	0,19	0,18	0,41	0,36
Kroll Bond Rating Agency							0,03	0,34	0,45	0,27
ModeFinance S.A.			0	0,05	0,08	0,1	0,13	0,18	0,33	0,12
Moody's	34,75	34,53	34,67	31,29	31,27	32,04	33,39	33,12	30,12	32,8
Nordic Credit Rating AS							0,01	0,02	0,06	0,03
QIVALIO SAS							0,08	0,09	0,18	0,12
Rating-Agentur Expert RA GmbH			0	0	0,003	0,007	0,005	0,01	0,03	0,01
Scope Credit Rating GmbH	0,1	0,14	0,14	0,39	0,46	0,28	0,49	0,62	1	0,4
Standard & Poor's	34,61	39,69	40,42	45	46,26	46,26	42,09	40,4	51,77	42,94

Источник / Source: составлено авторами на основе данных: URL: <https://www.esma.europa.eu/>; compiled by the authors based on data: URL: <https://www.esma.europa.eu/>

эмитенты — это главный источник прибыли рейтинговых агентств. Поэтому рейтинговые агентства зачастую подвергаются критике со стороны участников рынка за причастность к коррупции. Однако ввиду того, что на данный момент альтернативной оценки риска нет, а стандарты принятия решений институциональными инвесторами при размещении капитала обозначены необходимостью исполь-

зования рейтинга, инвесторы вынуждены применять данный метод.

Дополнительно международные рейтинги выступают предметом критики из-за их политизированности и ангажированности в пользу стран, где располагаются штаб-квартиры глобальных корпораций, что дискриминирует других участников рынка [11]. Все это обуславливает крайнюю противоречивость рейтингов.

ОСОБЕННОСТИ РЕЙТИНГОВОГО РЫНКА РОССИИ

Проблема несправедливого присвоения рейтингов особенно остро стоит для России: фактор политического давления зачастую оказывает большее влияние на присвоение суверенного рейтинга, чем реальное экономическое положение страны. После 2014 г., когда из-за политических событий агентства S&P Global Ratings, Moody's и Fitch понизили рейтинги России до спекулятивного уровня, было решено снизить зависимость от агентств Большой тройки. С этой целью были созданы Экспертный совет по регулированию рейтинговой деятельности при Министерстве финансов РФ и Комитет по рейтингованию при ММВБ. Помимо этого, был введен Федеральный закон от 13.07.2015 № 222-ФЗ «О деятельности кредитных рейтинговых агентств в Российской Федерации», согласно которому рейтинговой деятельностью в РФ могут заниматься только организации, аккредитованные Банком России.

По состоянию на 22.07.2022 г. Банком России аккредитовано 4 агентства⁷:

- АО «Эксперт РА».
- АКРА (АО).
- ООО «НКР».
- ООО «НРА».

При этом наибольшую долю рынка занимают два из них: «Эксперт РА» (466 клиентов) и АКРА (308 клиентов). НКР и НРА являются новыми агентствами, имея только 37 уникальных рейтингов из 96, остальное — рейтинги клиентов АКРА или «Эксперт РА». Стоит отметить, что в половине случаев рейтинги НКР или НРА выше рейтингов АКРА или «Эксперт РА».

Введенные меры способствовали повышению роли национальных рейтинговых агентств на внутреннем рынке. Однако зарубежные инвесторы относятся скептически к рейтингам национальных агентств РФ, обвиняя их в политической подконтрольности. Как следствие, по состоянию на 2017 г. 57% участников рынка, использующих рейтинги, предпочитали получать рейтинги и по международной, и по национальной шкале,

36% — только международные рейтинги и только 7% — исключительно национальные⁸. Данный факт объясняется необходимостью наличия международных рейтингов при выходе эмитентов на международные рынки капитала. При этом после роста 2015–2018 гг. финансовые позиции национальных рейтинговых агентств стали ухудшаться. Если в 2018 г. выручка двух аккредитованных на тот момент агентств (АО «АКРА» и АО «Эксперт РА») и их финансовые результаты существенно выросли, то в 2019 г. началось снижение их прибыли. Спрос на рейтинги стал понижаться по нескольким причинам, наиболее существенными из которых являются отсутствие новых регулятивных требований, мотивирующих получение рейтингов, и уход с рынка наиболее активных заказчиков рейтингов — банков и страховщиков, — ввиду действий ЦБ РФ по отзыву лицензий.

Однако геополитическая напряженность в феврале 2022 г. способствовала существенной перестройке рейтингового рынка России. Неоднократное понижение, а затем и отзыв кредитных рейтингов страны и российских компаний агентствами Большой тройки с их последующим уходом весной 2022 г. наряду с прочими введенными ограничениями заблокировали российским эмитентам доступ к международным финансовым рынкам. Moody's, S&P Global Ratings и Fitch присваивали кредитные рейтинги по международной шкале и на начало года совокупно проводили оценку в отношении порядка 260 российских объектов рейтинга, из них менее 50 компаний не имели национальных рейтингов в дополнение к международным⁹.

При этом стоит отметить, что действия Большой тройки вызывают сомнения, поскольку не отражают реальное кредитное качество российских компаний, а являются следствием политических решений. До февраля 2022 г. S&P Global Ratings оценивало рейтинг России на уровне BBB — с прогнозом «стабильный», отмечая эффективность денежно-кредитной политики Банка России и рост золотовалютных резервов, а также хорошее состояние платежного баланса, позволяющие справиться с большинством потенциальных потрясений. Объем государственного долга России в феврале 2022 г. составлял 60 млрд

⁷ Банк России. Реестр кредитных рейтинговых агентств ЦБ РФ. URL: <http://www.cbr.ru/registries/?CF.Search=%D0%A0%D0%B5%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%80+%D0%BA%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%82%D0%BD%D1%8B%D1%85+%D1%80%D0%B5%D0%B9%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85+%D0%B0%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2&CF.TagId=&CF.Date.Time=Any&CF.Date.DateFrom=&CF.Date.DateTo>

⁸ АКРА. Участники финансового рынка хотят больше кредитных рейтингов. URL: <https://www.acra-ratings.ru/research/224/>

⁹ АКРА. Кредитные рейтинги в новых условиях. URL: <https://www.acra-ratings.ru/research/2687/>

долл. США, что соответствовало 10% золотовалютных резервов страны (600 млрд долл. США на тот же период). Учитывая при этом низкий уровень государственного долга, сильную позицию страны как внешнего нетто-кредитора и достаточно гибкую денежно-кредитную политику, абсурдным выглядит решение S&P Global Ratings поместить Россию в категорию выборочного дефолта в апреле 2022 г., поскольку дефолт подразумевает неспособность эмитента погашать свои обязательства, что в случае с Россией неприменимо, поскольку страна обладает необходимыми ресурсами по обслуживанию долга как в рублях, так и в валюте.

Уход международных агентств открывает новые возможности для работы национальных КРА, а также развития данной отрасли на международном уровне при участии России. В данной связи повышается значимость грамотного выстраивания отношений со странами группы БРИКС, поскольку привлечение инвестиций в страну со стороны азиатских партнеров требует от России альтернативных решений взамен ушедшим с рынка агентствам.

Данный факт в очередной раз подчеркнул особую важность создания независимого международного рейтингового агентства с участием РФ в максимально короткие сроки. Задача по созданию такого агентства была поставлена министром финансов РФ А. Силуановым весной 2022 г. во время заседания руководителей центробанков и министров финансов группы стран БРИКС, проходившего под председательством КНР. По словам министра, «нынешний кризис рукотворный», что подталкивает Россию к необходимости создания независимого рейтингового агентства БРИКС¹⁰.

Объединение с агентствами других стран с целью ведения совместной деятельности, а также развитие индустрии суверенных рейтингов необходимо для улучшения условий международного финансирования, увеличения доли России на международном рынке и повышения спроса на услуги российских рейтинговых агентств. Конкуренция на рынке рейтинговых услуг является перспективной альтернативой существующей системе и может стать «невидимой рукой», обес-

печивающей объективность и непредвзятость оценок рейтинговых агентств.

Следует отметить, что Россия развивает деятельность в этом направлении уже достаточно давно. Одним из наиболее ярких примеров интеграции является создание в 2013 г. в Гонконге российской рейтинговой компанией «Рус-Рейтинг» совместно с китайским Dagong и американской рейтинговой компанией Egan Jones группы Universal Credit Rating Group. Цель создаваемого агентства заключалась в содействии реформам существующей международной рейтинговой системы и создании ее нового аналога, который может взять на себя мировые рейтинговые обязанности, предоставить миру достоверную рейтинговую информацию и обеспечить безопасное развитие человеческого общества.

Ввиду возникновения проблем у российского и китайского агентств с регуляторами проект был приостановлен. Тем не менее рынок кредитных рейтингов китайских фирм велик и продолжает расти. После реорганизации в 2019 г. Dagong возобновило сотрудничество с Россией. Китайское агентство подтвердило присвоенный ранее рейтинг Газпрому на уровне AAA (максимальный уровень кредитоспособности) и суверенный рейтинг России на уровне А (высокая кредитоспособность), что позитивно с точки зрения расширения базы инвесторов Азиатско-Тихоокеанского региона. Характерно, что рейтинговые агентства Китая в среднем дают оценку своим национальным компаниям на 6–7 уровней выше, чем Большая тройка [12]. В условиях текущей геополитической напряженности рейтинговый рынок КНР рассматривается Российской Федерацией как альтернатива рынкам стран Запада, которые отказались сотрудничать и отозвали присвоенные ранее рейтинги России. Учитывая усиливающееся влияние Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, рейтинги Dagong могут стать альтернативой ушедшим S&P Global Ratings, Moody's и Fitch.

Вторым важным и перспективным направлением после стран БРИКС для России на данный момент является выход на рынки наиболее активных и экономически развивающихся дружественных стран ЕАЭС и СНГ, таких как, например, Казахстан и Беларусь. Интерес со стороны этих стран был отмечен главой одного из ведущих российских агентств «АКРА» М. Суховым¹¹. При

¹⁰ ТАСС. Силуанов: санкции подталкивают БРИКС к созданию системы обмена финансовыми сообщениями. URL: https://tass.ru/ekonomika/14333095?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com

¹¹ Сейчас не время для информационной прозрачности. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5396071>

этом также отмечается, что спрос на услуги российских рейтинговых агентств есть не только в Казахстане и в Белоруссии, но и Узбекистане, Киргизии, Армении. Учитывая динамичное развитие вышеупомянутых стран за последние годы, а также высокую долю взаимного сотрудничества с Россией, данное направление является потенциально выгодным не только для нашей страны, но и для ее партнеров.

Говоря о выходе России на международный рынок Азиатско-Тихоокеанского региона, стоит отметить, что перспективы страны в данном направлении довольно высоки, поскольку Россия лидирует по количеству национальных кредитно-рейтинговых агентств, а также обладает опытом создания и контроля данной отрасли практически с нуля. Преимуществом России в развитии рейтингового направления является также то, что национальная рейтинговая отрасль существует не во всех странах, сфера ее применения весьма ограничена. Во многих странах, в том числе в некоторых странах группы БРИКС, вообще нет национальных рейтинговых агентств, а те, которые есть, являются дочерними компаниями Большой тройки.

Однако следует отметить, что в международной рейтинговой индустрии в настоящее время национальные экспертизы все менее востребованы как со стороны иностранных инвесторов, так

и международных организаций. Следовательно, выстраивать отношения на международном рынке необходимо путем интеграции национальных агентств отдельных стран.

ВЫВОДЫ

На национальном уровне России удалось добиться значительных результатов в отношении развития рейтинговой отрасли: 1) утверждены и введены регуляторные ограничения деятельности; 2) принято специализированное законодательство; 3) аккредитованы четыре рейтинговых агентства; 4) систематизированы требования к расчету и применению рейтингов.

Дальнейшим этапом является выход на международный рынок и создание альтернативной системы международных кредитных рейтингов. Учитывая доказанную политическую предвзятость агентств к стране, в которой они зарегистрированы, наиболее интересным направлением выглядят международные объединения агентств из разных стран. В условиях текущей политической ситуации перспективными направлениями являются укрепление отношений с азиатскими партнерами в рамках Инициативы пояса и пути, а также в странах ЕАЭС и СНГ. Развитие экономик этих стран требует привлечения международного капитала и, как следствие, справедливой оценки платежеспособности заемщиков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Driss H., Massoud N., Roberts G.S. Are Credit Rating Agencies Still Relevant? Evidence on Certification from Moody's Credit Watches. *Journal of Corporate Finance*. 2019;59(12):119–141. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2016.08.003>
2. Yalta A. T., Yalta A. Y. Are Credit Rating Agencies Regionally Biased? *Economic Systems*. 2018;42:(4):682–694. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ecosys.2018.08.001>
3. Marandola G. InkLocal Credit Rating Agencies: A New Dataset. *Research in International Business and Finance*. 2016;38(9):83–103. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2016.03.006>
4. Tennanta D.F., Traceyb M.R., Kinga D.W. Sovereign Credit Rating: Evidence of Bias Against Poor Countries. *North American Journal of Economics and Finance*. 2020;51(1):1–13. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.najef.2018.11.006>
5. Haspolat F.B. Analysis of Moody's Sovereign Credit Ratings: Criticisms Towards Rating Agencies are Still Valid? *Procedia Economics and Finance*. 2015;(30):283–293. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)01296-4](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)01296-4)
6. Ioannou S., Wójcik D., Pazítka V. Financial Centre Bias in Sub-Sovereign Credit Ratings. *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*. 2021;70(1):1–19. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.intfin.2020.101261>
7. Toscano F. Does the Dodd-Frank Act Reduce the Conflict of Interests of Credit Rating Agencies? *Journal of Corporate Finance*. 2020;(62):1–20. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2020.101595>
8. Карминский А.М., Полозов А.А., Ермаков С.П. Энциклопедия рейтингов: экономика, общество, спорт. М.: Экономическая газета; 2011.
Karminskii A.M., Polozov A.A., Ermakov S.P. Encyclopedia of Ratings: Economy, Society, Sports. Moscow: Economic newspaper Publ.; 2011. (In Russ.).

9. Карминский А. М., Пересецкий А. А., Петров А. Е. Рейтинги в экономике: методология и практика. М.: Финансы и статистика; 2005.
Karminskii A. M., Peresetskii A. A., Petrov A. E. Ratings in Economics: Methodology and Practice. Karminskii A. M., ed. Moscow: Finance and Statistics Publ.; 2005. (In Russ.).
10. Карминский А. М. Кредитные рейтинги и их моделирование. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2015.
Karminskii A. M. Credit Ratings and Their Modeling. Moscow: Higher School of Economics Publ., 2015. (In Russ.).
11. Тихонова К. А., Монин И. Г., Данилов С. С. Рейтинг как один из методов оценки инвестиционной привлекательности России. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2019;(4–3):52–54. DOI: <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2019-10798>
Tikhonova K. A., Monin I. G., Danilov S. S. Rating As a One of Ways of Evaluating Investment Attractiveness of Russia. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of the Humanities and Natural Sciences*. 2019;(4–3):52–54. DOI: <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2019-10798>
12. Xianfeng J., Packer F. Credit Ratings of Chinese Firms by Domestic and Global Agencies: Assessing the Determinants and Impact. *Journal of Banking and Finance*. 2019;105(8):178–173. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2019.05.011>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексей Владимирович Кузнецов — доктор экономических наук, старший научный сотрудник, профессор департамента мировых финансов, Финансовый университет, Москва, Россия

Aleksei V. Kuznetsov — Dr. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Prof., Department of World Finance, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-3669-0667>

kuznetsov0572@mail.ru

Екатерина Валерьевна Касаткина — стажер-исследователь департамента мировых финансов, магистрант 2 года обучения факультета международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия

Ekaterina V. Kasatkina — trainee researcher, Department of World Finance, master's student, Faculty of International Economic Relations, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8191-6229>

eefimova95@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 24.07.2022; принята к публикации 20.08.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 24.07.2022; accepted for publication on 20.08.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-105-113
УДК 323.3(045)

Профилизация пользователей цифровых сетей социального недовольства в субъектах Российской Федерации*

А.А. Азаров^а, В.А. Лукушин^б, М.А. Давыдова^с

^а РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия;

^{а, б, с} Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты прикладного исследования цифровой аудитории, составляющей ядро генерирования и распространения общественного недовольства в российском сегменте социальных медиа. Для профилизации интернет-пользователей авторами реализована кластеризация субъектов Российской Федерации по типу социального недовольства. Посредством когнитивного картирования цифрового контента проанализированы содержание и структура информационного потока социального недовольства в каждом выделенном кластере, а также отобраны региональные маркеры, отражающие специфические темы и контексты недовольства. Благодаря автоматизированному социально-медийному анализу получены данные о половозрастной структуре сетей социального недовольства в России. Результаты прикладного исследования отражают значительные различия в структуре сетей социального недовольства, обуславливающие важность применения современных цифровых методик для их идентификации и оценки.

Ключевые слова: социальное недовольство; сети социального недовольства; социальные медиа; цифровая инфраструктура; цифровая среда; цифровые коммуникации; когнитивное картирование; социально-медийная аналитика

Для цитирования: Азаров А.А., Лукушин В.А., Давыдова М.А. Профилизация пользователей цифровых сетей социального недовольства в субъектах Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(5):105-113. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-105-113

ORIGINAL PAPER

Profiling of Digital Network Users of Social Discontent in the Russian Federation Regions**

A.A. Azarov^a, V.A. Lukushin^b, M.A. Davydova^c

^a RANEPa, St. Petersburg, Russia;

^{a, b, c} Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper presents the results of an applied study of the digital audience, which forms the basis for the generation and distribution of social discontent in the Russian segment of social media. For profiling Internet users, the authors implemented clustering of subjects of the Russian Federation according to the type of social discontent. Through a cognitive mapping of digital content, authors analyzed the substance and structure of the information flow of social discontent in each selected cluster. The research selected regional markers that reflect specific topics and contexts of discontent. Owing to automated socio-media analysis, the authors got data on the gender and age structure of social discontent networks in Russia. The study results reflect significant differences in the structure of networks of social discontent, which determine the importance of using modern digital technics for their identification and assessment.

Keywords: social discontent; social discontent networks; social media; digital infrastructure; digital environment; digital communications; cognitive mapping; social media analytics

For citation: Azarov A.A., Lukushin V.A., Davydova M.A. Profiling of digital network users of social discontent in the Russian Federation regions. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(5):105-113. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-105-113

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of the research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment to the Financial University.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Увеличение динамики социально-политических процессов в современном мире, сопряженное с разрастанием глобальных кризисов и конфликтов, предъявляет новые требования к выявлению и изучению феномена социального недовольства как важного фактора устойчивости политической системы и общественного развития.

Современные подходы к изучению социального недовольства преимущественно связаны с применением актуальных методик, работающих с цифровой средой, которая постепенно превращается в пространство циркуляции массового общественного недовольства, имеющего различную природу и особенности [1, 2]. Социальные медиа и иные цифровые площадки изменяют устоявшиеся модели выражения и конвертации социального недовольства, требуют использования специализированных инструментов, открывающих доступ к мгновенному обнаружению его первопричин. Одним из важных критериев оценки социального недовольства в онлайн-пространстве является характеристика пользователей, вовлеченных в соответствующие цифровые сети с учетом обозначения их различий. В настоящей статье представлены результаты профилизации аудитории информационного потока социального недовольства в российском сегменте социальных медиа.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическая основа исследования социальной базы сетей социального недовольства в субъектах РФ представлена различными теориями и концепциями: — концепцией коллективного поведения, которая характеризует поведение, присущее большим массам людей как примитивное, иррациональное и агрессивное, что способствует стихийному насилию, сопровождающему подобные массовые форматы [3];

- концепцией социальных движений (которая является продолжением концепции коллективного поведения), чьи представители утверждают, что изменения, сопровождающие общественные движения в обществе, могут инициировать рост напряженности, недовольства и конфликты [4].

Для изучения динамики общественных действий также использовалась теория коллективных действий. При этом выделяются несколько

традиций коллективного действия: депривация, ресурсы, культурные рамки, политическая борьба. Необходимо уточнить, что концепция относительной депривации построена на соотношении существующего и желаемого положения. Депривация возникает, когда люди испытывают лишения, ощущают неравенство по отношению к другим или не оправдываются их ожидания [5, 6].

Ряд исследователей отмечают наличие взаимосвязи между депривацией и политическим насилием. Чем дольше субъекты подвержены относительной депривации, тем больше вероятность, что их состояние приведет к формированию гнева и насилия. Обратной стороной относительной депривации является абсолютная депривация, которая объясняет ситуацию, характеризующуюся падением дохода домохозяйства, сказывающегося на возможности поддержания базовых потребностей [7].

При изучении социального недовольства и протестной активности в современной реальности особое внимание уделяется цифровым аспектам. Мобилизация акций происходит за счет публикации цифровых сообщений в социально-медийном пространстве. Для некоторых групп пользователей, таких как активисты и наблюдатели, подобный формат активности становится единственным легитимным [8].

Актуальные исследования показывают, что причиной существующего в России социального недовольства являются экономические и поколенческие разрывы, а также миграционная политика [9]. Говоря о типологии причин социального недовольства, некоторые исследователи исходят из подразделения их на материалистические и постматериалистические. В настоящее время именно постматериалистические ценности все чаще становятся причиной запуска социального недовольства [10]. Трансформация социальных систем, развитие новых движений и взглядов определяют понимание радикальных событий, роста национализма, поляризации лидеров [11].

Отдельно необходимо отметить специфику изучения социального недовольства. Исключительно рациональный подход не позволяет в полной мере определить его уровень. При этом эффективно использовать вопросы, которые отражают субъективную оценку респондентом собственного благосостояния — насколько хорошо или плохо его материальное положение [12]. Ряд качественных исследований, кон-

центрировавшихся на изучении недовольства в контексте избирательного процесса, показали концентрацию латентного недовольства, отсюда выделяются несколько сценариев его выражения — лояльность оппозиционным партиям, протестное голосование и вовлечение в разнообразные протестные форматы активности [13].

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическую основу исследования составляет комбинация следующих научных подходов:

- структурно-функционального, обеспечивающего изучение социальных сетей, где выражается недовольство, как дисфункцию цифровой среды [14, 15];
- сетевого, позволяющего исследовать структуру распространения установок социального недовольства в онлайн-сетевом пространстве [16];
- методологии интеллектуального поиска цифровых маркеров социальных и политических процессов (Predictor Mining). Это междисциплинарная область исследований, включающая, в том числе, изучение социального поведения и социального контекста средствами вычислительных систем, а также разработку и использование информационных технологий, которые имеют важный социальный или политический контекст. Predictor Mining позволяет осуществить автоматическую выгрузку информационных потоков, отражающих риторику сетей социального недовольства, а аккумулярованный датасет обеспечивает построение моделей поведения пользователей новых медиа в сфере проявления социального недовольства [17].

Для характеристики социальной базы сетей социального недовольства в субъектах РФ были проведены когнитивное картирование цифровых профилей интернет-пользователей, вовлеченных в информационные потоки социального недовольства в российских регионах, а также автоматизированный социально-медийный анализ информационных потоков, репрезентирующих социальное недовольство. Реализация указанных процедур подчинена результатам кластерного анализа, основанного на комплексе показателей, отражающих различные предпосылки возникновения социального напряжения граждан. Инструменты реализации разработанной методики — язык программирования R

и метод complete. Кластерный анализ с применением метода complete состоит в расчете кластеров, где их дифференциация осуществляется на основе расстояния между самыми дальними наблюдениями.

Когнитивное картирование цифровых профилей пользователей было реализовано на основании рейтингования регионов по уровню социального недовольства. По каждому кластеру были отобраны сообщества, генерирующие информационный поток социального недовольства на основании технологии парсинга посредством доступа к инструментам API социальной сети «ВКонтакте». Критерии автоматизированной выгрузки персональных страниц пользователей включают: открытость, наличие регулярной активности, региональную принадлежность. Выборка составила 600 страниц, инструмент обработки — пакет SPSS Statistics V25. Автоматизированный социально-медийный анализ реализован на основании межрегионального банка маркеров — цифровых следов пользователей, собранных на этапе когнитивного картирования. Инструмент анализа сервис-мониторинга социальных медиа — «IQBuzz». Выборка составила 200 тыс. сообщений, опубликованных более чем на 30 наиболее популярных среди россиян цифровых площадках в течение 8 месяцев (01.01.2022–01.09.2022).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для формирования групп различных регионов РФ, объединенных схожим уровнем социальной напряженности, был проведен кластерный анализ. Для кластеризации были рассмотрены следующие значимые статистические региональные показатели: соотношение среднедушевого долга и зарплаты, объем задолженности перед банками на одного человека, отношения медианных доходов к стоимости фиксированного набора товаров и услуг, доля людей за чертой бедности и крайней бедности, социально-экономическое положение региона, финансовое благополучие жителей региона, уровень безработицы, количество расследованных преступлений в сфере коррупции, влияние глав субъектов, социальные расходы консолидированного бюджета, результаты последней избирательной кампании на федеральных и региональных выборах, численность пользователей интернета, доступ к широкополосному интернету, качество оказания электронных услуг населению. В общем случае

Рис. 1 / Fig. 1. Кластеризация субъектов РФ по типу социального недовольства, % / Clustering of the Russian Federation regions by type of social discontent, %

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

каждый из этих элементов имеет незначительное влияние на настроения населения, но совокупное действие двух и более элементов в случае их значительного ухудшения, как правило, вызывает существенный общественный резонанс и негативные настроения у населения (рис. 1).

Регионы, вошедшие по итогам кластеризации в *первый кластер*, характеризуется высокой степенью закредитованности населения (при этом объем кредитных средств средний), а также средним уровнем финансового благополучия, фактически совпадающим с медианным значением по стране, и достаточно низким уровнем безработицы.

В регионах, входящих во *второй кластер*, наблюдается самый высокий уровень закредитованности населения, однако объем задолженности перед банками ниже медианного значения по стране. Также данный кластер отличается одним из самых низких показателей отношения медианных доходов к стоимости фиксированного набора товаров и услуг. Вместе с тем уровень поддержки власти и рейтинг влияния глав субъектов РФ в данных регионах самые низкие, а также плохие показатели явки на выборы в Государственную Думу.

В *третьем кластере* — самый низкий по стране показатель отношения медианных доходов

к стоимости фиксированного набора товаров и, как следствие, — самая большая доля людей, находящихся за чертой бедности и крайней бедности, и самый низкий интегральный балл по социально-экономическому положению. Очевидно, что данные регионы демонстрируют худшую динамику вкладов населения. Ответные меры Правительства РФ на указанные выше показатели привели к тому, что в рассматриваемом кластере наблюдается самая большая по стране доля социальных расходов в суммарных расходах консолидированного бюджета, поэтому здесь самый высокий процент поддержки «Единой России» и хорошие показатели явки на выборы.

В регионах, входящих в *четвертый кластер*, самый большой объем задолженности перед банками на одного человека, при этом — высокое значение показателя отношения медианных доходов к стоимости фиксированного набора товаров и услуг. В целом, все финансовые показатели регионов, входящих в этот кластер, находятся в верхнем квартиле аналогичных показателей по стране.

В представленном фактически одной Москвой *пятом кластере* — самые высокие финансовые показатели по стране: наименьшая закредитованность при наибольших «запасах» населения на вкладах, меньше всего безработных и находя-

щихся за чертой бедности и крайней бедности. Однако показатель явки на выборы — один из самых низких среди выделенных кластеров.

Последний, *шестой кластер*, отличается средними значениями абсолютно по всем рассмотренным как экономическим, так и социальным показателям.

Когнитивное картирование продемонстрировало существенное преобладание во всех кластерах субъектов РФ личных профилей пользователей, вовлеченных в информационные потоки недовольства. При этом доля локальных или контекстно обусловленных лидеров мнений — достаточно низкая или они полностью отсутствуют, что характерно для первого, второго и четвертого кластеров. Полученные результаты позволяют говорить о том, что преимущественно распространение контента из информационных потоков сетей социального недовольства производится рядовыми пользователями, а не локальными или контекстными лидерами, которые выполняют задачу по генерации подобного контента самостоятельно или через специализированные региональные (городские) цифровые сообщества и страницы в социальных сетях.

С точки зрения персональных ориентаций пользователей все кластеры демонстрируют тенденцию к универсализации причин социального недовольства и ориентации на одну-две доминирующие сферы, в частности недовольство системой государственного управления, сферой ЖКХ и состоянием межнациональных/межэтнических отношений (третий и шестой кластеры), системой здравоохранения (пятый кластер), социальной и правовой защитой граждан и экологической тематики (второй и четвертый кластеры). У пользователей, проживающих в регионах первого кластера, наблюдается наибольшее рассеивание или отсутствие явно выраженных причин недовольства.

Рассматривая генерируемый пользователями цифровой контент с точки зрения вовлеченности, можно говорить о том, что на личных страницах представителей аудитории в различной степени реализуются первые три этапа классической цифровой «воронки»: информирование, вовлечение и активизация. Дальнейшее удержание в основном берут на себя отдельные сообщества, которые занимаются генерацией подобного контента.

Так, в первом, втором, пятом и шестом кластерах пользователи берут на себя функцию

по информированию и вовлечению. Этап информирования необходим для сообщения о существующей проблеме, этап вовлечения во многом связан со включением друзей и знакомых в обсуждение сложившейся ситуации и генерацией конкретного отношения к ней. Все это позволяет масштабировать аудиторию дискурсов социального недовольства, вовлекать большее количество жителей через сильные межличностные связи.

В третьем кластере пользователи берут на себя функцию вовлечения. Информирование в данных регионах производится через региональные СМИ и сообщества недовольства. Кроме того, в данном кластере осуществляется и активизация сформированного недовольства, что во многом связано с составом пользователей. Для большинства кластеров характерно доминирование личных профилей, и только в третьем и шестом выделяются локально/контекстно обусловленные лидеры мнений, которые во многом и выполняют функцию по активизации недовольства, трансформации его онлайн-форматов в разнообразные оффлайн-модели.

Несмотря на доминирование в четвертом кластере этапа информирования, там также представлены в равных долях процессы вовлечения и активизации, которые реализуются во многом за счет единоличных пользователей — гражданских активистов.

Необходимо отметить особенность пятого кластера, в котором доминирует этап информирования. Подобная ситуация во многом объясняется специфической генерацией контента, который оперативно производится различными социальными группами и также оперативно распространяется. Особая роль в данном процессе принадлежит крупным федеральным лидерам общественного мнения, которые и формируют потоки социального недовольства в столичном регионе.

Благодаря использованию социально-медийного анализа информационных потоков, формируемых аудиторией сетей социального недовольства, получены ее половозрастные характеристики. По результатам обработки не обнаружено значимых различий в региональном разрезе. В большинстве регионов гендерный баланс тяготеет к нормальному распределению, характерному для общественно-политического сегмента социальных сетей в России (рис. 2). Тем не менее доминирование женской аудитории во

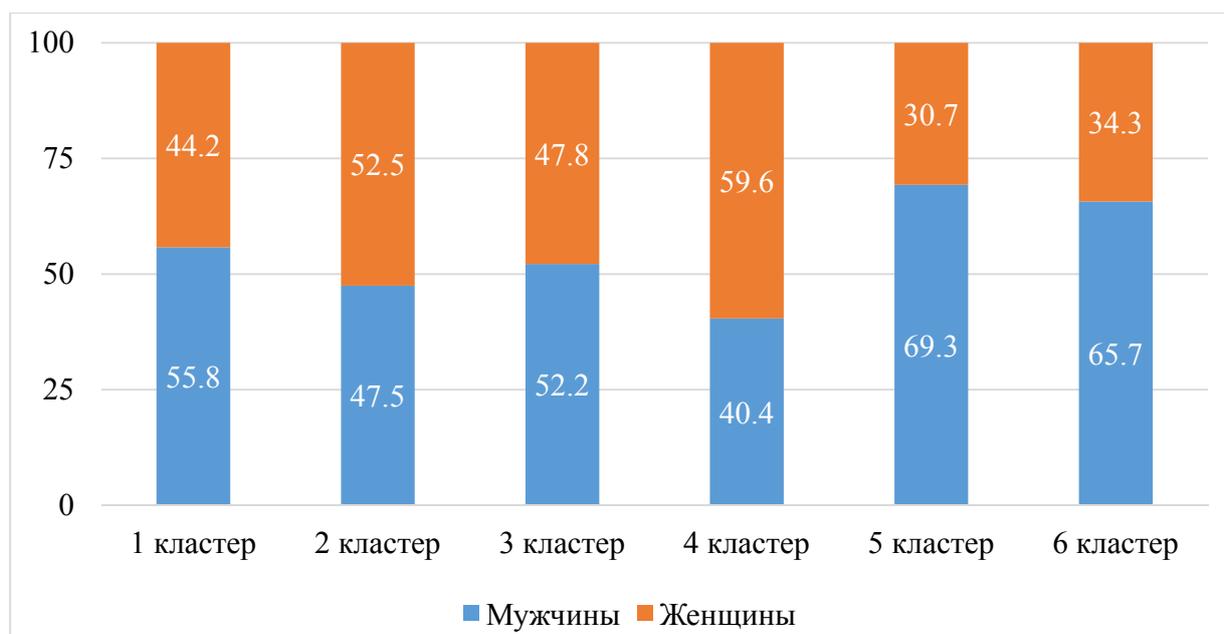

Рис. 2 / Fig. 2. Гендерная структура информационного потока социального недовольства по кластерам регионов, % / Gender structure of the information flow of social discontent by clusters of regions, %

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

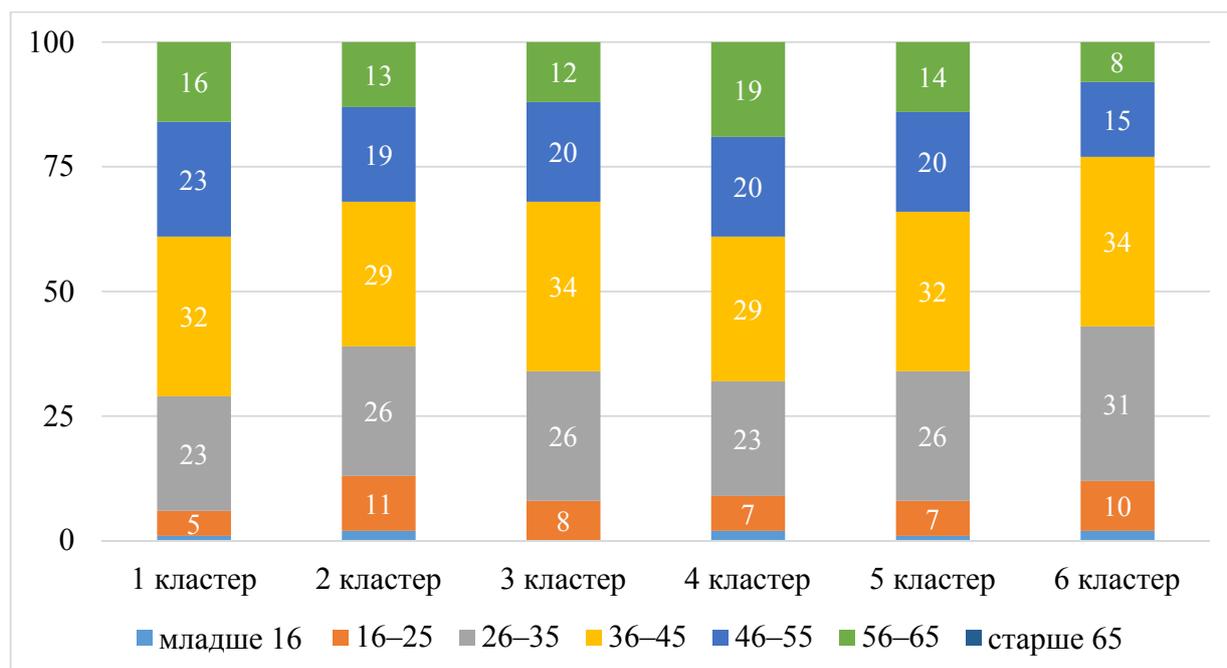

Рис. 3 / Fig. 3. Возрастная структура информационного потока социального недовольства по кластерам регионов, % / Age structure of the information flow of social discontent by clusters of regions, %

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

втором и четвертом кластерах можно объяснить не только особенностями в стратегиях использования интернета, но и выявленными ранее проблемными характеристиками. Наличие в регионах экологических проблем, систематическое возникновение кризисных ситуаций в сфере загрязнения воздуха и водоемов, лесные пожары,

исчезновение природных ресурсов, «мусорный кризис» и др. привлекают внимание и приводят к активности женской аудитории, которая склонна заботиться о собственном здоровье, безопасности детей и близких. Аналогичным образом резкое увеличение мужской аудитории в пятом и шестом кластерах объясняется типом

поднимаемых проблем в региональных сетях социального недовольства.

Еще более равномерное распределение характерно для возрастной структуры информационных потоков, репрезентирующих социальное недовольство населения (рис. 3). Доминирующие возрастные группы 26–35 и 36–45 лет формируют более половины аудитории в каждом из выделенных региональных кластеров. Данные группы наиболее часто сталкиваются с различными социальными трудностями и барьерами, подвержены кризисным ситуациям и влиянию наибольшего числа внешних факторов. Наименее выраженными остаются группы «младшей молодежи» (школьники и студенты), а также граждане пенсионного возраста.

ВЫВОДЫ

По результатам проведенного прикладного исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, феномен общественного недовольства является более сложным с точки зрения измерения и оценки, требуя межрегиональной дифференциации на основании широкого перечня показателей, характеризующих как социально-экономическое положение населения, так и особенности его электоральной активности, гражданского активизма, протекания процессов цифровизации. Во-вторых, современные цифровые методики являются крайне функциональными для обнаружения граждан, репрезентирующих социальное недовольство. Социальные сети становятся про-

странством постоянной циркуляции общественного недовольства, что идентифицируется посредством использования инструментов онлайн-мониторинга. Наиболее перспективным направлением подобных исследований является переход к детальному сегментированию и микро-сегментированию аудитории с учетом конкретных событий, вызывающих общественное напряжение. Внедрение подобных механизмов позволит повысить оперативность обнаружения кризисных ситуаций для более эффективного купирования и противодействия их негативным эффектам. В-третьих, сети социального недовольства в России характеризуются диффузным характером, а набор проблем, провоцирующих недовольство является преимущественно локальным. Таким образом, пользователи не склонны использовать цифровые аккаунты, персональные страницы для распространения через них недовольства или несогласия с конкретными ситуациями. В-четвертых, пользователи данных сетей могут быть охарактеризованы как зрители и вовлеченные, т.е. информированные о разнообразных проблемах и осознающие их, но не включающиеся в них как самостоятельные акторы. В-пятых, наиболее вовлеченными являются взрослые работоспособные граждане — 26–35 и 36–45 лет. В то же время в цифровых сетях недовольства соблюдается гендерный баланс, который может быть нарушен доминированием отдельных контекстов (например, экологических или протестных).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Домбровская А. Ю., Огнев А. С., Давыдова М. А., Кащенко Т. Л. Технологии и приемы ценностного воздействия на российских пользователей в региональных сетях социального недовольства. *Власть*. 2022;30(4):37–42.
2. Парма Р. В. Социологическое измерение недовольства в современном российском обществе. *Власть*. 2022;30(4):129–136.
3. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Академический проект; 2011. 238 с.
4. Smelser N. *Theory of Collective Behavior*. N.Y.: Free Press; 1965. 456 p.
5. Tarrow S. *Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics*. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press; 1998. 271 p.
6. Tarrow S. *Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics*. 3rd edition. Cambridge: Cambridge University Press; 2011. 328 p.
7. Gurr T. R. *Why Men Rebel*. N.J.: Princeton University Press; 1970. 448 p.
8. Архипова А. С., Радченко Д. А., Титков А. С., Козлова И. В., Югай Е. Ф., Белянин С. В., Гаврилова М. В. «Пересборка митинга»: Интернет в протесте и протест в интернете. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2018;(1):12–35.
9. Плюшкевич О. А. Общественное недовольство в социальных и естественных рамках. *Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке*. 2018;(9):182–187.

10. Белоусов А. Б., Давыдов Д. А., Кочухова Е. С. В постматериалистическом тренде: мотивация участников протеста в сквере у театра драмы в Екатеринбурге. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;(6):53–72.
11. Carpenter S. R., Folke C., Scheffer M., Westley F. Dancing on the volcano: social exploration in times of discontent. *Ecology and Society*. 2019;24(1):1–7.
12. Баскакова Ю. М. Недовольные и несогласные: социальное недовольство и его масштабы (Часть I). *Мониторинг общественного мнения экономические и социальные перемены*. 2013;(2):24–32.
13. Баскакова Ю. М. Недовольные и несогласные: социальное недовольство и его масштабы (часть II). *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2013;(3):61–70.
14. Parsons T. *Sociological theory and modern society*. N.Y.: Free Press; 1967. 564 p.
15. Thompson J. *Ideology and Modern Culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication*. Oxford: Polity Press; 1990. 372 p.
16. Emirbayer M., Goodwin J. Network analysis, culture, and the problem of agency. *American journal of sociology*. 1994;(6):1411–1454.
17. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Карзубов Д. Н., Синяков А. В. Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2017;5(141):79–104.

REFERENCES

1. Dombrovskaya A. Yu., Ognev A. S., Davydova M. A., Kashchenko T. L. Technologies and methods of value impact on Russian users in regional networks of social discontent. *Power*. 2022;30(4):37–42. (In Russ.).
2. Parma R. V. Sociological dimension of discontent in contemporary Russian society. *Power*. 2022;30(4):129–136. (In Russ.).
3. Lebon G. *Psychology of peoples and masses*. Moscow: Academic project; 2011. 238 p. (In Russ.).
4. Smelser N. *Theory of Collective Behavior*. N.Y.: Free Press; 1965. 456 p.
5. Tarrow S. *Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics*. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press; 1998. 271 p.
6. Tarrow S. *Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics*. 3rd edition. Cambridge: Cambridge University Press; 2011. 328 p.
7. Gurr T. R. *Why Men Rebel*. N.J.: Princeton University Press; 1970. 448 p.
8. Arkhipova A. S., Radchenko D. A., Titkov A. S., Kozlova I. V., Yugay E. F., Belyanin S. V., Gavrilova M. V. “Reassembly of the rally”: Internet in protest and protest on the Internet. *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2018;(1):12–35. (In Russ.).
9. Plyushkevich O. A. Public discontent in social and natural frameworks. *The problem of the correlation between the natural and the social in society and man*. 2018;(9):182–187. (In Russ.).
10. Belousov A. B., Davydov D. A., Kochukhova E. S. In the post-materialist trend: Protesters motivation in the square near the Drama Theater in Yekaterinburg. *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2020;(6):53–72. (In Russ.).
11. Carpenter S. R., Folke C., Scheffer M., Westley F. Dancing on the volcano: Social exploration in times of discontent. *Ecology and Society*. 2019;24(1):1–7.
12. Baskakova Yu. M. Dissatisfied and Dissenting: Social Discontent and Its Scales (Part I). *Monitoring public opinion economic and social changes*. 2013;(2):24–32. (In Russ.).
13. Baskakova Yu. M. Dissatisfied and Dissatisfied: Social Discontent and Its Scales (Part II). *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2013;(3):61–70. (In Russ.).
14. Parsons T. *Sociological theory and modern society*. N.Y.: Free Press; 1967. 564 p.
15. Thompson J. *Ideology and Modern Culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication*. Oxford: Polity Press; 1990. 372 p.
16. Emirbayer M., Goodwin J. Network analysis, culture, and the problem of agency. *American journal of sociology*. 1994;(6):1411–1454.
17. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Karzubov D. N., Sinyakov A. V. Development of methodology and methods of intellectual search for digital markers of political processes in social media. *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2017;5(141):79–104. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Артур Александрович Азаров — кандидат технических наук, главный научный сотрудник Центра политических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия; заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

Artur A. Azarov — Cand. Sci. (Tech.), Chief Researcher, Center for Political Studies, Financial University, Moscow, Russia; Deputy Director, North-Western Institute of Management, RANEPА, St. Petersburg, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3240-597X>
artur-azarov@yandex.ru

Владимир Андреевич Лукушин — лаборант-исследователь Центра политических исследований, магистрант 1-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Vladimir A. Lukushin — Research Assistant, Center for Political Studies, 1st year master's student at the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6185-303X>
lukushin@aol.com

Мария Александровна Давыдова — лаборант-исследователь Центра политических исследований, магистрант 2-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Maria A. Davydova — Research Assistant, Center for Political Studies, 2nd year master's student at the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3377-7679>
marchikdavydova@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

А.А. Азаров — общее руководство исследованием, формулирование проблемного поля исследования, реализация кластеризации субъектов РФ.

В.А. Лукушин — реализация социально-медийного анализа, работа над результатами и выводами, редактирование текста.

М.А. Давыдова — реализация когнитивного картирования, разработка теоретико-методологической основы исследования.

Authors' declared contribution:

A.A. Azarov — general guidance of the study, formulation of the problem field, implementation of Russian regions clustering.

V.A. Lukushin — implementation of social media analysis, working on results and conclusions, text editing.

M.A. Davydova — implementation of cognitive mapping, working-out the theoretical and methodological basis of the study.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 19.08.2022; принята к публикации 15.09.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 19.08.2022; accepted for publication on 15.09.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-114-126
УДК 327(045)

Оценка влияния торгово-экономического сотрудничества Казахстана с Россией, странами ЕАЭС и третьими странами на развитие интеграционных процессов ЕАЭС*

А.В. Точин^а, Н.С. Пыжиков^б, Е.С. Чимири^с, К.Е. Качуровский^д, В.Н. Живалов^е

^{а, б, с, д, е} Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития Российской Федерации, Москва, Россия;
^с Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Страны Евразийского экономического союза (ЕАЭС) будут укреплять сотрудничество, несмотря на внешнее давление. В феврале 2022 г. в Нур-Султане на заседании межправительственного совета ЕАЭС было определено, что входящие в Совет страны будут развивать общий рынок для свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Все государства – участники ЕАЭС продолжают принимать решения, которые необходимы для развития торгово-экономических и гуманитарных связей, повышения качества жизни и благосостояния граждан своих стран. В статье содержатся результаты научно-прикладного исследования, выполненного с помощью методов логического, системного, сравнительного, экономико-статистического анализа. Раскрываются важнейшие направления торгово-экономического сотрудничества России и Казахстана, экономик стран Евразийского экономического союза и третьих стран, оказывающие существенное влияние как на развитие интеграционных процессов ЕАЭС, так и на определение перспективных направлений сотрудничества в ключевых отраслях крупнейших экономик двух государств. Рассматривается динамика открытости экономики Казахстана за последние 20 лет. Оценивается вклад евразийской интеграции в экономический рост России и Казахстана. Авторы предлагают возможные перспективные направления сотрудничества в ключевых отраслях, способствующих укреплению экономических отношений России и Республика Казахстан. **Ключевые слова:** Россия; Казахстан; интеграционные процессы; структура торговли; торгово-экономическое сотрудничество; Евразийский экономический союз; экономическое развитие; потенциал; конкурентоспособность

Для цитирования: Точин А.В., Пыжиков Н.С., Чимири Е.С., Качуровский К.Е., Живалов В.Н. Оценка влияния торгово-экономического сотрудничества Казахстана с Россией, странами ЕАЭС и третьими странами на развитие интеграционных процессов ЕАЭС. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(5):114-126. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-114-126

ORIGINAL PAPER

Assessment of Impact of Trade and Economic Cooperation of Kazakhstan with Russia, EAEU Countries and Third Countries on Development of Integration Processes of EAEU**

A.V. Tochinn^a, N.S. Pyzhikov^b, E.S. Chimiris^c, K.E. Kachurovsky^d, V.N. Zhivalov^e

^{a, b, c, d, e} All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia;
^c Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The countries of the Eurasian Economic Union (EAEU) will strengthen cooperation despite external pressure. This is also confirmed by the issues discussed at the meeting of the Intergovernmental Council of the EAEU held in February 2022 in Nur-Sultan, where it was determined that the countries included in the Council will develop a common market for

* Статья подготовлена с использованием аналитических материалов, подготовленных Институтом развития интеграционных процессов ВАВТ Минэкономразвития РФ.

** Article prepared using analytical materials by the Institute for the Development Institutions in Integration Processes RFTA Ministry of Economic Development of the Russian Federation.

the freedom of movement of goods, services, capital and labor. All the EAEU member states continue to make necessary decisions for the development of trade, economic and humanitarian relations, improving the quality of life and well-being of citizens of their citizens. The article contains the results of scientific and applied research carried out using the methods of logical, systematic, comparative, economic and statistical analysis. The most important directions of trade and economic cooperation between Russia and Kazakhstan, the economies of the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU) and third countries are revealed, which have a significant impact on the development of integration processes of the EAEU, and to identify promising areas of cooperation in key sectors of the two largest economies. The dynamics of the openness of the economy of Kazakhstan over the past 20 years is considered. The contribution of Eurasian integration to the economic growth of Russia and Kazakhstan is assessed. The authors suggest possible promising areas of cooperation in key industries that contribute to strengthening economic relations between Russia and the Republic of Kazakhstan.

Keywords: Russia; Kazakhstan; integration processes; trade structure; trade and economic cooperation; Eurasian Economic Union; economic development; potential; competitiveness

For citation: Tochinn A.V., Pyzhikov N.S., Chimiris E.S., Kachurovsky K.E., Zhivalov V.N. Assessment of impact of trade and economic cooperation of Kazakhstan with Russia, EAEU countries and third countries on development of integration processes of EAEU. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(5):114-126. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-114-126

Россия и Казахстан имеют тесные экономические отношения как на двусторонней основе, так и в формате Евразийского экономического союза. Поэтому для России в данной ситуации важно оптимизировать процесс сотрудничества, максимизировать для себя выгоды от экономического взаимодействия с Казахстаном, одновременно не допустив развитие негативных, дезинтеграционных тенденций [1]. Добиться поставленной цели возможно посредством консолидации позиции внутри ЕАЭС по направлениям дальнейшего развития интеграции. Ключевую роль для такого сближения должны взять на себя Россия и Республика Казахстан, укрепляя двустороннее сотрудничество и развивая кооперационные связи, имеющие давнюю, во многом успешную историю еще со времен СССР. В описанных условиях особенно актуальным становится выработка возможных предложений по расширению, углублению и направлениям Российско-Казахстанского торгово-экономического сотрудничества.

Проведенный анализ основных тенденций торгово-экономического сотрудничества Казахстана с Россией, другими странами ЕАЭС и третьими странами показывает, что экономика Казахстана в последние два года испытала двойной шок: внешний, обусловленный чрезмерной зависимостью экономики от нефтегазового рынка, и внутренний, обусловленный введением карантинных мер из-за пандемии коронавируса, что вызвало замедление экономической активности, затронувшее в той или иной степени практически все экономические отрасли [2].

Следует отметить, что экономика Казахстана стала постепенно закрываться от внешнего мира. С 2000 по 2020 г. показатель открытости экономики (отношение суммы экспорта/импорта товаров и услуг к ВВП) снизился со 104% ВВП в 2000 г. до 57% в 2020 г. (рис. 1).

С началом нефтяного бума 2000-х гг. объемы внешней торговли Казахстана демонстрировали бурный рост, за 2000–2013 гг. (за исключением 2009 г., когда сокращение объемов внешней торговли было напрямую увязано с мировым падением цен на нефть) долларовый объем внешней торговли товарами увеличился в 8,2 раза. В 2014–2015 гг. ситуация изменилась, объем внешней торговли стал сокращаться и вплоть до конца 2020 г. так и не смог достичь пикового уровня 2013 г., составив 63% от максимального показателя.

Учитывая указанный тренд в совокупности с ориентированностью экономики Казахстана преимущественно на экспорт углеводородов (в течение последнего десятилетия доля топливно-энергетических товаров в общем объеме экспорта Казахстана составляла от 57–75%), можно заключить, что снижение экономики Казахстана в 2020 г. обусловлено введением административных ограничений в ряде отраслей на фоне пандемии коронавируса, а также глобальным падением спроса на углеводороды, которые составляют основу товарного экспорта страны (с 2005 по 2014 г. средняя стоимость барреля нефти составляла 86 долл. США, с 2010 по 2014 г. — около 102 долл. США), с 2015 по 2020 г. среднегодовая цена барреля нефти находилась на уровне 70–72 долл. США. При этом за период с 2000 по 2020 г. объем экспорта

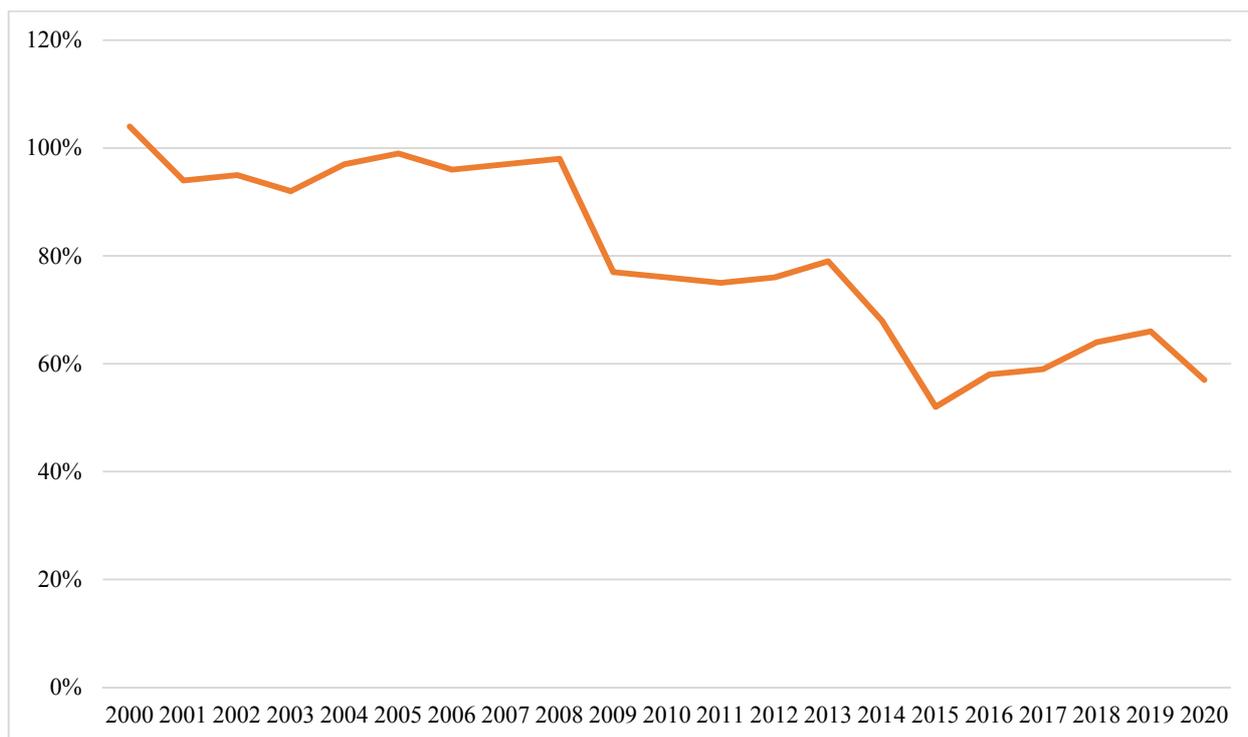

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика открытости экономики Казахстана за период с 2000 по 2020 г. / The Dynamics of Economic Openness of Kazakhstan for the period from 2000 to 2020

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

нефти в физическом выражении увеличился более чем вдвое.

Основные внешнеторговые партнеры Казахстана, согласно официальным данным статистики, традиционно (за последние три года) следующие:

По импорту: Россия — 33–40%; Китай — 15–20%; Германия — 4–5%; США — 3–3,5%.

По экспорту: Китай — 17–18%; Италия — 13–15%; Россия — 8–12%; Нидерланды — 7–8%; Турция — 4,5–5%.

Доля взаимной торговли Казахстана с государствами — участниками СНГ в общем объеме внешнеторгового оборота составляет около 26–27%.

В последнее время, по данным за I полугодие 2021 г., растет торговля с Узбекистаном (доля в экспорте — 4,5%, в импорте — 2,6%).

В структуре экспорта Казахстана традиционно лидирует продукция ТЭК — около 70%, металлы и изделия из них — до 15%, сельхозпродукция и продовольственные товары — около 6%.

Основными импортируемыми товарами являются машины и оборудование — до 45%, продукция химической промышленности — около 15%, металлы и изделия из них — около 12–13%, пищевые товары — 10–12%, нефтепродукты — до 7%.

Россия продолжает оставаться важным внешнеэкономическим партнером Республики Казахстан.

Казахстан экспортирует в Россию не более 7–12% своей продукции. Это связано с тем, что основная масса экспортных товаров (уголь, железная руда, газ) достаточно дешевы, а цены на них падают. Для России предназначено не так много экспортных товаров Казахстана, поскольку сырьевые экономики обеих стран схожи по структуре. Девальвация местных валют, рубля и тенге, также мешает успешному экспорту. Однако до марта 2020 г., когда разразилась пандемия коронавируса и стартовал экономический кризис, наблюдалось увеличение взаимных поставок сельскохозяйственной продукции для пищевой промышленности.

Россия для Казахстана на протяжении многих лет является основным источником импорта: 30–40% от всего объема в стоимостном выражении. В то же время для самой России это составляет около 3%. Однако для многих несырьевых отраслей, таких как автомобилестроение или молочная промышленность, Казахстан — основной рынок сбыта, на него приходится примерно до 20% российского несырьевого экспорта.

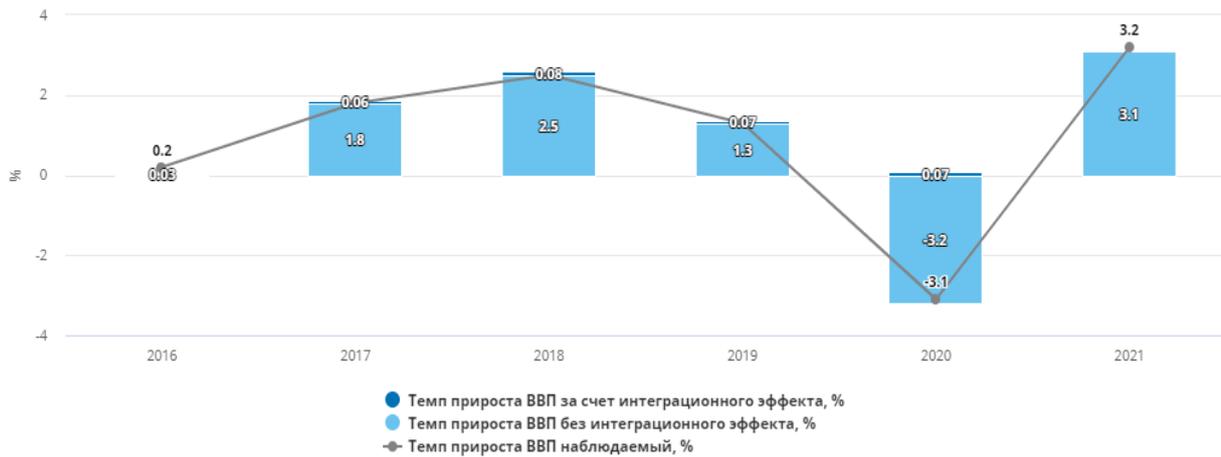

Рис. 2 / Fig. 2. Вклад евразийской интеграции в экономический рост России с 2016 по 2021 г. / Contribution of Eurasian integration to Russia's economic growth from 2016 to 2021

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Особо отметим, что Россия — основной торговый партнер Казахстана и по импорту опережает Китай на 15–20%.

В рамках евразийского интеграционного проекта Россия и Казахстан являются самыми крупными экономиками в Союзе и больше других партнеров по ЕАЭС взаимодействуют друг с другом.

Без участия в России в интеграции ее ВВП в постоянных ценах в 2020 г. увеличился бы на 2,4% (по сравнению со значением 2015 г.), однако фактический рост оказался выше — 2,7%. Реализации этого эффекта во многом способствовал рост торговли России с партнерами по ЕАЭС, который, согласно модельным оценкам, составил около 30% для экспорта и около 35% для импорта за весь период 2015–2020 гг. Негативный эффект на торговле России с третьими странами практически не проявился — согласно расчетам, вклад интеграционной составляющей в динамику этих показателей не превышает 0,5% ежегодно — как для экспорта, так и для импорта. Совокупный интеграционный эффект за весь период для экспорта в третьи страны может быть оценен как –1%, тогда как для импорта составляет –0,1%. В 2021 г. следует ожидать снижение вклада интеграции в динамику ВВП России до 0,07 п.п. (рис. 2).

Экономика Казахстана в последние 5 лет демонстрировала устойчивые темпы роста, однако лишь незначительную часть его можно соотнести с эффектом от интеграции. Согласно расчетам максимальные ежегодные выигрыши в терминах дополнительных темпов прироста ВВП Казахстана составили менее 0,1 п.п. (рис. 3). Ожидается, что в 2021 г. вклад интег-

рации в экономический рост сохранится на уровне 0,1 п.п. при прогнозируемых темпах роста в 3,2%.

Казахстан за период 2015–2020 гг. меньше других нарастил экспорт на рынки стран — партнеров по ЕАЭС (на 8%), однако расчеты показывают, что, если бы страна не была членом ЕАЭС, вместо роста наблюдалось бы падение. Рост импорта из стран ЕАЭС в основном объясняется интеграционными эффектами, а вклад в динамику совокупных экспорта и импорта является незначительным в сравнении с другими экономиками Союза.

Следует отметить, что Казахстан рассчитывает получить доступ к российскому рынку для своих производителей и российских инвестиций [3]. Потоки прямых иностранных инвестиций в рамках ЕАЭС демонстрируют приоритет сотрудничества России и Казахстана внутри Союза (рис. 4).

Торговое взаимодействие между Российской Федерацией и Республикой Казахстан в 2010-е гг. развивалось относительно стабильно. В последние годы (за исключением 2020 г.) в российско-казахстанской внешней товарной торговле наблюдался общий тренд на повышение. За 2016–2019 гг. ее оборот увеличился с 13,2 до 20,2 млрд долл. США, а в 2020 г. составил 19,1 млрд долл. США. По итогам первых 7 месяцев 2021 г. межстрановой товарооборот вырос на 34,1% (по отношению к соответствующему периоду предшествующего периода), в том числе российский экспорт товаров в Казахстан — на 27,3%, российский импорт товаров из Казахстана — на 53,6% (рис. 5).

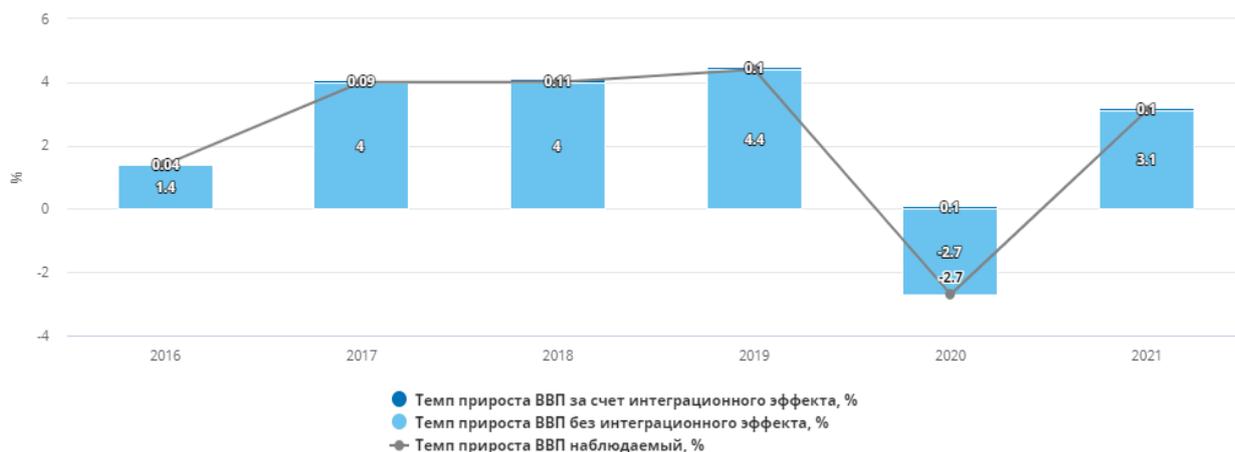
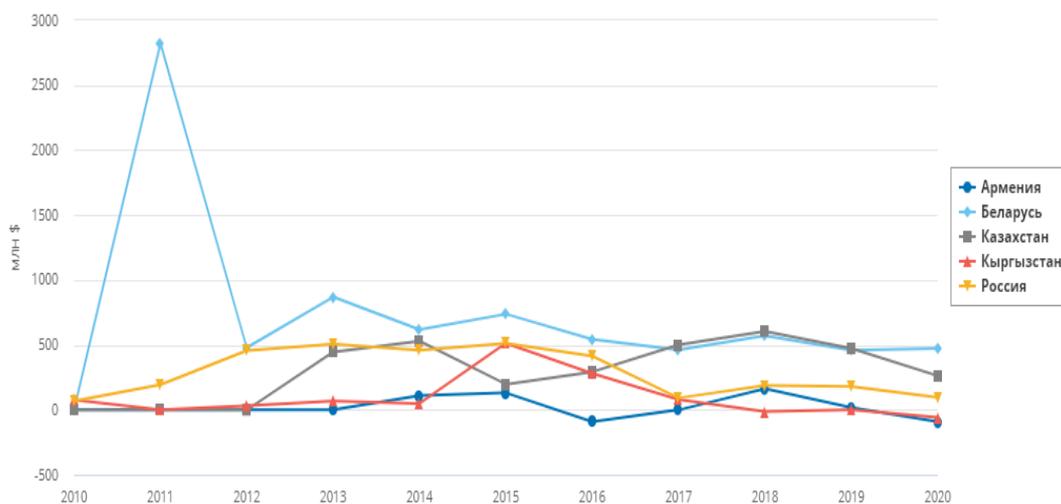

Рис. 3 / Fig. 3. Вклад евразийской интеграции в экономический рост Казахстана с 2016 по 2021 г. / Contribution of Eurasian integration to Kazakhstan's economic growth from 2016 to 2021

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors

Динамика потоков ПИИ, направленных из государств-членов Союза в страны ЕАЭС

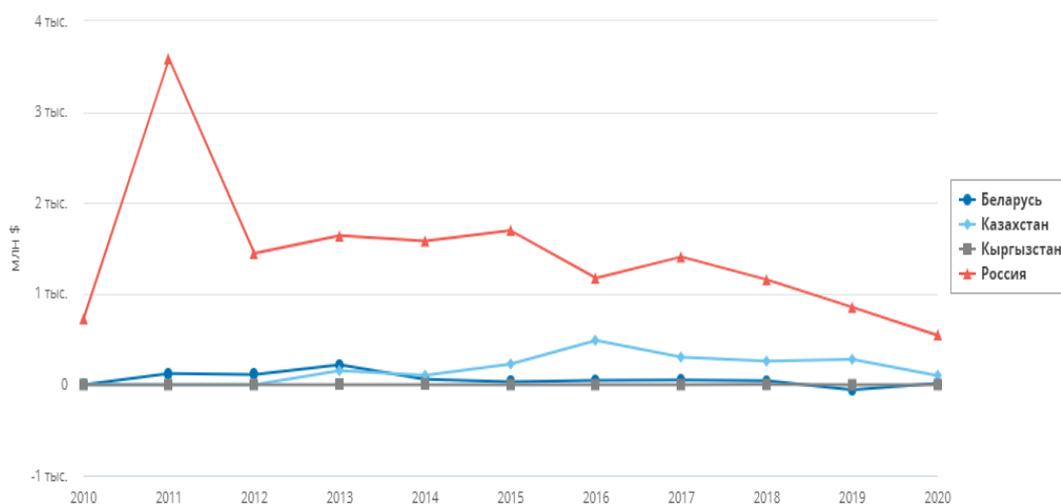

Рис. 4 / Fig. 4. Динамика потоков ПИИ внутри ЕАЭС с 2010 по 2020 г. / Dynamics of FDI flows within the EAEU from 2010 to 2020

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Рис. 5 / Fig. 5. Динамика стоимостных объемов внешней торговли товарами Российской Федерации с Казахстаном в 2013–2021 гг. (в млрд долл. США и в % к пред. году) / Dynamics of value volumes of foreign trade of the Russian Federation with Kazakhstan in 2013–2021 (bln USD and % of the previous year)

Источник / Source: URL: <http://exportstat.exportcenter.ru/>

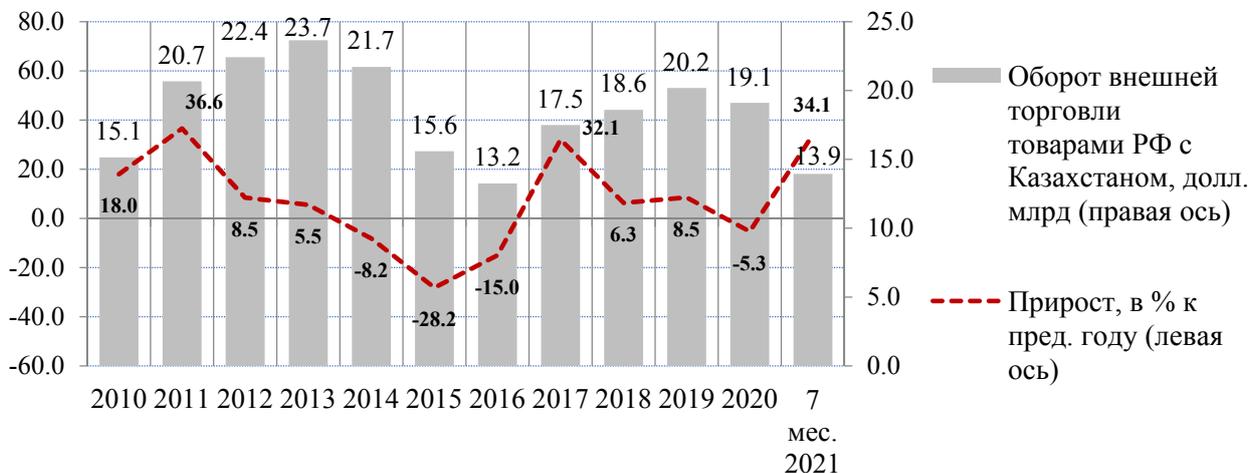

Рис. 6 / Fig. 6. Динамика оборота внешней торговли товарами Российской Федерации с Казахстаном в 2010–2021 гг. (в млрд долл. США и в % к пред. году) / Dynamics of turnover of foreign trade of the Russian Federation with Kazakhstan in 2010–2021 (bln USD and % of the previous year)

Источник / Source: URL: <http://exportstat.exportcenter.ru/>

Амплитуда колебаний физических объемов внешней торговли России с Казахстаном незначительна. Во второй половине 2010-х гг. на объемы российского товарного экспорта в Казахстан приходилось 45–48 млн т, на российский товарный импорт из Казахстана — от 17,5 до 19 млн т. В 2020 г. эти значения

составили 44,7 и 19,8 млн т соответственно (рис. 6).

По данным РЭЦ/ФТС, в 2020 г. Казахстан занимал 10-е место в списке российских внешнеторговых партнеров (торговля товарами). Доля Казахстана во внешней торговле товарами Российской Федерации равнялась 3,4%. Россия

Рис. 7 / Fig. 7. Динамика внешней торговли товарами Российской Федерации с Казахстаном в 2013–2020 гг. (физические объемы; в млн тонн) / Dynamics of foreign trade of the Russian Federation with Kazakhstan in 2013–2020 (physical volumes; in million tons)

Источник / Source: URL: <https://stat.gov.kz/>

Таблица 1 / Table 1

Показатели внешней товарной торговли России и Казахстана в 2020 г. / Foreign commodity trade indicators of Russia and Kazakhstan in 2020

Место	Страна – партнер России	Объем внешней товарной торговли России со страной, млн долл. США	Доля страны во внешней торговле товарами России	Место	Страна – партнер Казахстана	Объем внешней товарной торговли Казахстана со страной, млн долл. США	Доля страны во внешней торговле товарами Казахстана
5	Великобритания	26 575	4,7%	1	Россия	18 200	21,4%
6	США	23 884	4,2%	2	Китай	15 351	18,1%
7	Турция	20 841	3,7%	3	Италия	7 559	8,9%
8	Италия	20 223	3,6%	4	Корея, Респ.	5 890	6,9%
9	Корея, Респ.	19 604	3,5%	5	Нидерланды	3 360	4,0%
10	Казахстан	19 065	3,4%	6	Турция	3 059	3,6%
11	Япония	16 169	2,8%	7	Узбекистан	2 913	3,4%
12	Польша	14 325	2,5%	8	Франция	2 694	3,2%
13	Франция	12 732	2,2%	9	Индия	2 375	2,8%
14	Финляндия	10 004	1,8%	10	Германия	2 034	2,4%
	Справочно:				Справочно:		
	Все страны	567 823	100,0%		Все страны	85 031	100,0%

Источник / Source: URL: <https://stat.gov.kz/>

Рис. 8 / Fig. 8. Удельный вес России во внешней торговле товарами Республики Казахстан в 2010–2020 гг. / Share of Russia in foreign trade of the Republic of Kazakhstan in 2010–2020

Источник / Source: URL: <https://stat.gov.kz/>

возглавляет рейтинг стран — партнеров Казахстана по товарообороту. На нее приходится 21,4% всей внешней товарной торговли Республики Казахстан (табл. 1).

В 2010–2020 гг. доля России в товарном экспорте Казахстана увеличилась с 5,3 до 10,4%. Резкий рост удельного веса России в совокупном импорте товаров Казахстана произошел в 2011 г. — до 42,8% (с 22,8% в 2010 г.). На протяжении всех последующих лет значение индикатора не опускалось ниже 33%; в 2020 г. оно составило 34,9% (рис. 8).

Товарный экспорт России в Казахстан имеет достаточно диверсифицированную структуру, а в российском импорте товаров из Казахстана преобладают минеральные продукты, продукция металлургической и химической промышленности. Наиболее заметный сдвиг в структуре российского товарного экспорта в Казахстан — существенное сокращение доли минеральной продукции (преимущественно, топливно-энергетических товаров). В импорте России из Казахстана также ощутимо снижается удельный вес минерально-сырьевых товаров, машин и оборудования; при этом возрастает значимость металлургической продукции и металлообработки (табл. 2).

В 2020 г. 4,0% товарного экспорта России в Казахстан приходилось на неклассифицированные товары. В число самых крупных товарных позиций российского экспорта в Казахстан также входили золото необработанное (3,1%), средние и тяжелые дистилляты (3,0%), легковые автомо-

били с бензиновым двигателем 1500–3000 куб. см (2,3%), прочие руды и концентраты драгоценных металлов (2,0%), угольный кокс (1,6%), кузова легковых автомобилей (1,1%), цветные телевизоры (0,9%), рафинированный сахар (0,7%), полуфабрикаты нелегированной стали с не менее 0,25% углерода (0,7%) (табл. 3).

Десять крупнейших товарных позиций на уровне 6 знаков ТН ВЭД охватывали половину российского импорта товаров из Казахстана в 2020 г.:

- железная руда неагломерированная (9,0%);
- природный уран и его соединения (8,7%);
- прочие руды и концентраты драгоценных металлов (7,5%);
- медные руды и концентраты (6,3%);
- железная руда агломерированная (3,7%);
- листовой оцинкованный прокат, кроме электролитического и гофрированного (3,5%);
- прочий каменный уголь (3,1%);
- неклассифицированные товары (3,0%);
- холоднокатаная сталь толщиной 1–3 мм в рулонах (2,3%);
- глинозем (2,2%) (табл. 4).

Согласно имеющимся статистическим данным объем внешней торговли стран — членов ЕАЭС с третьими странами за 10 месяцев 2021 г. превысил доковидные показатели на 11%. За данный период больше всего экспортные поставки на рынки третьих стран увеличили Беларусь и Россия. Основными покупателями экспортируемых товаров ЕАЭС выступили страны

**Товарная структура внешней торговли Российской Федерации с Казахстаном в 2010–2020 гг. /
Commodity structure of foreign trade of the Russian Federation with Kazakhstan in 2010–2020**

Коды ТН ВЭД	Товарная группа	Экспорт товаров России в Казахстан по годам			Импорт товаров России из Казахстана по годам		
		2009	2015	2020	2009	2015	2020
01–24	Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	12,2	12,1	14,7	6,0	4,7	7,7
25–27	Минеральные продукты	27,6	18,8	12,8	51,9	46,2	42,5
27	Топливо-энергетические товары	26,5	14,7	9,2	24,4	26,8	9,7
28–40	Продукция химической промышленности, каучук	11,5	13,4	15,3	16,3	19,5	15,8
41–43	Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,0	0,1	0,1	0,0	0,2	0,0
44–49	Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	4,9	4,1	4,3	0,1	0,2	0,2
50–67	Текстиль, текстильные изделия и обувь	1,0	2,6	3,2	1,7	1,5	0,9
71	Драгоценные камни, металлы и изделия из них	0,3	0,5	3,4	0,0	4,0	0,2
72–83	Металлы и изделия из них	18,1	14,8	14,2	20,0	16,1	25,2
84–85	Машины и оборудование	13,6	14,2	15,5	3,3	5,6	4,3
86–89	Транспортные средства	5,2	10,4	8,8	0,4	0,5	2,7
90–92	Технические инструменты и аппаратура	1,2	1,2	1,3	0,1	0,9	0,2
68–70, 93–97, 99	Другие товары	4,4	7,7	6,5	0,1	0,6	0,4

Источник / Source: URL: <http://exportstat.exportcenter.ru/>

ЕС — 42%, АТЭС — 29%, а на долю стран СНГ пришлось 5,6% (Украина — 2,6% Узбекистан — 1,6%). Среди стран, импортирующих в ЕАЭС, лидирует Китай — 27% и Германия — 10%¹.

Несмотря на целый ряд негативных обстоятельств регионального и мирового масштаба, за прошедшие семь лет Евразийский экономический союз доказал свою жизнеспособность и состоятельность. Так, уже только по предварительным итогам 2021 г. внешняя торговля

ЕАЭС выросла более чем на 34%, а внутренняя гораздо значительнее — на 67%. Более чем на треть вырос объем товарооборота с Беларусью и Казахстаном. Нарастают обороты и развивается активное взаимодействие и со странами-наблюдателями. С Узбекистаном, несмотря на пандемию, объем товарооборота, по итогам 2021 г., составил 17,3%, с Молдовой — вырос почти на 70%. Это показатель крепнущих торгово-экономических связей внутри ЕАЭС.

Совокупный рост ВВП составил 4,5% [4], что выше прогнозных показателей. Расширение взаимной торговли говорит о повышении конкурентоспособности отраслей экономик ЕАЭС.

Нарастив объемы внешней торговли в настоящее время достаточно проблематично, по-

¹ Страны ЕАЭС по итогам 2021 года по объему внутренней и внешней торговли превысили доковидные показатели. URL: https://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!strany_eaes_po_itogam_2021_goda_po_obemu_vnutrenney_i_vneshney_torgovli_prevysili_dokovidnye_pokazateli/ (дата обращения: 14.02.2022).

Таблица 3 / Table 3

Крупнейшие позиции товарного экспорта Российской Федерации в Казахстан в 2020 г. (на уровне 6 знаков ТН ВЭД) / Russia's largest commodity exports to Kazakhstan in 2020 (at the level of 6 marks of foreign economic activity)

Код ТН ВЭД	Товарная группа (позиция)	Объем экспорта товаров России в Казахстан, млн долл. США	Доля, в % к итогу
SSSSSS	Неклассифицированные товары	568,6	4,0
710812	Золото необработанное	429,4	3,1
271019	Средние и тяжелые дистилляты	418,2	3,0
870323	Легковые автомобили с бензиновым двигателем 1500–3000 куб. см	318,0	2,3
261690	Прочие руды и концентраты драгоценных металлов	275,5	2,0
270400	Угольный кокс	219,2	1,6
870710	Кузова легковых автомобилей	153,7	1,1
852872	Цветные телевизоры	127,8	0,9
170199	Рафинированный сахар	98,3	0,7
720720	Полуфабрикаты нелегированной стали с не менее 0,25% углерода	97,2	0,7

Источник / Source: URL: <http://exportstat.exportcenter.ru/>

сколькo страны — члены ЕАЭС во многом утратили технологическое преимущество, которое они имели во времена Советского Союза. Например, наукоемкость ВВП ЕАЭС в 2 раза ниже среднемирового уровня и в 3–4 раза ниже, чем у ведущих держав мира (Кореи, США, Японии). В современных условиях ЕАЭС остается способным противостоять негативным вызовам в мировой экономике.

Усиление политического противостояния вследствие санкционного конфликта является проблемой для Евразийского экономического союза. Но странами принимаются антикризисные меры, впереди очень серьезная и сложная работа: в рамках ЕАЭС необходимо создание научно-методологической системы для оценки рисков и выработки экономических мер, направленных на смягчение негативных последствий.

Оценивая перспективы развития отношений в рамках ЕАЭС, член коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике ЕЭК академик РАН С.Ю. Глазьев считает, что «ЕАЭС строится по принципам Большого Евразийского партнерства и потому может служить его моделью,

предлагая различным странам разнообразные формы сотрудничества» [5].

Ведущий эксперт Центра координации исследований РИСИ Н.В. Лукьянович утверждает, что «в связи с усилением кризисных явлений в экономиках государств — участников ЕАЭС их приоритетными задачами становятся активизация сотрудничества в сфере инноваций, снижение энерго- и материалоемкости национальных экономик и повышение их конкурентоспособности» [6].

Таким образом, в ближайшие годы возможными перспективными направлениями сотрудничества двух стран, способствующими укреплению развития отношений, должно стать сохранение на прежнем уровне российского присутствия в экономике Казахстана на основе предложений бизнеса двух стран.

Необходимо направить усилия на укрепление двусторонних и союзнических отношений, уделять внимание развитию ключевых транзитных маршрутов, соединяющих Европейский союз с Юго-Восточной Азией через Россию и Казахстан, укреплению политических, экономических и культурных связей; повышать уровень

Таблица 4 / Table 4

Крупнейшие позиции товарного импорта Российской Федерации из Казахстана в 2020 г. (на уровне 6 знаков ТН ВЭД) / Russia's largest commodity imports to Kazakhstan in 2020 (at the level of 6 marks of foreign economic activity)

Код ТН ВЭД	Товарная группа (позиция)	Объем импорта товаров России из Казахстана, млн долл. США	Доля, в % к итогу
260111	Железная руда неагломерированная	456,2	9,0
284410	Природный уран и его соединения	438,5	8,7
261690	Прочие руды и концентраты драгоценных металлов	381,3	7,5
260300	Медные руды и концентраты	320,6	6,3
260112	Железная руда агломерированная	185,6	3,7
721049	Листовой оцинкованный прокат, кроме электролитического и гофрированного	179,1	3,5
270119	Прочий каменный уголь	158,2	3,1
SSSSSS	Неклассифицированные товары	150,3	3,0
720916	Холоднокатаная сталь толщиной 1–3 мм в рулонах	117,8	2,3
281820	Глинозем	113,1	2,2

Источник / Source: URL: <http://exportstat.exportcenter.ru/>

коммуникаций между странами, следуя тренду борьбы с угрозами, подобными текущей пандемии коронавируса, (предотвращать подобные угрозы в будущем); сформировать долгосрочные планы развития и сближения экономик; проработать вопросы создания и укрепления стабилизационных фондов для оказания помощи, в том числе на уровне ЕАЭС; проводить эффективные мероприятия по выявлению и устранению препятствий (в первую очередь, барьеров и изъятий

на внутреннем рынке ЕАЭС); создавать общие бизнес-структуры, например Евразийский конгресс промышленников и предпринимателей, Евразийскую торговую палату, для поддержки МСП, мониторинга, оценки и выработки рекомендаций для преодоления торговых препятствий; широко и эффективно использовать мнения экспертного сообщества двух стран для целей учета в принятии политических и экономических решений, включая интеграционные.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамов В.Л. Препятствия во взаимной торговле государств — членов ЕАЭС. *Финансовая экономика*. 2019;(9):429–432.
2. Колташов В.Г. Что ждет экономику стран ЕАЭС после коронакризиса. URL: <https://finance.rambler.ru/other/44807494-что-zhdet-ekonomiku-stran-eaes-posle-koronakrizisa/> (дата обращения: 08.02.2022).
3. Жильцов С.С. Роль ЕАЭС в экономической сфере на постсоветском пространстве. М.: РАН ИНИОН; 2021.
4. Решетников М. Страны ЕАЭС умеют сообща адаптироваться к вызовам. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/267685203> (дата обращения: 25.02.2022).
5. Глазьев С.Ю., Кефели И.Ф. К вопросу об идеологии Евразийского экономического союза. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2022;16(1):10–21.
6. Лукьянович Н.В. Перспективы евразийской экономической интеграции в контексте роста глобальных вызовов и угроз. *Проблемы национальной стратегии*. 2021;1(64):78–96.

REFERENCES

1. Abramov V.L. Obstacles in mutual trade of the EAEU member states. *Finansovaya ekonomika*. 2019;(9):429–432. (In Russ.).
2. Zhiltsov S.S. The role of the EAEU in the economic sphere in the post-Soviet space. Moscow: RAS INION; 2021. (In Russ.).
3. Koltashov V. G. What awaits the economy of the EAEU countries after the coronacrisis. URL: <https://finance.rambler.ru/other/44807494-что-ждет-экономику-стран-еаес-после-коронакризиса/> (accessed on 08.02.2022). (In Russ.).
4. Reshetnikov M. the EAEU countries are able to adapt to challenges together. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/267685203/> (accessed on 02/25/2022). (In Russ.).
5. Glazyev S. Yu., Kefeli I. F. On the question of the ideology of the Eurasian Economic Union. *Eurasian integration: economics, law, politics*. 2022;16(1):10–21. (In Russ.).
6. Lukyanovich N. V. Prospects of Eurasian economic integration in the context of the growth of global challenges and threats. *Problems of the National Strategy*. 2021;1(64):78–96. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Андрей Владимирович Точин — директор Института развития интеграционных процессов, Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития Российской Федерации, Москва, Россия
Andrey V. Tochín — Director of the Institute for the Development of Integration Processes, All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-8163-5782>
A.Tochin@vavt.ru

Никита Сергеевич Пыжиков — руководитель Центра экономической интеграции Института развития интеграционных процессов, Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития Российской Федерации, Москва, Россия
Nikita S. Pyzhikov — Head of the Center for Economic Integration of the Institute for the Development of Integration Processes, All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6505-127X>
ns.pyzhikov@vavt.ru

Екатерина Сергеевна Чимириц — кандидат политических наук, руководитель Центра социально-политических исследований Института развития интеграционных процессов, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ; доцент департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
Ekaterina S. Chimiris — Cand. Sci. (Polit.), Head of the Center for Social and Political Studies, Institute for Integration Development Research, All-Russian Academy of Foreign Trade Academy Ministry of economic development of the Russian Federation; Associate Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9837-8014>
Chimiris@gmail.com

Константин Евгеньевич Качуровский — аналитик 1-й категории Центра экономической интеграции Института развития интеграционных процессов, Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития Российской Федерации, Москва, Россия
Konstantin E. Kachurovsky — Analyst of the 1st category of the Center for Economic Integration of the Institute for the Development of Integration Processes, All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-3791-2324>
K.Kachurovskiy@vavt.ru

Владимир Николаевич Живалов — доктор экономических наук, аналитик Центра социально-политических исследований Института развития интеграционных процессов, Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития Российской Федерации, Москва, Россия

Vladimir N. Zhivalov — Dr. Sci. (Econ.), Analyst of the Center for Socio-Political Studies of the Institute for the Development of Integration Processes, All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-6827-5754>

zhivalovvn@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

А.В. Точин — итоговая переработка и окончательное утверждение версии для публикации.

Н.С. Пыжиков — планирование, детализация, определение этапов и разделов статьи.

Е.С. Чимирис — обоснование и разработка общей концепции статьи.

К.Е. Качуровский — сбор данных и проведение сравнительного анализа.

В.Н. Живалов — интерпретация результатов исследования и формулировка выводов.

Author's declared contribution:

A.V. Tochinn — final revision and final approval of the publication version.

N.S. Pyzhikov — planning, detailing, defining stages and sections of the article.

E.S. Chimiris — justification and development of the general concept of the article.

K.E. Kachurovsky — data collection and comparative analysis.

V.N. Zhivalov — interpretation of research results and formulation of conclusions.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 05.03.2022; принята к публикации 15.08.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 05.03.2022; accepted for publication on 15.08.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-127-135
УДК 324,328.183(045)

Основные особенности климатической повестки Партии европейских социалистов

А.Д. Лисенкова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена климатической повестке Партии европейских социалистов (ПЕС). С целью выявления ее текущих основных особенностей автор дает характеристику развитию климатического дискурса партии под влиянием социалистических, рабочих и социал-демократических идеологических основ, а также политической обстановки в Европейском союзе на разных исторических этапах. С помощью сравнительного анализа и дискурс-анализа исследуются как общая эволюция и основные принципы Партии европейских социалистов и ее политической группы, Прогрессивного альянса социалистов и демократов, так и непосредственно развитие и текущие приоритеты климатической повестки. Данный анализ проводится через призму предвыборных манифестов и риторики первых лиц. Актуальность исследования заключается в первостепенности проблемы изменения климата для Европейского союза и его граждан, а также проводимой на современном этапе существенной климатической модернизации наднационального законодательства под руководством Франса Тиммерманса, члена Партии европейских социалистов и Исполнительного вице-президента Европейской комиссии по европейской «Зеленой сделке».

Ключевые слова: Партия европейских социалистов; Прогрессивный альянс социалистов и демократов; изменение климата; манифест; европейская «Зеленая сделка»; Франс Тиммерманс; справедливый переход; социальная справедливость

Для цитирования: Лисенкова А.Д. Основные особенности климатической повестки Партии европейских социалистов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(5):127-135. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-127-135

ORIGINAL PAPER

Main Features of the Climate Change Agenda of the Party of European Socialists

A.D. Lisenkova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ABSTRACT

This article is devoted to the climate change agenda of the Party of European Socialists. In order to identify its current main features, the author characterizes the development of the climate discourse of the party under the influence of socialist, workers and social-democratic ideological foundations, as well as the political situation in the European Union at various historical stages. Through comparative analysis and discourse analysis, the general evolution and main principles of the Party of European Socialists and its political group, the Progressive Alliance of Socialists and Democrats, as well as the actual development and current priorities of the climate agenda are investigated. Comparative analysis and discourse analysis are carried out through the prism of election manifestos and the top officials' rhetoric. The relevance of the study lies in the primacy of climate change for the European Union and its citizens, as well as the substantial modernization of supranational legislation under the leadership of Frans Timmermans, a member of the Party of European Socialists and Executive Vice-President of the European Commission for the European "Green Deal".

Keywords: Party of European Socialists; Progressive Alliance of Socialists and Democrats; climate change; manifesto; European "Green Deal"; Frans Timmermans; just transition; social justice

For citation: Lisenkova A.D. Main features of the climate change agenda of the Party of European Socialists. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(5):127-135. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-127-135

Многолетние международные лидерские амбиции Европейского союза (ЕС) со временем стали сопровождаться намерением стать «первым климатически нейтральным континентом»¹. Как постоянное повышение внешнеполитических амбиций, так и необходимость их подкрепления практическими действиями привели к вполне ожидаемым внутренним преобразованиям. Так появились европейская «Зеленая сделка», за которой последовали Европейский климатический закон, План Европейского союза по «зеленому» переходу ('Fit for 55') и др. Граждане Союза, отвечая в 2021 г. на вопрос: «Что из перечисленного вы считаете наиболее серьезной проблемой, стоящей перед миром в целом?», поставили на первое место именно изменение климата².

Постепенно, прочно закрепившись в числе приоритетных политических тем, аспекты борьбы с изменением климата стали проникать в разные направления европейской политики и общественной жизни. Наиболее заметно это стало проявляться после 2019 г., когда с изменений в составах главных институтов (прежде всего, Европейского парламента и Европейской комиссии) начался новый этап развития Европейского союза. Предшествовавшие этому европейские выборы 2019 г. также показали как высокую озабоченность граждан изменением климата, так и произошедшую трансформацию дискурса основных европейских партий.

Одной из наиболее еврооптимистичных и климатически прогрессивных позиционирует себя Партия европейских социалистов (ПЕС), формирующая в Европейском парламенте политическую группу Прогрессивный альянс социалистов и демократов (обе далее — социалисты и демократы или социал-демократы). Традиционная социальная идеологическая ориентация социал-демократов накладывает свой отпечаток как на общую интерпретацию проблемы изменения климата, так и на отдельные политические инициативы. Наибольшую актуальность для будущего Европейского союза это получило в связи с назначением члена ПЕС, нидерландского политика Франса Тиммерманса на пост Исполнительного вице-президента Европейской комиссии по европейской «Зеленой сделке».

¹ Special Eurobarometer 513: Climate Change. Report. Fieldwork: March. April 2021. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/api/deliverable/download/file?deliverableId=75838>

² Там же.

ОБЩАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПЕС

В 1953 г., через год после создания Общей Ассамблеи Европейского объединения угля и стали (позднее Европейская парламентская ассамблея и Европейский парламент), в ней появились первые политические группы. Группа социалистов, наравне с Христианско-демократической группой и Группой либералов и союзников, вошла в их число. Несмотря на все последующие трансформации, она и сейчас представлена в Европарламенте под названием Прогрессивный альянс социалистов и демократов³. Ранее, с 2004 по 2009 г., он именовался как Группа социалистов в Европейском парламенте, а в период с 1993 по 2004 г. — группа Партии европейских социалистов⁴. Последнее связано с образованием наднациональной/транснациональной Партии европейских социалистов в 1992 г. [1], на основе Конфедерации социалистических партий в Европейском сообществе, существовавшей еще с 1974 г. [2].

Идеи о наднациональной партийной координации появлялись и ранее, еще в 1960-х гг., но были отвергнуты национальными партиями как «излишне интеграционистские» [3]. Вопрос снова стал актуален в связи с реальной перспективой проведения первых прямых выборов в Европейский парламент. За 5 лет до этого Конфедерация объединила в себе социал-демократические, умеренно социалистические и традиционные рабочие партии, став первой подобной наднациональной структурой и обогнав на два года другие «политические семьи»: христианских демократов и либерал-демократов [3]. Целесообразность данных наднациональных партийных федераций/конфедераций в первую очередь обуславливалась необходимостью налаживания более глубокого взаимодействия между национальными партиями-членами за пределами Европейского парламента, в том числе для подготовки к каждому очередным выборам. Статистически еще на первых из них группа социалистов и демократов получила наибольшее количество мест, 124 из 434-х. Лидерство социал-демократов сохранялось и в 1984 г. (166 из 518), и в 1989 г. (198 из

³ The ECSC Common Assembly's Decision to Create Political Groups. Writing a New Chapter in Transnational Parliamentary History. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/637959/EPRS_BRI\(2019\)637959_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/637959/EPRS_BRI(2019)637959_EN.pdf)

⁴ Gepa Maibaum. 3rd parliamentary term. URL: https://www.europarl.europa.eu/meps/en/1064/GEPA_MAIBAUM/history/3; Margrietus van den Berg. 6th parliamentary term. URL: https://www.europarl.europa.eu/meps/en/4480/MARGRIETUS_VAN+DEN+BERG/history/6#detailedcardmep

518), и в 1994 г. (214 из 626). Только в 1999 г. их сместили на второе место христианские демократы, сохраняющие с тех пор свое первенство⁵.

Со временем Партией европейских социалистов и Прогрессивным альянсом социалистов и демократов были сформированы их современные принципы: демократия, сильные органы государственной власти, свобода, достойный труд, экономический рост и экономика, способствующая социальному прогрессу; экологическая устойчивость, справедливость и солидарность между поколениями, сильное и справедливое общество, открытое и инклюзивное общество, гендерное равенство, свободное, мирное и справедливое общество; а также международная солидарность⁶.

ЭВОЛЮЦИЯ КЛИМАТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ ПЕС ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЕЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ МАНИФЕСТОВ

На защите окружающей среды, наравне с такими темами, как «демократия», «гендерное равенство» или «рабочие места», Партия европейских социалистов в ее современном понимании сконцентрировалась с момента своего создания⁷. Под влиянием тенденций, происходящих в Европе и мире, самой широко освещаемой экологической темой со временем стало изменение климата. Рост ее значимости и эволюционные особенности климатического курса партии наиболее явно прослеживаются через призму манифестов к каждому очередным выборам в Европейский парламент. Именно с их помощью можно определить ряд общих постепенно углубляющихся веяний.

Основные экологические приоритеты партии в общих чертах были прописаны еще в тексте 1999 г. «21 обязательство на XXI век», где здоровье окружающей среды было помещено на 11-ю позицию в списке приоритетов партии. Уже на данном этапе было подчеркнуты восприятие окружающей среды как «общего достояния друг с другом и будущими поколениями», а также ведущая роль Европы в международных усилиях по ее защите⁸. Это определялось как трансграничным характером угроз

(кислотные дожди, загрязнение), так и значимостью устойчивого развития как основного принципа для европейской не только внутренней, но и внешней политики. В результате в число приоритетных направлений на тот момент вошли: биоразнообразие, выбросы парниковых газов, пищевые продукты, потребление ресурсов, принцип «загрязнитель платит». На данном этапе климатическое направление рассматривалось наравне с другими ключевыми экологическими темами⁹.

Уже в манифесте 2004 г. «Становимся сильнее вместе. Пять обязательств на следующие пять лет» защита окружающей среды и устойчивое развитие попали в список социальных стандартов ПЕС. Они дополнили перечень таких традиционных социальных направлений, как «занятость», «рабочие места» и др. Тесное переплетение социальных и экологических положений с его последующим углублением стало логичным следствием партийной идеологии, тогда как климатическое направление начало все больше выходить на передний план в экологическом курсе партии. ПЕС подчеркнула важность уже взятых Киотских обязательств по сокращению выбросов, а также амбициозную разработку новых климатических целей¹⁰. Все это тесно коррелировало с политическим фоном в союзе того времени, где постепенно происходило осознание необходимости дальнейших климатических действий как из-за низкой эффективности Киотского протокола в целом, так и из-за нежелания США его ратифицировать в частности [4]. Последнее было наиболее актуально из-за первенства США в количестве выброса парниковых газов [5].

Кроме того, на момент принятия манифеста ПЕС, в апреле 2004 г., климатический документ мог и вовсе не вступить в силу, так как необходимое для этого условие ратификации «не менее, чем 55 Сторонами Конвенции [Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (РКИК ООН)], в том числе Сторонами, включенными в приложение I, на долю которых приходится в совокупности как минимум 55% общих выбросов», выполнено не было¹¹. Хотя было по-

⁵ 2019 European election results. European Parliament. Comparative tool. URL: <https://www.europarl.europa.eu/election-results-2019/en/tools/comparative-tool/>

⁶ PES Declaration of Principles. URL: <https://pes.eu/en/about-us/our-values/pes-declaration-of-principles/>

⁷ PES history. URL: <https://pes.eu/en/about-us/history/>

⁸ Party of European Socialists. Manifesto for the 1999 European Elections. URL: https://web.archive.org/web/20190619171321/https://pes.eu/export/sites/default/Downloads/PES-Documents/Manifeste_1999_EN.pdf_2079287006.pdf

⁹ Там же.

¹⁰ Five commitments for the next five years. Growing stronger together. Manifesto of the Party of European Socialists for the June 2004 European Parliament elections. URL: https://web.archive.org/web/20190526180316/https://pes.eu/export/sites/default/Downloads/PES-Documents/Manifesto_2004_EN.pdf_238143098.pdf

¹¹ Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата. Организация Объединенных Наций. 1997. Ст. 25.

нятно, что в действительности, при положительном исходе, амбициозные обязательства по сокращению выбросов парниковых газов на 8% в сравнении с 1990 г., которые ЕС взял на себя, позволили бы говорить о международном климатическом лидерстве [6–8]. ПЕС поддерживала европейские амбиции своей нацеленностью на поощрение использования альтернатив природным ресурсам в целом и ископаемым видам топлива в частности¹².

Таким образом, под влиянием естественной социал-демократической эволюции и общих европейских целей уже в следующем манифесте «Люди превыше всего: новое направление для Европы» 2009 г. климатическое направление достигло своего пика¹³.

На данном этапе Европейский союз действительно возлагал серьезные надежды на международную климатическую Конференцию в Копенгагене. Прежде всего речь шла о заключении юридически обязательного международного соглашения, которое начало бы действовать после 2012 г., т.е. после окончания срока действия Киотского протокола к РКИК ООН. Ошибки Киото подтолкнули ЕС к дальнейшей климатической активности, для чего требовалось сближение позиций с США, в первую очередь по обязательствам для крупных развивающихся стран [4]. Все перечисленное вполне объясняет упоминания в манифесте не только международной роли ЕС в защите окружающей среды, но и лидерство непосредственно в борьбе с изменением климата. Последнее, по мнению социалистов и демократов, «является величайшей долгосрочной угрозой, стоящей перед миром»¹⁴. Подобное суждение сопровождалось рядом конкретных приоритетов, коррелировавших с амбициями ЕС на Копенгагенской конференции. Сюда вошел и целевой показатель по сокращению выбросов на 30%, а также предполагаемое международное соглашение, имевшее бы обязательства как для развитых стран, включая США, так и для развивающихся, в том числе Китая и Индии¹⁵.

Данные страны упомянуты совсем не случайно. Еще в 2007 г. Китай обогнал США по количеству

выбросов в год, а Индия превысила показатель России, таким образом переместившись на третье место в рейтинге государств-загрязнителей¹⁶. Подобная динамика говорила о существенном повышении значимости таких крупных и быстро развивающихся стран для реальных достижений в международной климатической политике. В этом контексте уместным стало упоминание ПЕС намерений по оказанию помощи в адаптации и борьбе с изменением климата, а также передаче технологий развивающимся странам. Все это было бы необходимо для их привлечения в Соглашение. Дополнительно ставилась цель и по разрешению проблемы климатической миграции.

В свою очередь, для реализации собственных внутренних европейских целей ПЕС предложила всеобъемлющую Директиву ЕС по климату, которая «обеспечила бы объединение целей и действий во всех тех секторах, которые еще не охвачены действующим законодательством: энергетика, сельское хозяйство, продовольствие, строительство и транспорт»¹⁷. Здесь также стоит отметить, что внутри Европейского союза еще за два года до Конференции была обозначена (а в 2009 г. юридически закреплена в «Комплексе мер в области энергетики и изменения климата — 2020») цель по сокращению выбросов парниковых газов на 20% к 2020 г.¹⁸ Тогда как в Копенгагене предполагалось, что «он [ЕС] обязуется увеличить сокращение выбросов до 30% при условии, что другие промышленно развитые страны согласятся на сопоставимые сокращения, а развивающиеся страны внесут адекватный вклад в глобальную сделку»¹⁹. Парадокс данного целевого показателя заключался в сохранении разногласий между государствами-членами, даже несмотря на его позиционирование [9].

В то же время ПЕС не отрицала, что изменение климата — не единственная причина для энергетического перехода. Здесь тоже отмечался рост цен на энергоносители, что связывалось партией с глобальным финансовым кризисом, а также недо-

¹² Five commitments for the next five years. Growing stronger together. Manifesto of the Party of European Socialists for the June 2004 European Parliament elections. URL: https://web.archive.org/web/20190526180316/https://pes.eu/export/sites/default/Downloads/PES-Documents/Manifesto_2004_EN.pdf_238143098.pdf

¹³ PES manifesto. European elections June 2009. URL: https://pes.eu/export/sites/default/Downloads/PES-Documents/ManifestoBook_EN_Online.pdf_1908177665.pdf

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Heinzerling A. Global CO2 emissions fall in 2009, but the past decade still sees rapid emissions growth. URL: <https://grist.org/article/global-carbon-dioxide-emissions-fall-in-2009-past-decade-still-sees-rapid-e/>

¹⁷ PES manifesto. European elections June 2009. URL: https://pes.eu/export/sites/default/Downloads/PES-Documents/ManifestoBook_EN_Online.pdf_1908177665.pdf

¹⁸ 2020 climate & energy package. URL: https://ec.europa.eu/clima/eu-action/climate-strategies-targets/2020-climate-energy-package_en

¹⁹ The Copenhagen climate change negotiations: EU position and state of play. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/es/MEMO_09_493

статочной координацией и регулированием рынка. Кроме того, подчеркивалось, что 50% энергии уже импортируется, и предполагалось, что к 2030 г. этот показатель вырастет до 70%²⁰. Согласно данным Евростата, импортировалось свыше 90% нефти и нефтяных продуктов, свыше 70% газа, но меньше 40% твердого ископаемого топлива (прежде всего, угля)²¹. Здесь стоит отметить, что, с точки зрения как «чистоты», так безопасности, уголь и нефть являются наиболее вредными источниками энергии. Среди прочего, это подтверждают материалы Our World In Data (OWID)²². В результате достаточно логичным выглядело упоминание необходимости избавления от угля и нефти, но не от атомной энергетики²³. Также, в соответствии с OWID, атомная энергетика, как и возобновляемые источники энергии (ВИЭ), наименее вредна²⁴. ПЕС же предполагалось, что решение по ней должно приниматься каждым государством-членом отдельно при условии европейского мониторинга во имя общей безопасности²⁵. Последнее можно объяснить международным опытом, например таким, как чернобыльская авария [10].

«Энергетические амбиции» были дополнены намерением вкладывать средства для повышения энергоэффективности и увеличить поставки ВИЭ. Акцент на энергетике также обусловлен рядом исторических событий 2009 г.²⁶ Помимо уже упомянутого «Комплекса мер в области энергетики и изменения климата — 2020», где содержались цели по сокращению выбросов, повышению энергоэффективности и доли получаемой из ВИЭ энергии²⁷, вступил в силу Лиссабонский договор (немногим

позже принятия манифеста). В соответствии со ст. 194 (1) «в контексте создания и функционирования внутреннего рынка и с учетом необходимости сохранения и улучшения окружающей среды политика союза в области энергетики направлена в духе солидарности между государствами-членами на: (а) обеспечение функционирования энергетического рынка; (б) обеспечение безопасности энергоснабжения в союзе; (с) продвижение энергоэффективности и энергосбережения, а также развитие новых и возобновляемых форм энергии; (d) способствование объединению энергетических сетей»²⁸.

Отсылка к идеологическим приоритетам партии делалась через предложение социального аудита экологической и энергетической политики. Также подчеркивалась важность «чистого» и безопасного водного, воздушного, железнодорожного и городского транспорта и необходимость сотрудничества по европейскому обмену опытом и данными. Это дополнительно подкреплялось аргументом о том, что нужен пересмотр Директивы ЕС по биотопливу, так как оно, несмотря на помощь в сокращении выбросов, не должно вредить окружающей среде²⁹. Данный вопрос также уже находился на повестке дня на момент выборов, а сама Директива была заменена Директивой о стимулировании использования энергии из ВИЭ в том же 2009 г.³⁰

Кроме того, предлагалось использовать Европейский фонд адаптации к глобализации для финансирования различных аспектов, касающихся предвидения изменений в трудовой сфере, в том числе из-за последствий изменения климата³¹. Позднее именно социалисты и демократы активно продвигали идею о реформировании и переименовании данного фонда, существующего с 2006 г., в Европейский фонд перехода. Среди прочего, это объяснялось важностью учета не только глобализации, но и цифровизации, а также перехода к низкоуглеродной экономике³².

²⁰ PES manifesto. European elections June 2009. URL: https://pes.eu/export/sites/default/Downloads/PES-Documents/ManifestoBook_EN_Online.pdf_1908177665.pdf

²¹ Energy production and imports. Production of primary energy by fuel type, EU, 2009–2019. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Energy_production_and_imports#The_EU_and_its_Member_States_are_all_net_importers_of_energy

²² Ritchie H. What are the safest and cleanest sources of energy? URL: <https://ourworldindata.org/safest-sources-of-energy>

²³ PES manifesto. European elections June 2009. URL: https://pes.eu/export/sites/default/Downloads/PES-Documents/ManifestoBook_EN_Online.pdf_1908177665.pdf

²⁴ Ritchie H. What are the safest and cleanest sources of energy? URL: <https://ourworldindata.org/safest-sources-of-energy>

²⁵ PES manifesto. European elections June 2009. URL: https://pes.eu/export/sites/default/Downloads/PES-Documents/ManifestoBook_EN_Online.pdf_1908177665.pdf

²⁶ PES manifesto. European elections June 2009. URL: https://pes.eu/export/sites/default/Downloads/PES-Documents/ManifestoBook_EN_Online.pdf_1908177665.pdf

²⁷ 2020 climate & energy package. URL: https://ec.europa.eu/clima/eu-action/climate-strategies-targets/2020-climate-energy-package_en

²⁸ Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:12012E/TXT:en:PDF>

²⁹ PES manifesto. European elections June 2009. URL: https://pes.eu/export/sites/default/Downloads/PES-Documents/ManifestoBook_EN_Online.pdf_1908177665.pdf

³⁰ Directive 2009/28 — Promotion of the use of energy from renewable sources and amending and subsequently. URL: <https://www.eumonitor.eu/9353000/1/j9vvik7m1c3gyxp/vitgbgixxyw>

³¹ PES manifesto. European elections June 2009. URL: https://pes.eu/export/sites/default/Downloads/PES-Documents/ManifestoBook_EN_Online.pdf_1908177665.pdf

³² S&Ds call to make benefits of European Globalisation Adjustment Fund available to more workers. URL: <https://>

Последствия провала Европейского союза на Конференции в Копенгагене нашли свое отражение в манифесте 2014 г. «На пути к новой Европе», где партия заявила о необходимости «восстановления» европейского лидерства, правда, не только в борьбе с изменением климата, но и с загрязнением, а также в охране природы и ее ресурсов³³. Однако практическая неподготовленность Европейского союза к переговорам 2009 г., а также разногласия между странами привели к неудаче в заключении юридически обязательного документа, а ключевую роль на финальном этапе переговоров по политическому Копенгагенскому аккорду взяли на себя США и ряд крупнейших стран с формирующейся рыночной экономикой (Бразилия, Индия, Китай, Южная Африка). Тогда как ЕС остался в стороне [4, 11].

Прослеживалось и влияние Дохийской поправки к Киотскому протоколу, а также действовавшего «Комплекса мер в области энергетики и изменения климата — 2020» и принятой в том же году «Рамочной стратегии по климату и энергетике до 2030 года»³⁴, в контексте упоминания необходимости следования обязательствам по сокращению выбросов до 2020 г., а также расширения ВИЭ и повышения энергоэффективности. Как следствие, это требовало финансирования «зеленой» экономики, ВИЭ и технологий, а также изменений в моделях мобильности, потребления и производства. Энергетический аспект нашел свое отражение и во внутренних социальных обязательствах ввиду необходимости сокращать нагрузку на природные ресурсы и экологический след, а также гарантировать доступ к энергии для всех³⁵.

В манифесте 2019 г. «Новый социальный контракт для Европы» климатические амбиции и их повышение тесно коррелировали с недавно всту-

пившим в силу Парижским соглашением, в связи с чем появилось упоминание об обновлении промышленности для лидерства в ВИЭ и «климатической нейтральности» к 2050 г.³⁶ В ноябре 2018 г. именно эта дата была обозначена Европейской комиссией в сообщении «Чистая планета для всех». Предыдущая цель, установленная в 2009 г., предполагала сокращение выбросов только на 80–95% к тому же году³⁷. Стоит отметить, что в манифесте не был упомянут целевой показатель к 2030 г., хотя в соответствии с изначальными обязательствами к Парижскому соглашению он составлял «сокращение выбросов парниковых газов как минимум на 40% (по сравнению с уровнем 1990 г.)».³⁸ ПЕС не продемонстрировала в тексте более высокие амбиции, хотя ранее в партии встречались призывы к отметке в 55%³⁹.

Социалисты и демократы предложили также ввести социально справедливый налог на выбросы CO₂ на всей территории ЕС⁴⁰. Идея не нова, попытки создания подобного налогообложения делались в ЕС еще с 1990-х гг., однако эти инициативы сталкивались с нежеланием государств передавать свои компетенции наверх и страдать от таких налогов⁴¹. Кроме того, подчеркивалась важность реализации

www.socialistsanddemocrats.eu/newsroom/sds-call-make-benefits-european-globalisation-adjustment-fund-available-more-workers

³³ Towards a new Europe. PES manifesto. Adopted by the PES Election Congress in Rome on 1 March 2014 European Parliament elections 22–25 May 2014. URL: https://web.archive.org/web/20190526180307/https://pes.eu/export/sites/default/Downloads/PES-Documents/110001306_PES_Manifesto_UK.pdf_1095316046.pdf

³⁴ 2030 climate & energy framework. URL: https://ec.europa.eu/clima/eu-action/climate-strategies-targets/2030-climate-energy-framework_en

³⁵ Towards a new Europe. PES manifesto. Adopted by the PES Election Congress in Rome on 1 March 2014. European Parliament elections 22–25 May 2014. URL: https://web.archive.org/web/20190526180307/https://pes.eu/export/sites/default/Downloads/PES-Documents/110001306_PES_Manifesto_UK.pdf_1095316046.pdf

³⁶ A new social contract for Europe. Party of European Socialists 2019 Manifesto Draft — to be adopted at the PES Election Congress, Marid, 23 February 2019. URL: https://pes.eu/export/sites/default/.galleries/Documents-gallery/PES-Manifesto-2019_EN.pdf_2063069299.pdf

³⁷ Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank: A Clean Planet for all A European strategic long-term vision for a prosperous, modern, competitive and climate neutral economy [COM(2018) 773 final].

³⁸ A new social contract for Europe. Party of European Socialists 2019 Manifesto Draft — to be adopted at the PES Election Congress, Marid, 23 February 2019. URL: https://pes.eu/export/sites/default/.galleries/Documents-gallery/PES-Manifesto-2019_EN.pdf_2063069299.pdf; 2030 climate & energy framework. URL: https://ec.europa.eu/clima/eu-action/climate-strategies-targets/2030-climate-energy-framework_en

³⁹ PES Environment and Climate Change Network: Sustainability is the bedrock of socialist policies. URL: <https://pes.eu/en/news-events/news/detail/PES-Environment-and-Climate-Change-Network-Sustainability-is-the-bedrock-of-socialist-policies/>

⁴⁰ A new social contract for Europe. Party of European Socialists 2019 Manifesto Draft — to be adopted at the PES Election Congress, Marid, 23 February 2019. URL: https://pes.eu/export/sites/default/.galleries/Documents-gallery/PES-Manifesto-2019_EN.pdf_2063069299.pdf

⁴¹ Swedes to push for CO2 tax at EU helm. URL: <https://web.archive.org/web/20091120203530/https://www.euractiv.com/en/climate-change/swedes-push-co2-tax-eu-helm/article-182201>

Целей устойчивого развития (ЦУР) с помощью Фонда справедливого перехода⁴². Предложение о создании фонда появилось еще в 2016 г. в Европейском парламенте, хотя одобрено было только в 2019 г., уже после выборов того же года, параллельно с европейской «Зеленой сделкой»⁴³. В дальнейшем, когда в ЕС принималась «Многолетняя финансовая перспектива на 2021–2027 гг.», был поднят вопрос и о создании фонда, который должен был оказывать помощь наиболее уязвимым углеродоемким регионам при переходе к «климатической нейтральности»⁴⁴.

Последствия принятия ЦУР в 2015 г. получили серьезное отражение в тексте 2019 г. Его раздел, преимущественно посвященный различным экологическим вопросам, даже получил название «Устойчивая Европа, которая защищает нашу планету». Для «устойчивой» Европы были предложены Пакт устойчивого развития с социальными и экологическими целями во избежание превалирования экономических интересов над экологическими и продвижение Плана доступного жилья и чистого общественного транспорта⁴⁵. Последний позднее упоминался и в принятом в феврале 2021 г. документе «На пути к прогрессивным и устойчивым городам»⁴⁶. В свою очередь, Сеть по выработке решений в сфере устойчивого развития и Институт европейской экологической политики уже в 2021 г. предлагали превратить Пакт стабильности и роста в Пакт устойчивого развития⁴⁷.

⁴² A new social contract for Europe. Party of European Socialists 2019 Manifesto Draft — to be adopted at the PES Election Congress, Madrid, 23 February 2019. URL: https://pes.eu/export/sites/default/.galleries/Documents-gallery/PES-Manifesto-2019_EN.pdf_2063069299.pdf

⁴³ Marty O. What should we make of the Just Transition Mechanism put forward by the European Commission? URL: <https://www.robert-schuman.eu/en/european-issues/0567-what-should-we-make-of-the-just-transition-mechanism-put-forward-by-the-european-commission>

⁴⁴ Multiannual financial framework for 2021–2027 adopted. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/12/17/multiannual-financial-framework-for-2021-2027-adopted/>

⁴⁵ A new social contract for Europe. Party of European Socialists 2019 Manifesto Draft — to be adopted at the PES Election Congress, Madrid, 23 February 2019. URL: https://pes.eu/export/sites/default/.galleries/Documents-gallery/PES-Manifesto-2019_EN.pdf_2063069299.pdf

⁴⁶ Leading the Way for Progressive and Sustainable Cities. URL: https://publications.pes.eu/wp-content/uploads/2021/03/Sustainable-Cities-Final-web_bookmarked-1.pdf

⁴⁷ Europe Sustainable Development Report 2021. Transforming the European Union to achieve the Sustainable Development Goals. Includes the SDG Index for the European Union, its member states, and partner countries. URL: <https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopment.report/2021/Europe+Sustainable+Development+Report+2021.pdf>

КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА ПЕС НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Современный этап для развития климатической повестки начался для всех европейских партий и их политических групп после выборов в Европейский парламент в мае 2019 г. С тех пор социал-демократами проводится планомерный курс на выстраивание ассоциации европейской климатической модернизации со своей партией и лично Ф. Тиммермансом. Как уже было упомянуто, последний получил в Европейской комиссии должность Исполнительного вице-президента по европейской «Зеленой сделке». Доказательством приоритетов партии могут послужить слова Президента ПЕС, С. Станишева о том, что «изменение климата — самая важная проблема нашего времени»⁴⁸, а «Зеленая сделка» Ф. Тиммерманса станет поворотным моментом в истории ЕС⁴⁹. Здесь также стоит упомянуть, что ранее, с момента появления специализированного климатического европейского комиссара, данный пост поочередно занимали Конни Хедегорд и Мигель Ариас Каньете, христианские демократы из Европейской народной партии, основного конкурента ПЕС⁵⁰.

Несмотря на международные амбиции Партии европейских социалистов в контексте Конференции в Глазго⁵¹, а также намерения поддерживать Африку и Латинскую Америку⁵², текущий фокус преимущественно находится на внутренней климатической модернизации, а также социальной составляющей производимых трансформаций, которые не должны «никого оставить позади», что только подтверждает предвыборную риторику социалистов и демократов⁵³. Если обобщить, ключевыми приоритетами являются модернизация под европейскую «Зеленую сделку» и осуществление «справедливого перехо-

⁴⁸ Frans Timmermans can deliver a sustainable, green transition that leaves no European behind. URL: https://pes.eu/news_content.php?id=175

⁴⁹ COP25: Progressives look to sustainable new future for Europe. URL: https://pes.eu/news_content.php?id=50

⁵⁰ European Factbook 2011: The European People's Party and Centre-Right Politics. URL: https://www.martenscentre.eu/wp-content/uploads/2020/07/factbook_2011.pdf

⁵¹ EU must be ambitious on climate action in the lead-up to COP26. URL: https://pes.eu/news_content.php?id=1435

⁵² Fairness, Sustainability, Respect. PES Council 2021 Resolution. Adopted by the PES Council in Brussels, 16 December 2021. URL: <https://pes.eu/.galleries/Documents-gallery/PES-AH-015-21-Council-2021-DRAFT-resolution-ENG-Web.pdf>

⁵³ Frans Timmermans can deliver a sustainable, green transition that leaves no European behind. URL: https://pes.eu/news_content.php?id=175

да» (just transition)⁵⁴. Отдельно также отмечают меры по ликвидации последствий пандемии COVID-19: План восстановления для Европы (NextGenerationEU) и Механизм восстановления и повышения стрессоустойчивости как ее ключевой инструмент⁵⁵.

Хронологически наиболее корректно было бы разделить происходящие события на три взаимосвязанных этапа, на которых делает акцент ПЕС. Это принятие европейской «Зеленой сделки», Европейского климатического закона и Плана Европейского союза по «зеленому» переходу, каждый из которых сопровождался бы социально-справедливыми механизмами. Такая риторика сочетает в себе одну из приоритетных тем для граждан Союза с идеологическими социальными основами партии.

Так, европейская «Зеленая сделка» ставится в один ряд с Европейским столпом социальных прав и ЦУР, а вместе они «должны оставаться центральным руководящим принципом всей нашей [ПЕС] европейской политики»⁵⁶. И, несмотря на то, что европейская «Зеленая сделка» — это комплекс инициатив, главной целью которых является достижение «климатической нейтральности» Европейского союза к 2050 г. [12], «социальная устойчивость и справедливость» не должны оставаться в стороне⁵⁷. Это означает, что преобразования в рамках «Зеленой сделки» касаются не только экологического перехода и, как следствие, здесь первостепенное значение имеют Механизм справедливого перехода и Фонд справедливого перехода⁵⁸.

Однако от этого изменение климата не отодвигается на второй план. Как достижение «климатической нейтральности», так и новый целевой показатель по сокращению выбросов парниковых газов (на 55% к 2030 г. в сравнении с уровнем 1990 г.) закрепились в Европейском климатическом законе⁵⁹. И здесь ПЕС подчеркивает свое широкое вовлечение в его инициирование и принятие. В частности,

речь идет об Исполнительном вице-президенте Европейской комиссии, председательствовавших министрах в Совете от Германии (Свенья Шульце) и Португалии (Жуан Педру Матуш Фернандеш), а также докладчике в Европейском парламенте (Юте Гутеланд)⁶⁰. Характеризуя деятельность других депутатов Европейского парламента, можно отметить, что Прогрессивный альянс социалистов и демократов был среди групп, изначально поддержавших целевой показатель в 60% (а не принятые в итоге 55%)⁶¹.

Затем был принят План Европейского союза по «зеленому» переходу, комплекс определенных предложений по изменению законодательства, необходимых для реализации установленных климатических целей⁶². ПЕС широко приветствовала включение предложения по созданию Климатического социального фонда⁶³, целью которого является защита уязвимых потребителей⁶⁴.

ВЫВОДЫ

Как одна из ведущих еврооптимистичных транснациональных партий Партия европейских социалистов и ее политическая группа, Прогрессивный альянс социалистов и демократов долгие годы транслируют климатический дискурс, тесно коррелирующий с проводимым политическим курсом Европейского союза. Наиболее явно это прослеживается на примере международных климатических амбиций и достижений ЕС и их ретрансляции в предвыборных манифестах социалистов и демократов разных лет. Другим примером может послужить переключение фокуса партии с внешних амбиций на внутренние трансформации. С одной стороны, это связано с европейскими внутренними глубокими изменениями, необходимыми для дальнейшего укрепления внешнеполитического лидерства и внутриполитических результатов. С другой стороны, непосредственное влияние здесь имеет сама партия. Обладая достаточным политическим весом, она

⁵⁴ PES welcomes milestone Climate Law. URL: https://pes.eu/news_content.php?id=1063

⁵⁵ Fairness, Sustainability, Respect. PES Council 2021 Resolution. Adopted by the PES Council in Brussels, 16 December 2021. URL: <https://pes.eu/galleries/Documents-gallery/PES-AH-015-21-Council-2021-DRAFT-resolution-ENG-Web.pdf>

⁵⁶ PES ENVI Network: a strong European Green Deal will be the bedrock of the recovery. URL: https://pes.eu/news_content.php?id=360

⁵⁷ PES Environment Network: This is Europe's opportunity to seize a more sustainable future. URL: https://pes.eu/news_content.php?id=381

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ European Climate Law. URL: https://ec.europa.eu/clima/eu-action/european-green-deal/european-climate-law_en.

⁶⁰ Fit for 55 package will lead to a more sustainable and socially fair future. URL: https://pes.eu/news_content.php?id=1440

⁶¹ Timmermans puts Europe on course for climate neutrality by 2050. URL: https://pes.eu/news_content.php?id=1311

⁶² Fit for 55. The EU's plan for a green transition. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/green-deal/eu-plan-for-a-green-transition/>

⁶³ Fit for 55 package will lead to a more sustainable and socially fair future. URL: https://pes.eu/news_content.php?id=1440

⁶⁴ Taylor K. EU's proposed social climate fund comes under fire from all sides. URL: <https://www.euractiv.com/section/energy-environment/news/eu-social-climate-fund-comes-under-fire-from-environment-ministers/>

воздействует на процесс принятия климатических решений, где социальные проблемы граждан союза являются ключевым приоритетом. Назначение Ф. Тиммерманса на должность Исполнительного вице-президента Европейской комиссии по европейской «Зеленой сделке» имеет определяющее значение и является шансом для социал-демократов

увеличить свою привлекательность для избирателей в контексте грядущих выборов в 2024 г. Прежде всего это связано с широким интересом общественности к проблеме изменения климата и курсом партии на проведение ассоциации между своей политической активностью и текущими климатическими достижениями союза.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Aust A. From 'Eurokeynesianism' to the 'Third Way': The Party of European Socialists (PES) and European employment policies. *Social Democratic Party Policies in Contemporary Europe*. Bonoli G., Powell M., eds. London: Routledge; 2003.
2. Lodge J., Herman V. *Direct Elections to the European Parliament: A Community Perspective*. London: Palgrave Macmillan; 1982.
3. Hix S. The Party of European Socialists. *Social Democratic Parties in the European Union: History, Organization, Policies*. Ladrech R., Marlière P., eds. London: Palgrave Macmillan; 1999.
4. Houser T. Copenhagen, the Accord, and the Way Forward. *Policy Brief*. 2010;10(5):1–17.
5. Hovi J., Skodvin T., Andresen S. The Persistence of the Kyoto Protocol: Why Other Annex I Countries Move on Without the United States. *Global Environmental Politics*. 2003;3(4):1–23.
6. Van Schaik L. G., Schunz S. Explaining EU Activism and Impact in Global Climate Politics: Is the Union a Norm- or Interest-Driven Actor? *Journal of Common Market Studies*. 2011;50(1):169–186.
7. Bäckstrand K., Elgström O. The EU's Role in Climate Change Negotiations: from Leader to 'Leadiator'. *Journal of European Public Policy*. 2013;20(10):1369–1386.
8. Bosello F., Buchner B. The Kyoto Protocol: Current State and Implication for EU-25 Member States. A Focus on Agriculture and Forestry. MEACAP WP2 D 3. London: Institute for European Environmental Policy; 2004.
9. Groen L., Niemann A., Oberthür S. The EU as a Global Leader? The Copenhagen and Cancún UN Climate Change Negotiations. *Journal of Contemporary European Research*. 2012;8(2):173–191.
10. Kiyar D., Wittneben B. B.F. Nuclear Energy in the European Union after Fukushima: Political and Economic Considerations. *CESifo DICE Report*. 2012;10(3):9–15.
11. Kreienkamp J. *The Long Road to Paris: The History of the Global Climate Change Regime*. Brussels: Global Governance Institute; 2019.
12. Леонард М., Пизани-Ферри Ж., Шапиро Д., Тальяпиетра С., Вульф Г. Геополитика «Зеленой сделки» Европейского союза. *Вестник международных организаций*. 2021;16(2):204–235.
Leonard M., Pisani-Ferry J., Shapiro J., Tagliapietra S., Wolf G. The Geopolitics of the European Green Deal. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij = International Organisations Research Journal*. 2021;16(2):204–235. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Алена Денисовна Лисенкова — аспирантка факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Alena D. Lisenkova — postgraduate student, School of International Relations, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-2457-3466>

alena.denisovna@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 02.02.2022; принята к публикации 15.05.2022.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 02.02.2022; accepted for publication on 15.05.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-136-142
УДК 323.39(045)

Политическая элита Калужской области: анализ структуры

Д.А. Ежов, М.С. Сироткин
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется структура политической элиты Калужской области. При помощи биографического анализа рассмотрен состав политической элиты региона в исполнительной, законодательной и судебной ветвях власти. В практическом отношении исследовательский интерес сосредоточен вокруг 35 персоналий, входящих в состав региональной элиты и включенных в выборочную совокупность для анализа. Апеллируя к сетевому подходу как методологической основе исследования, авторы по итогам анализа выделяют четыре политические сети, каждая из которых имеет свою степень институционализированности в регионе. Последним контуром исследования является анализ постов представителей элиты в Калужской области. В ходе исследования выявлено, что ключевые распределительные посты занимают политики из первых двух политических сетей. Авторы предлагают рассматривать успешные показатели Калужской области как следствие грамотно выстроенной конфигурации элит, где на ключевых постах работают политики, имеющие политический вес в регионе, что способствует формированию условий для эффективного управления регионом.

Ключевые слова: Калужская область; Росатом; Обнинск; политическая элита; исполнительная власть; политические сети; местная элита; федеральная элита

Для цитирования: Ежов Д.А., Сироткин М.С. Политическая элита Калужской области: анализ структуры. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(5):136-142. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-136-142

ORIGINAL PAPER

Political Elite of Kaluga Region: Structure Analysis

D.A. Ezhov, M.S. Sirotkin
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article analyzes the structure of the political elite of the Kaluga region. By means of biographical analysis, the composition of the political elite of the region in the executive, legislative and judicial branches of government is considered. In practical terms, research interest is concentrated around 35 personalities who are part of the regional elite and included in the sample for analysis. Appealing to the network approach as the methodological basis of the research, the authors, based on the results of the analysis, identify four political networks, each of which has its degree of institutionalization in the region. The last contour of the research is the analysis of the posts of elite representatives in the Kaluga region. During the research it is revealed that the key distribution posts are occupied by politicians from the first two levels of political networks. The authors propose to consider the successful indicators of the Kaluga Region as a consequence of a well-structured configuration of elites, where key posts are occupied by politicians with political influence in the region, which contributes to the formation of conditions for effective management of the region.

Keywords: Kaluga Region; Rosatom; Obninsk; political elite; executive power; political networks; local elite; federal elite

For citation: Ezhov D.A., Sirotkin M.S. Political elite of Kaluga region: Structure analysis. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(5):136-142. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-136-142

ВВЕДЕНИЕ

В силу специфики совокупности социально-экономических и политических ресурсов в развитии конкретных субъектов Российской Федерации наблюдаются различные тенденции, что обуславливает актуальность исследования структуры региональных элит в целях лучшего понимания истинных причин эффективности или неэффективности того или иного региона. Такие исследования позволяют определить внутреннюю структуру политической власти регионов, что предоставляет возможность построить объяснительные модели того, почему одни субъекты более успешны в социально-экономическом аспекте, чем другие.

На протяжении последних лет Калужская область показывает высокие темпы развития региона по социально-экономическим показателям. По данным РИА-рейтинга, Калужская область поднялась с 35-го на 27-е место в рейтинге социально-экономического развития регионов за 5 лет¹. По итогам 2020 г., регион оказался в десятке лучших субъектов Российской Федерации по качеству жизни населения². Ключевой проблемой исследования является определение механизмов, которые позволяют региону показывать устойчивый социально-экономический рост в условиях общей турбулентности экономического пространства в общероссийском контексте. Такие показатели развития региона можно объяснить не только качественным управлением или высоким уровнем доходов региона, но и сложившейся конфигурацией политических и экономических элит внутри него, наличием между ними общих интересов.

Изложенное выше предопределило объектно-предметную область исследования, теоретической основой которого стали работы, посвященные проблемам рекрутирования элит [1–4], а также рассмотрению особенностей и проблем конфигурации политической элиты [5]. Методологическую базу исследования составил сетевой подход, применение которого позволило выявить структуру взаимодействия интегрированных в региональную элиту Калужской

области акторов и рассмотреть совокупность горизонтальных и вертикальных связей между ними. К основополагающим работам, в которых изучаются особенности сетевой структуры, следует отнести труды А. Гоулднера [6], М. Крозье [7], А. Этциони [8]. Сетевой подход к анализу региональных элит, в частности, рассматривается К.В. Мельниковым [9], А.Е. Чириковой и В.Г. Ледаевым [10], О.Г. Щениной [11], О.Б. Подвинцевым и О.А. Рябовой [12]. Кроме того, он широко применим при изучении законодательных органов власти [13] и цифровых онлайн-сообществ [14]. Методика проведения исследования построена на биографическом анализе. В рамках изучения политической структуры региональной элиты рассмотрена принадлежность политика к «местной» или «неместной» политической элите, проанализирован возраст и его опыт в политике (количество лет, проведенных на текущей должности).

В предопределенную исследовательским интересом выборочную совокупность входят 35 представителей региональной элиты Калужской области, включая лиц, занимающих посты в исполнительной власти (министры Калужской области, заместители губернатора Калужской области и губернатор Калужской области); законодательной власти (председатель Законодательного собрания, первый заместитель и заместитель председателя Законодательного собрания); судебной власти (председатель и заместители председателя Калужского областного суда, председатель и заместители председателя Калужского арбитражного суда, председатель и заместители Калужского гарнизонного военного суда, председатель и заместители Калужского районного суда³).

Данные по элитам были собраны на основании открытых источников, в том числе портала органов власти Калужской области, сайта Законодательного собрания Калужской области, официальных порталов судов Калужской области.

Хронологические рамки работы ограничены исследовательским интересом, что обуславливает актуальность анализируемых данных по состоянию на май 2022 г.

¹ РИА-рейтинг URL: https://riarating.ru/regions/?date_start=20170101&date=20170131 (дата обращения: 11.06.2022).

² Калужская область оказалась в топ-10 регионов с самым высоким уровнем жизни. Kaluga-poisk.ru. URL: <https://www.kaluga-poisk.ru/news/obschestvo/kaluzhskaya-oblast-okazalas-v-top-10-regionov-s-samym-vysokim-urovнем-zhizni> (дата обращения: 11.06.2022).

³ С учетом того, что под юрисдикцию Калужского районного суда попадает город Калуга, являющийся административным центром региона, включение в выборку его руководителей представляется репрезентативным в контексте проведения исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ

По результатам проведенного исследования в структуре политической элиты Калужской области выявлено четыре типа политических сетей. Первую и вторую можно по праву считать ключевыми политическими группами. В общей сложности они составляют 16 персоналий из выборки в 35 акторов (45,8%). Первая политическая сеть, включающая 6 политических акторов, характеризуется связью с Обнинском. Ее члены занимают самые ресурсные посты среди представителей исполнительной власти. Вторая сеть — «местная» политическая элита, политические акторы, родившиеся в Калужской области и построившие свою политическую карьеру на региональном уровне (13 представителей), также занимающие ключевые посты. «Неместной» политической элитой в исследовании считаются все политики, не родившиеся в Калужской области, а значит, в большинстве своем не начинавшие карьеру в Калужской области.

Первая и вторая политические сети тесно взаимосвязаны между собой: 3 из 6 акторов первой политической сети также относятся ко второй — по месту рождения. Установленные данные позволили нам прийти к выводу, что первая и вторая политические сети составляют каркас политической элиты, который задает тон политическому и экономическому курсу региона. Ядром каркаса, по состоянию на момент проведения исследования, являются политические акторы, связанные с Обнинском, которых можно назвать ключевыми субъектами региональной политики. Именно эта элитная группа имеет наиболее существенный политический вес для реализации стратегии развития Калужской области.

Политики из третьей и четвертой политических сетей также занимают высокие посты и играют существенную роль в реализации политики региона. В то же время мы можем наблюдать тенденцию к распределению ключевых постов в зависимости от принадлежности к выделенным политическим сетям. Вероятно, такой механизм распределения власти позволяет региону демонстрировать устойчивый рост. Однако стоит заметить, что существующий механизм распределения власти не всегда работает одинаково эффективно. Для лучшего понимания деятельности данного механизма необходимо более углубленно исследовать структуру власти региона.

В ходе анализа всей совокупности политической элиты региона наблюдается умеренная

корреляция между возрастом политиков и их стажем на текущей должности — 0,439, в то время как прямой связи между возрастом и нахождением на занимаемой должности не отмечено.

ОБСУЖДЕНИЕ

В рамках анализа «местной» политической элиты в собранной базе данных было выделено 13 политиков из 35, родившихся в Калужской области.

Первым контуром исследования является анализ возрастных параметров представителей «местной» политической элиты. Средний возраст составил 54 года, самому молодому политику из соответствующей выборки 43 года. Такие возрастные пороги говорят о достаточно опытной политической элите региона, — в группе отсутствуют политики, которым меньше 35 лет. Однако стоит отметить, что средний возраст представителей политической элиты, не родившейся в пределах Калужской области, составляет 55 лет. В контексте исследования очевидно, что возраст не является индикатором, характеризующим «местную» и «неместную» политическую элиты; констатируется отсутствие явной тенденции к омоложению региональной элиты.

Вторым контуром исследования является анализ скорости ротации акторов в системе власти Калужской области. Срок нахождения на текущем посту у представителей «местной» политической элиты в среднем на полгода больше, чем у «неместной» политической элиты (6,5 лет против 6 лет). Из полученных данных следует, что «местная» политическая элита, занимая на высших постах около 46% мест в среднем на 8% больше времени проводит на своих должностях, в отличие от «неместной».

Рассматривая всю совокупность данных по 35 акторам из политической элиты Калужской области, необходимо определить группу политиков, имевших опыт работы на федеральном уровне. Таких оказалось 4 человека. Все акторы, работавшие на федеральном уровне, не являются уроженцами Калужской области, а значит, не принадлежат к «местной» политической элите.

Для углубленного анализа политических сетей рассмотрим политическую элиту с точки зрения карьеры ее представителей в Калужской области, а также принадлежности к городу Обнинску. Город является атомным наукоградом и неофициальной столицей атомной энергетики, что опосредованно может связывать высшую политическую элиту с Росатомом (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Политическая элита Обнинска / Obninsk's political elite

Судебная власть	Должность
С.В. Жилев	Председатель Калужского областного суда
С.А. Амеличева	Заместитель председателя Калужского областного суда
Исполнительная власть	
В.В. Шапша	Губернатор Калужской области (ранее занимал пост главы администрации Обнинска с 2015 по 2020 г.)
К.С. Башкатова	Руководитель администрации губернатора, заместитель губернатора
К.В. Пахоменко	Министр здравоохранения
В.В. Лежнин	Министр строительства и ЖКХ

Источник / Source: составлено авторами / compiled by authors.

При этом все политики, связанные с Обнинском, получили текущие должности в контексте прихода В.В. Шапши. Все вышеназванные акторы начали свой трудовой стаж на текущей должности не раньше 2018 г. Нужно отметить, что в исполнительной власти команда губернатора заняла руководящие должности тех министерств, которые опосредованно отвечают за проекты, реализуемые в настоящее время Росатомом. Например, в Обнинске планируется создание инновационного научно-технологического центра⁴ (при влиянии Министерства строительства и ЖКХ). В этом центре будут проводиться исследования в области ядерной медицины и информационно-коммуникационных технологий. В декабре 2021 г. появилось сообщение о том, что в Обнинске будет построен завод по производству радиофармпрепаратов по стандартам GMP⁵ (при влиянии Министерства здравоохранения). Таким образом, мы можем выделить еще одну политическую сеть — политики, связанные с Обнинском, и опосредованно — с Росатомом. Ее также можно назвать командой губернатора В.В. Шапши.

Стоит рассмотреть подробнее и специфику обновления политической элиты Калужской области, которая произошла вместе со сменой губернатора. Для оценки ротации политической

элиты были взяты политические акторы, которые находятся на своем посту не более 3-х лет. Такой срок — это период, в рамках которого ротацию кадров можно рассматривать в связи со сменой губернатора. Из 35 представителей за этот срок сменили свое место работы 16 политиков. Таким образом, политическая элита вместе с губернатором обновилась практически на 46%. Стоит отметить, что все 6 акторов первой политической сети, связанной с Обнинском, пришли к своим нынешним постам в последние 3 года. В данном случае следует более детально изучить, кто из них действительно пришел как член команды нового губернатора, а кто получил свой пост исходя из заранее предписанных процедур (таких, как, например, назначение судей субъектов РФ). Поэтому остановимся на исполнительной власти, где роль губернатора для проведения кадровой политики более значима, чем в других ветвях власти.

За последние 3 года, не считая губернатора, в исполнительной власти сменилось 6 человек. В этот список входят все политики, связанные с Обнинском, а также 3 политика, не связанных с Обнинском: министр цифрового развития, министр природных ресурсов и экологии и министр спорта (имеющий опыт работы в федеральной власти). Это позволяет нам получить полную картину обновления кадров в структуре политической элиты Калужской области. Из 6 человек, которые сменили свое место работы в контексте прихода В.В. Шапши, 3 были связаны с Обнинском и получили более «ресурсные» посты в исполнительной власти, чем остальные (табл. 2).

⁴ Владислав Шапша отчитался за 2020 год. URL: <https://obninsk.name/news32347> (дата обращения: 11.06.2022).

⁵ «Росатом» вложит 9 млрд рублей в завод по производству РФП по стандартам GMP в Обнинске. URL: <https://vademec.ru/news/2021/12/30/rosatom-vlozhit-9-mlrd-rublej-v-zavod-po-proizvodstvu-rfp-po-standartam-gmp-v-obninske/> (дата обращения: 11.06.2022).

Актеры, пришедшие на текущее место работы за последние 3 года / Actors who came to current job in the last 3 years

Актер	Место рождения	Принадлежность к Обнинску	Должность
К.С. Башкатова	Калужская область	Да	Руководитель аппарата губернатора, заместитель губернатора
К.В. Пахоменко	Омская область	Да	Министр здравоохранения
В.В. Лежнин	Туркмения	Да	Министр строительства и ЖКХ
Д.О. Разумовский	Архангельская область	Нет	Министр цифрового развития
В.И. Жипа	Украина	Нет	Министр природных ресурсов и экологии
О.Э. Сердюков	Украина	Нет	Министр спорта (имеет опыт работы на федеральном уровне)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by authors.

Последним контуром исследования является анализ распределения мест между «местной» и «неместной» политической элитой. Политики из группы «местной» политической элиты занимают практически все ключевые места. Например, в исполнительной власти мы можем считать таковыми министерство финансов (как ключевой распределительный институт) и министерство дорожного хозяйства (как важный институт по распределению ресурсов в рамках важных инфраструктурных проектов). В судебной власти представители первых двух политических сетей являются председателями судов в 2-х из 4-х случаев (председатель Калужского районного суда И. А. Лазуткин и председатель Калужского областного суда С. В. Жиляев). Стоит отметить, что заместители председателя Калужского областного суда — также представители первых двух политических сетей: Н. Н. Матвеева и С. А. Амеличева. В законодательной власти А. В. Ефремов, представитель от Калужской области, занимает пост заместителя председателя Законодательного собрания области.

ВЫВОДЫ

Рассмотрение конфигураций региональных политических элит позволяет лучше понимать действительные политические и экономические интересы правительств субъектов РФ. На примере Калужской области — динамично развивающегося региона Центрального федерального округа — показана сложная сетевая структура, существующая в настоящее время в субъекте. Стоит отметить, что выявленные политические сети являются абстрактной конструкцией. Имеет смысл рассматривать такие политические группы не отдельно, а в комплексе, вместе с анализом распределения мест в политической элите, исследованием процентного соотношения данных групп (например, где больше или меньше представителей федеральной политической элиты).

Для расширения полученных результатов необходимо продолжать исследования структуры политических элит в других субъектах РФ, что в итоге позволит сравнить полученные результаты и выявить особенности региональных элитных конфигураций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Калугин О. А. Механизмы элитообразования в регионе на историческом опыте формирования калужских политико-административных групп. *Полис. Политические исследования*. 1998;(4):145–151.
2. Гилёв А. В. Политические машины и политический клиентелизм в российских регионах. *Политическая наука*. 2017;(4):61–84.
3. Шестопап Е. Б. Элиты и общество как политические акторы постсоветской России. *Социологические исследования*. 2016;5(385):35–43.

4. Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (I). *Полис. Политические исследования*. 2004;(2):6–19.
5. Очирова В.М. Структура политической элиты. *Вестник Читинского государственного университета*. 2010;7(64):77–84.
6. Gouldner A. W. *Patterns of Industrial Bureaucracy*. N.Y.: Free Press; 1954. 282 p.
7. Crozier M. *The Bureaucratic Phenomenon*. Chicago: University of Chicago Press; 1964. 320 p.
8. Etzioni A. *Modern Organizations*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall; 1964. 120 p.
9. Мельников К.В. Клиентелизм и неформальные сети региональных элит в России: опыт сетевого анализа на примере Свердловской области. *Полис. Политические исследования*. 2021;(6):171–188. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.12>
10. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Топ-менеджмент градообразующих предприятий и legislatures малых городов: персоны имеют значение. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2022;(1):4–22. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.101>
11. Щенина О.Г. Конфигурации сетевого взаимодействия политической элиты и гражданского общества. Российская элитология: инновационные ответы на вызовы современного мира. Сборник научных трудов. Ростов-на-Дону: ЮРИУФ РАНХиГС; 2019.
12. Подвинцев О.Б., Рябова О.А. Тенденции трансформации лоббистских структур в органах местного самоуправления малых российских городов (на примере Пермского края). *Вестник Пермского университета. Политология*. 2018;(3):138–147.
13. Помигуев И.А., Фомин И.В., Мальцев А.М. Сетевой подход в законодательных исследованиях: перспективные методы качественного и количественного анализа парламентской деятельности. *Политическая наука*. 2021;(4):31–59. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2021.04.02>
14. Домбровская А.Ю., Парма Р.В., Азаров А.А. Социально-медийная инфраструктура гражданского участия россиян: анализ графов пересечения аудитории сообществ социально-политической направленности в рунете. *Вестник Института социологии*. 2021;(2):158–174. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.2.720>

REFERENCES

1. Kalugin O. A. Mechanisms of elite formation in the region on the historical experience of the formation of Kaluga political and administrative groups. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political studies*. 1998;(4):145–151. (In Russ.).
2. Gilev A. V. Political machines and political clientelism in Russian regions. *Politicheskaya nauka = Political Science*. 2017;(4):61–84. (In Russ.).
3. Shestopal E. B. Elites and society as political actors of post-Soviet Russia. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2016; (5):35–43. (In Russ.).
4. Gaman-Golutvina O. V. Regional elites of Russia: personal composition and trends of evolution (I). *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political studies*. 2004;(2):6–19. (In Russ.).
5. Ochirova V.M. The structure of the political elite. *Vestnik CHitinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chita State University*. 2010;(7):77–84. (In Russ.).
6. Gouldner A. W. *Patterns of Industrial Bureaucracy*. N.Y.: Free Press; 1954. 282 p.
7. Crozier M. *The Bureaucratic Phenomenon*. Chicago: University of Chicago Press; 1964. 320 p.
8. Etzioni A. *Modern Organizations*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall; 1964. 120 p.
9. Melnikov K. V. Clientelism and informal networks of regional elites in Russia: the experience of network analysis on the example of the Sverdlovsk region. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political studies*. 2021;(6):171–188. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.12>
10. Chirikova A. E., Ledyayev V. G. Top-management of city-forming enterprises and legislatures of small towns: persons matter. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS = Political expertise: POLITEX*. 2022;(1):4–22. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.101>
11. Shchenina O. G. Configurations of network interaction between the political elite and civil society. *Rossiyskaya elitologiya: innovacionnye otvety na vyzovy sovremennogo mira = Russian elitology: innovative responses to the challenges of the modern world* — collection of scientific papers. Rostov-on-Don: SRIMF RANEPА; 2019. (In Russ.).

12. Podvintsev O.B., Ryabova O.A. Trends in the transformation of lobbying structures in local governments of small Russian cities (on the example of the Perm Region). *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya = Bulletin of Perm University. Political science*. 2018;(3):138–147. (In Russ.).
13. Pomiguyev I.A., Fomin I.V., Maltsev A.M. Network approach in legislative research: promising methods of qualitative and quantitative analysis of parliamentary activity. *Politicheskaya nauka = Political Science*. 2021;(4):31–59. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2021.04.02>
14. Dombrovskaya A. Yu., Parma R.V., Azarov A.A. Social and media infrastructure of civic participation of Russians: analysis of graphs of intersection of the audience of socio-political communities in runet. *Vestnik Instituta sociologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2021;(2):158–174. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.2.720>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Дмитрий Александрович Ежов — кандидат политических наук, доцент департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
Dmitriy A. Ezhov — Cand. Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Department of Political Sciences, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7103-836X>
president@lenta.ru

Михаил Сергеевич Сироткин — студент 4-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, стажер-исследователь департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
Mikhail S. Sirotkin — student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Intern Researcher of the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-2749-6862>
mikhail_sirotkin@bk.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 02.06.2022; принята к публикации 20.08.2022.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 02.06.2022; accepted for publication on 20.08.2022.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-143-149
УДК 378.147.34(045)

Традиционный и массовый открытый онлайн-курс «Деловая коммуникация»: перспективы для системы высшего образования

Т.Л. Копусь

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Цифровизация трансформирует бизнес, увеличивая количество каналов внешней и внутренней деловой коммуникации компаний. На этом фоне актуальным представляется изучение отличий обучения деловой коммуникации в цифровой среде и в аудитории. В статье представлены результаты сопоставительного исследования курса «Деловая коммуникация», реализуемого в системе профессионального высшего образования и при онлайн-обучении. На первом этапе исследования составлен реестр содержательных характеристик курса, таких как: тематика; навыки деловой коммуникации, заявленные для формирования, и планируемые результаты обучения в традиционном и в онлайн-формате. На втором этапе осуществлен сопоставительный анализ по выделенным параметрам. В результате анализа содержательных характеристик курса выявлены изменения, произошедшие под влиянием цифровизации в тематике онлайн-курса, а также специфика формируемых навыков и результатов обучения деловой коммуникации в аудиторном и в онлайн-курсе. Исследование позволяет преподавателям курса «Деловая коммуникация» увидеть перспективы в развитии дисциплины.

Ключевые слова: деловая коммуникация; цифровизация в образовании; массовый открытый онлайн-курс; деловая письменная коммуникация; деловая устная коммуникация; визуальная коммуникация; педагогика произведения

Для цитирования: Копусь Т.Л. Традиционный и массовый открытый онлайн-курс «Деловая коммуникация»: перспективы для системы высшего образования. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(5):143-149. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-143-149

ORIGINAL PAPER

Traditional and Mass Open Online Course “Business Communication”: Perspectives for Higher Education

T.L. Kopus

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Digitalization transforms business by multiplying the channels of external and internal communication of companies, influencing business communication. Against this background, the study of differences in business communication training in the digital environment and in the audience is relevant. The article presents the results of a comparative study of the course “Business Communication”, implemented in the system of professional higher education and in online learning. At the first stage of the research, a register of the content characteristics of the course was compiled, such as: topics; business communication skills declared for the formation, and the planned results of the training in the traditional and online format. At the second stage, a comparative analysis was carried out according to the parameters identified at the first stage. As a result of the analysis of the content characteristics of the course revealed changes that occurred under the influence of digitalization in the topic of the online course, as well as the specificity of the skills and results of business communication training in the classroom and in the online course. The research allows the teachers of the course “Business Communication” to notice prospects in the development of the discipline.

Keywords: business communication; digitalization in education; mass open online course; business written communication; business oral communication; visual communication; pedagogy works

For citation: Kopus T.L. Traditional and mass open online course “Business communication”: Perspectives for higher education. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(5):143-149. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-143-149

ВВЕДЕНИЕ

Объектом исследования для выявления влияния цифровизации на курс «Деловая коммуникация» послужил массовый открытый онлайн-курс (далее — MOOK). Эйфория относительно MOOK как прорывной технологии, открывающей равный доступ к качественному образованию от ведущих мировых университетов, на следующем этапе сменилась критической рефлексией. Одной из острых проблем первого этапа MOOK стало отсутствие новизны в методе. Речь идет о переносе содержания учебников в формат видеолекций и тестовых заданий к ним, что приводило лишь к смене канала восприятия информации [1]. Кроме этого, выявилась отчетливая тенденция: процент тех, кто завершает обучение, в несколько раз ниже, чем тех, кто зарегистрировался на онлайн-курс. Еще одним неучтенным моментом стало преуменьшение роли социализации и социального присутствия преподавателя и сообщества одноклассников при обучении. Форумы, созданные в целях обсуждения сложных или непонятных тем внутри онлайн-курсов, не выполняли этой функции [2, 3]. В результате MOOK на некоторых образовательных платформах стал восприниматься как тип неформального образования в линейке курсов повышения квалификации или переобучения. Однако под влиянием ковидных ограничений интерес к ним возрос.

В качестве площадки для исследования тематического содержания курса «Деловая коммуникация» в цифровой среде выбрана платформа массовых открытых онлайн-курсов «Coursera». Выбор платформы обусловлен наличием сертификации от университетов мирового уровня и отраслевых специалистов, а также заявлением компании Coursera о первичном публичном размещении акций на бирже в 2021 г. в открытом доступе¹.

Для выявления содержательных отличий традиционного аудиторного курса «Деловая коммуникация» от одноименного курса, реализуемого в цифровой среде, за точку отсчета берутся результаты аудита данного курса [4], представленного международной Ассоциацией деловой коммуникации².

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Анализ зарубежной научной литературы по заявленной теме свидетельствует о том, что преподавание деловой коммуникации в системе высшего образования — актуальное направление. Международные ассоциации специалистов по деловой коммуникации в системе высшего образования и профессиональные сообщества (например, Европейская ассоциация специалистов по коммуникации в сфере высшего образования³, Международная ассоциация бизнес-коммуникаторов⁴, Глобальный альянс по связям с общественностью и управлению коммуникациями⁵) представляют исследования, сосредоточенные в основном на корпоративной коммуникации и связях с общественностью. В рамках заявленной темы интерес вызывают работы международной междисциплинарной Ассоциации деловой коммуникации⁶, которая проводит аудит курса «Деловая коммуникация» в системе высшего образования начиная с 1976 г. Периодические аудиты и оценки курса за последние 46 лет, представленные в работах Б. Пирсинга [5], К. Дэвида [6], С. Обера [7], Б. Нельсона [8], М. Найта [9], Т.Л. Расса [10], М.Р. Шарпа [11], Ф. Мошири [12] и др., помогли выявить лучшие практики и тенденции, предоставив актуальную информацию о тематическом содержании курсов делового общения для профессионального сообщества преподавателей.

Содержание курса претерпевало изменения в части тематического варьирования в зависимости от того, какой форме коммуникации, письменной или устной, уделялось больше времени на занятии. В исследованиях К. Дэвида [6], С. Обера [7] в 80-е гг. прошлого столетия главной темой курса было деловое письмо, и навыки обучения письменному формату существенно доминировали. Наиболее распространенные виды заданий включали написание отчетов, писем и резюме. Показательна интенсивность преподавания навыков письменной речи в то время: среднее количество письменных заданий за время курса составляло около десяти.

³ European Association of Communication Professionals in Higher Education. URL: <https://www.euprio.eu/>

⁴ International Association of Business Communicators. URL: <https://www.iabc.com/>

⁵ The Global Alliance for Public Relations and Communication Management. URL: <https://www.globalalliancepr.org/>

⁶ The Association for Business Communication (ABC). URL: <https://www.businesscommunication.org/>

¹ Coursera Impact Report, 2021. URL: <https://about.coursera.org/press/wp-content/uploads/2021/11/2021-Coursera-Impact-Report.pdf>

² The Association for Business Communication (ABC). URL: <https://www.businesscommunication.org/>

Появление в тематике курса устных форм делового общения было отмечено в аудите 1992 г. [8], где упоминался умеренный интерес к обучению межличностному общению на рабочем месте и некоторое внимание уделялось обучению устным публичным выступлениям и презентациям.

В работе Т.Л. Расса 2006 г. были отмечены новые тенденции [10]. Студентов обучали техникам убеждения в письменной коммуникации, а также написанию позитивно и/или негативно окрашенных сообщений в вертикальной (с руководителями и подчиненными) и горизонтальной (с коллегами) плоскостях общения на рабочем месте. Помимо отчетов, писем и резюме, преподаватели высшей школы обучали студентов, как писать внутренние служебные записки и рекомендации для трудоустройства. В работе говорилось, что возрастает интерес к устным формам коммуникации в команде, а также к межкультурной деловой коммуникации.

Последний аудит такого рода был проведен в 2018 г. среди 198 респондентов, работающих в высших учебных заведениях. Из них 77,5% вели курс под названием: «Деловая коммуникация», 40,0% — «Деловая письменная коммуникация», 22,5% — «Профессиональная письменная коммуникация», 19,5% — «Риторика и публичные выступления» 17,5% — «Профессиональная коммуникация», 15,5% — «Техническая коммуникация» 14% — «Межкультурная коммуникация», 10,5% — «Коммуникация на рабочем месте». Согласно опросу респонденты могли выбирать более одного ответа [4].

Как значительную тенденцию в 2018 г. зарубежные авторы отмечают, что «Деловая письменная коммуникация» остается самой востребованной темой, об этом заявили 86% респондентов. Самые распространенные задания касаются техник убеждения, написания сообщений «обычной» категории срочности, сопроводительных писем, резюме и бизнес-предложений, а также сообщения хороших/плохих новостей. При этом зафиксирован сдвиг в сторону обучения электронному письму: 68,8% преподавателей делового общения отводят существенное количество времени обучению именно этому навыку [4].

Также появилось множество тем, не вошедших в исследования прошлых лет: «социальные и медиатехнологии», «разнообразие и инклюзивность», «критическое мышление и доступность». Касательно социальных и медиатехнологий назван навык выстраивания профессиональных

социальных контактов в сетях, например в сети «LinkedIn» (33,5%). Преподаватели отводят время на обучение ведению деловой смс-переписки и обмену сообщениями (30,9%), командной работе с использованием платформ (21,9%), проведению онлайн-совещаний и видеоконференций (16,3%), участию в онлайн-форумах с дискуссионными площадками (18,0%), использованию интерактивных технологий для презентаций, например, с целью онлайн-опроса (15,7%), ведению блогов и википедии (12,5%) [4].

Данное зарубежное исследование, несомненно, освещает тему влияния цифровизации на курс «Деловая коммуникация». Однако нельзя не отметить недостатки данной работы. Во-первых, представленная система высшего образования ограничена географически. Во-вторых, описаны преимущественно содержательные изменения при проведении занятий в аудитории, поскольку 89,5% респондентов заявили, что они ведут обучение в таком формате [4]. В-третьих, аудит проводился в 2018 г., его результаты опубликованы в 2020 г. и не учитывают изменения, повлиявшие на систему высшего образования под воздействием пандемии коронавируса [13]. В новой реальности для вузов контактная работа со студентами перенесена в цифровую среду⁷. В качестве альтернативы традиционному контактному преподаванию используются, в том числе, и онлайн-курсы. В этой связи интересен опыт международных площадок, который позволяет ознакомиться с преподаванием курса «Деловая коммуникация» в цифровой среде, а также отслеживать новые тенденции в этой области.

Таким образом, основной исследовательский вопрос состоит в следующем: отличается ли курс «Деловая коммуникация» в MOOK от аудиторного и чем именно?

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическую основу исследования составляет сравнительный метод, позволяющий изучить общие закономерности явлений, определить происходящие изменения, установить тенденции развития [14], а также метод семантического анализа ключевых сем в названиях онлайн-кур-

⁷ UNESCO. COVID-19 Educational Disruption and Response. 2020. URL: <https://www.iiep.unesco.org/en/covid-19-educational-disruption-and-response-13363>

сов, модулей и проектов и учебно-методических программах курсов.

Объектом исследования служат учебно-методические программы MOOK. Методика исследования включает выборку курсов на обучающей платформе «Coursera» с последующим анализом тематического планирования в рабочих программах. Одна из проблем отбора MOOK заключается в том, что в результате поиска по названию курса или по конкретной теме, например «Business Communication», появляется список, состоящий из более чем тысячи курсов, в которых поисковый запрос может упоминаться, но не быть ключевым [15]. Поэтому отбор соотносимых курсов по запросу «Business Communication» без фильтров и идентификация их вручную является трудоемкой задачей. Выборка проводилась в период с сентября по декабрь 2021 г. и составила 200 курсов, 42 из которых относятся к формату «Проект с консультацией». Отбор происходил по поисковым запросам: «Деловая коммуникация», «Деловая письменная коммуникация», «Профессиональная коммуникация», «Профессиональная письменная коммуникация», что качественно сопоставимо с тематикой курсов, преподаваемых в аудитории.

Платформы с MOOK экспериментируют с содержанием курсов, методами преподавания и обучения, а также со стратегиями оценки [16]. Для понимания результатов анализа отметим, что на платформе «Coursera» размещены разные по объему образовательные продукты, такие как «Специализации», «Проекты с консультациями». «Специализация» состоит из нескольких курсов, каждый из которых рассчитан на 3–4 часа обучения в неделю (всего 4 недели с отдельными модулями). Обучение на проекте с консультацией длится примерно столько же и занимает в среднем 2,5–3 часа в неделю. Следуя критерию завершенности учебной деятельности и наличия результатов обучения, за единицу анализа взяты модуль курса и «Проект с консультацией».

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Реализованный на первом этапе прикладного исследования отбор курсов по деловой коммуникации, размещенных на платформе «Coursera», позволил определить их содержательные характеристики по следующим показателям:

- тематика модуля;
- форма деловой коммуникации;
- результат обучения.

В ходе анализа выявлен ряд закономерностей, отражающих сходство и различия в тематике курса «Деловая коммуникация» в цифровой среде и в аудитории. Наибольшее сходство просматривается в тематике, приведенной в *таблице*.

При сопоставлении качественных данных по тематике традиционного курса с тем, что предлагает онлайн-курс на платформе «Coursera», отмечается совпадение в широком понимании темы обучения. Однако существенная разница наблюдается в распределении количественных показателей модулей курса на цифровой платформе. Если в традиционном курсе набор содержательных единиц демонстрирует перевес в пользу письменных форм деловой коммуникации, то для онлайн-курса характерен динамичный перечень, расширяющийся за счет специфичных тем (например, «Навыки письма для лидеров инженерной отрасли»), а также узко специфичных тем, равных одному приему/технике (например, «Как подготовиться к собеседованию: метод STAR»). Равномерное распределение тематики онлайн-курсов в пределах от 15,1 до 1,9% является результатом открытости платформы и одновременно коммодификации курса как коммерческого продукта, включающего репутационную составляющую образовательной организации, работающей по правилам рынка и маркетинга в условиях серьезной конкуренции. В целях привлечения внимания к своему учебному продукту разработчики курсов стремятся к его уникальности, соответствию потребностям целевой аудитории. Это объясняет редкую повторяемость и разнообразие тем, вынесенных в названия онлайн-курсов и модулей.

Нельзя не отметить, что для платформы онлайн-курсов характерны вариации темы «Английский язык для делового общения» (15,1%), которая не актуальна для общенациональных аудитов в вузах англоговорящих стран. К распространенным на цифровой платформе следует отнести вариации тем для устной формы деловой коммуникации: «Переговоры» (18,9%), «Управление конфликтами и разрешение конфликтов» (18,4%).

Тенденцией цифрового курса является междисциплинарность. Так, лекция о презентации может касаться ораторского мастерства, лингвистики; на ней учащимся будут рассказывать о навыках, необходимых для написания текста, визуализации, создания графического дизайна и т.д. На цифровой платформе MOOK практикуется преподавание курса несколькими

Тематика традиционного курса по деловой коммуникации и модулей MOOC / Topics of traditional course on business communication and MOOCs modules

Тематика курса	Традиционный курс «Деловая коммуникация», n = 198	MOOC, n = 158, не включая проекты с консультациями
Электронное письмо	81,3%	10,1%
Техники убеждения	80,3%	3,4%
Служебные записки	76,2%	1,9%
Резюме / сопроводительные письма	68,9%	10,2%
Презентация с визуальным рядом	78,3%	13,3%
Межкультурная коммуникация	14%	6,3%
Английский язык для делового общения	0%	15,1%

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

инструкторами, в среднем — двумя или тремя, специализирующимися на одном из аспектов. В этом плане можно говорить об усложнении одного курса за счет нескольких модулей, распределяемых среди инструкторов-экспертов.

Коммерческие платформы для MOOC критикуют за то, что большинство их инициатив касаются бизнеса, а не самого обучения. Начало этой критике положил формат «Проект с консультациями», который также отвечает еще одной тенденции. Она заключается в уменьшении формируемых навыков до микроразмеров для использования определенных технологий с конкретной индивидуализированной целью. Интерес представляет сам формат: задания выполняются в режиме разделенного экрана в браузере. В левой части обучающийся работает в своем рабочем пространстве, следуя за пошаговыми инструкциями преподавателя, отраслевого эксперта, находящегося в правой части экрана. Обучение длится в пределах 1,5–2,5 часов, а пошаговые инструкции выстроены таким образом, что позволяют за отведенное время освоить до пяти микронавыков. Каждый шаг в инструкции занимает от 4-х до 6 минут. Повторяя действия инструктора, обучающийся осваивает инструменты и завершает проект с готовым продуктом.

Тематика проектов с консультациями, соответствующими курсу «Деловая коммуникация», подчеркивает влияние цифровизации на курс.

Во-первых, проекты по деловому письменному языку демонстрируют, как цифровые технологии автоматизируют повторяющиеся или упорядоченные действия в деловой письменной коммуникации. В формате проекта с консультациями, к примеру, в области структурирования письма инструктор пошагово, в деталях показывает, как конкретные программы автоматически форматируют и обрабатывают текст и, используя готовые шаблоны, проверяют орфографию, грамматику, стилистику.

Во-вторых, фокус смещен на визуальный формат деловой коммуникации, принципиально отличающейся от устной и письменной. В традиционном курсе по деловой коммуникации внимание уделяется презентации как публичному выступлению в устной форме; анализу аудитории, тексту презентации, визуальному ряду. Визуальная деловая коммуникация включает в себя инфографику, интеллектуальные карты, таблицы с теоретической опорой на графический дизайн и пр. Проект с консультацией помогает освоить технический аспект разнообразных визуализаций, сегментируя этот навык до набора простых действий на базе конкретного программного обеспечения и определенной задачи.

В-третьих, появилась новая технология, получившая название «Педагогика произведения». Она основана на представлении о том, что люди лучше всего учатся, создавая культурные арте-

факты, которые имеют ценность и важны для их создателей [17]. Такой подход вовлекает обучающихся в самостоятельные междисциплинарные методы исследования, где участники фрагментируют артефакты, получая новые знания. Конечный продукт при обучении деловой письменной коммуникации с использованием цифровых технологий представлен в проектах в виде готовых бизнес-страниц, цифровых деловых дайджестов, рубрик для написания в Microsoft Word, отформатированных и отредактированных текстов в документе MS Word, отчетов, включающих методы визуализации или основанных на больших данных.

Результатом обучения деловым навыкам, связанным с трудоустройством, соответственно, является готовое сопроводительное письмо, благодарственное письмо, профессиональные рекомендации для трудоустройства, резюме, рассказ с историей о том, как учащийся решает проблемы или с описанием навыков для построения команды. Письменная деловая коммуникация для социальных сетей также имеет свои отличия, так как речь идет о вербальной форме делового общения для создания контента. Конечный результат по окончании проекта представляется в виде беседы в профессиональном сообществе в деловых целях, глоссария технологических документов с терминологией, описания миссии компании со стратегией продажи.

Таким образом, формат «Проект с консультацией» представляет собой пошаговое обучение цифровым навыкам, которые прямо не относятся к непосредственному содержанию традиционного курса по деловой коммуникации. Но встает вопрос: насколько актуально для современного выпускника вуза знание структуры письма, если она автоматически задается в шаблоне?

ВЫВОДЫ

Развитие цифровизации требует переосмысления подхода к тематике и содержанию курса «Деловая коммуникация» в системе высшего образования. Навыки высшего порядка, необходимые выпускникам, не могут быть обеспечены за счет использования традиционных моделей обучения, в которых особое внимание уделяется передаче контента. MOOC в качестве платформы для обучения позволяет студентам повышать свою технологическую и цифровую грамотность.

Тематическое содержание курса по деловой коммуникации в цифровой среде построено на пересечении нескольких навыков из разных предметных областей. Междисциплинарный аспект расширяется, а формируемые навыки сужаются, что требует привлечения более узких специалистов. Тематика каждого MOOC стремится к уникальности.

Наряду с устной и письменной, визуальная коммуникация становится третьей формой деловой коммуникации, представляя перспективу для дальнейших академических исследований и ценность для курса современной деловой коммуникации.

Формат «Проект с консультациями» способствует формированию цифровых микронавыков, может служить основой при корректировке традиционного курса при его переносе в гибридный формат и учитываться при аудите устаревших навыков.

Традиционный курс можно усилить за счет представления результата обучения в виде конечного, готового к применению продукта, имеющего экспертную оценку сообщества и являющегося ценностью для профессиональной компетентности обучающегося.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Young Sh. From Disruption to Innovation: Thoughts on the Future of MOOCs. *Voprosy obrazovaniya. Educational Studies*. 2018;(4):21–43.
2. Romero-Rodriguez L., Ramírez-Montoya M.-S. Entrepreneurship competencies in energy sustainability MOOCs. *Journal of Entrepreneurship in Emerging Economies*. 2019;11(4):598–616.
3. Mohamad N., Ahmad N.B., Sulaiman S. Data preprocessing: a case study in predicting student's retention in MOOC. *Journal of Fundamental and Applied Sciences*. 2017;9(4S):598–613.
4. Moshiri F., Cardon P.W. An Updated and Expanded Nationwide Study of Business Communication Courses. *Business and Professional Communication Quarterly*. 2020;83(4):469–488.
5. Persing B., Drew M.I., Bachman L., Eaton J., Galbraith E. Student evaluation of the basic course in business communication: The 1975 evaluation of the course content, classroom procedures, and quality of the basic course in college and university business communication. *Business and Professional Communication Quarterly*. 1976;39(2):1–17.

6. David C. Report on standards for a business communication course: Results of a survey. *Business and Professional Communication Quarterly*. 1982;45(1);21–29.
7. Ober S. The status of postsecondary business communication instruction: 1986 vs. 1982. *Journal of Business Communication*. 1987;24(3):49–60.
8. Nelson B.H., Luse D.W., DuFrene D.D. The structure and content of the introductory business communication course. *Bulletin of the Association for Business Communication*. 1992;55(3);7–14.
9. Knight M. Writing and other communication standards in undergraduate business education: A study of current program requirements, practices, and trends. *Business Communication Quarterly*. 1999;62(1):10–28.
10. Russ T.L. The status of the business communication course at U.S. colleges and universities. *Business Communication Quarterly*. 2009;72(4);395–413.
11. Sharp M.R., Brumberger E.R. Business communication curricula today: Revisiting the top 50 undergraduate business schools. *Business Communication Quarterly*. 2013;76(1):5–27.
12. Moshiri F., Cardon, P. The state of business communication classes: A national survey. *Business and Professional Communication Quarterly*. 2014;77(3):312–329.
13. Daniel S.J. Education and the COVID-19 pandemic. *Prospects*. 2020;1–6.
14. Griffiths D. The Comparative Method and the History of the Modern Humanities. *History of Humanities*. 2017;2(2):473–505.
15. Kawtar A., Benlahmar H., Naji M.A., Sanaa E., Banou Z. Extract Concept using Subtitles in MOOC. *International Journal of Advanced Computer Science and Applications*. 2022;13(1):633–638.
16. Yousef A.M.F., Sumner T. Reflections on the last decade of MOOC research. *Computer Applications in Engineering Education*. 2020;(29):1–18.
17. Thumlert K., de Castell S., Jenson, J. Learning Through Game Design: A Production Pedagogy. Proceedings of the 12th European Conference on Game-Based Learning ECGBL, Publisher: ACPI; 2018.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Татьяна Леонидовна Копусь — кандидат филологических наук, доцент департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия

Tatiana L. Kopus — Cand. Sci. (Phil.), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Faculty of International Economic Relations, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7762-0043>

tlkopus@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.05.2022; принята к публикации 15.08.2022.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.05.2022; accepted for publication on 15.08.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-150-154
УДК 316.77(045)

Использование художественных произведений в курсе обучения студентов дисциплине «Иностранный язык (специальный)»

Г.В. Третьякова

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Важным направлением языковой подготовки в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации является профессионализация. Данная статья рассматривает роль англоязычных оригинальных произведений в формировании профессиональной компетенции студентов в курсе обучения их дисциплине «Иностранный язык (специальный)», невзирая на то, что многие учащиеся и преподаватели считают данное включение избыточным. При отборе художественных произведений мы принимали во внимание следующие критерии: ярко выраженный профессиональный контент, эмоциональную сопричастность читающего к событиям, жанровую доступность произведения. Автор описывает технологию работы с произведениями на этапах pre-, while- and post-reading с помощью метода CLIL и приходит к выводу, что они являются уникальным базисом для формирования широкого комплекса профессионально значимых компетенций будущего экономиста-международника.

Ключевые слова: подготовка специалистов-международников; профессионализация; оригинальные художественные произведения; специфика чтения иноязычной художественной литературы; критерии отбора текстового материала; «экономическая» проза

Для цитирования: Третьякова Г.В. Использование художественных произведений в курсе обучения студентов дисциплине «Иностранный язык (специальный)». *Гуманитарные науки. Вестник Финансового Университета*. 2022;12(5):150-154. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-150-154

ORIGINAL PAPER

The Use of Fictions in the Course of Teaching Students the Discipline “Foreign Language (Special)”

G.V. Tretyakova

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

An important area of language training at the Financial University under the Government of the Russian Federation is its professionalization. This article examines the role of English-language original works in the formation of professional competence of students in the course of their training in the discipline “Foreign language (special)”, despite the fact that many students and teachers consider this inclusion redundant. When selecting fictions, it is necessary to take into account a number of criteria. These include: pronounced professional content, emotional involvement of the reader in the problems raised in the book; genre accessibility of the artwork. The author describes the technology of working with works at the pre-, while- and post-reading stages using the CLIL method and concludes that these works are a unique resource for the formation of a wide range of professionally significant competencies of the future international economist.

Keywords: training of international specialists; professionalization; original works of art; specifics of reading foreign-language fiction; criteria for selecting text material; “economic” prose

For citation: Tretyakova G.V. The use of fictions in the course of teaching students the discipline “Foreign language (special)”. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(5):150-154. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-150-154

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в методике обучения иностранным языкам завоевывает популярность технология интегрированного предметно-языкового обучения (Content and Language Integrated Learning). Данный термин был впервые разработан и применен Д. Маршем [1]. Как утверждает этот выдающийся методист, об интегрированном предметно-языковом обучении можно говорить тогда, когда преследуются две цели: с одной стороны — изучение содержания данной дисциплины, а с другой — параллельное, более углубленное изучение иностранного языка. Таким образом, в самом широком смысле под технологией «Content and Language Integrated Learning» мы подразумеваем такую, главными компонентами которой являются: межкультурные знания; использование специального, предметного дискурса; а также подготовка к интернационализации [2] — столь необходимые для формирования профессионально значимых компетенций будущих специалистов-международников. Поэтому большую роль в профессионально ориентированной языковой подготовке студентов-экономистов в курсе изучения дисциплины «Иностранный язык (специальный)» играют современные оригинальные англоязычные художественные произведения. Ссылаясь на пленарный доклад доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова М.М. Голубкова, представленный на нашей конференции «Лингвистика дистанцирования: человек и его язык в гуманитарной ретроспективе», мы полностью согласны с тем, что «их включение в курс обучения должно стать очень важной составляющей языковой подготовки студентов тех вузов и факультетов, которые специализируются на подготовке специалистов-международников, поскольку, помимо знакомства с иноязычной художественной литературой, студенты имеют возможность не только значительно расширить свой специальный словарный запас, ближе познакомиться с социально-культурными особенностями страны изучаемого языка, но и получить несравненное эстетическое удовольствие». Однако, к сожалению, в настоящее время мы все чаще слышим мнения как студентов, так и преподавателей о том, что включение в курс обучения дисциплины «Иностранный язык (специальный)» современных оригинальных англоязычных художественных произведений следует упразднить, так как они абсолютно бесполезны

с точки зрения профессиональной подготовки. Цель статьи — доказать, что включение данного аспекта в процесс обучения является мощным фактором развития именно профессиональных компетенций наших студентов.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Анализ зарубежной и отечественной научной литературы по заявленной теме свидетельствует о том, что в ней доминируют исследования, сосредоточенные главным образом на факторах «эффективного формирования умений как самого чтения, так и умений “смежных” с ним продуктивных видов речевой деятельности. Механизмом, реализующим взаимозависимость формирования всех видов речевой деятельности» в процессе чтения, является так называемый «перенос» [3]. Н.Д. Гальскова дает развернутый анализ «роли различных видов чтения в формировании всего комплекса языковых знаний, умений и навыков» [4].

Отдельную группу зарубежных работ составляют исследования, в которых указывается важность эмоциональной сопричастности читателя к проблемам, поднимаемым в книге [5]; в других отмечается низкая степень лингвистических и культурологических девиаций [6].

Особого внимания заслуживают труды Дж. Скривенера [7]. Он отмечает, что при отборе оригинальной художественной литературы необходимо учитывать жанровую доступность художественного произведения и, конечно, ярко выраженный профессиональный контент.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Для решения поставленных задач были использованы следующие методы: анализ научной педагогической литературы, опрос, анализ данных, обобщение педагогического опыта, эксперимент.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Руководствуясь вышеперечисленными принципами отбора художественной литературы, мы остановились на отрывках романов «Capital» (John Lanchester) [8], «Rich Dad Poor Dad» (Robert Kiyosaki and Sharon Lechter) [9], «The Moneychangers» (Arthur Hailey) [10]. Они очень хорошо интегрируются в программу курса «Иностранный язык (специальный)», изобилуют экономической лексикой, и поэтому их по праву можно назвать «экономическими» романами. Данные произведения очень близки по проблематике студенческой аудитории. Мы выделили три этапа

Этапы работы над отрывком из романа Дж. Лэчестера «Капитал» / Stages of work on an excerpt from the novel “Capital” (by John Lanchester)

Этап работы / Stage of work	Виды деятельности / Activities
Pre-reading	Обсуждение вопросов касательно карьеры в банковской сфере
While-reading	Описание внешности, работы; деловых навыков, амбиций главного героя Роджера; а также текущей финансовой ситуации
Post-reading	Решение различных бизнес-кейсов по теме “Banking” на основе лексики прочитанного отрывка

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

работы с данными произведениями: pre-, while- and post-reading (табл. 1–3).

«Капитал» — роман Джона Ланчестера, опубликованный в 2012 г. Действие разворачивается в Лондоне до и во время финансового кризиса 2008 г. В книге рассматриваются многочисленные современные проблемы построения карьеры в банковской сфере, а также другие стороны жизни в Англии, включая иммиграцию, исламский экстремизм, сделки с недвижимостью.

«Богатый папа, бедный папа» — книга, написанная Робертом Кийосаки и Шароном Лехтером в 1997 г. Она пропагандирует важность финансовой грамотности (финансового образования), финансовой независимости и приумножения капитала путем инвестирования в активы, недвижимость, открытие бизнеса, а также повышения своего финансового интеллекта (финансового IQ). Книга состоит из нескольких притч, якобы основанных на жизни Кийосаки. Его точка зрения заключается в том, что советы — поступить в колледж, найти хорошую работу, сэкономить деньги, избавиться от долгов, инвестировать в долгосрочной перспективе и диверсифицировать — устарели в нашу быстроразвивающуюся информационную эпоху. Его философия и идеи «богатого папы» бросают вызов существующему положению вещей. Книга побуждает людей становиться финансово образованными и принимать активное участие в инвестировании в свое будущее. Данный роман возглавляет международные списки бестселлеров много десятков лет, продолжает учить и вдохновлять молодежную аудиторию во всем мире.

«Менялы» были написаны до волны слияний банков США, начавшейся в 1980-х гг. Внимание автора

сосредоточено на огромном влиянии государства на финансовый сектор. Роман Хейли — захватывающая история об обнаружении фальшивых наличных, о мошенничестве с кредитными картами, амбициях и жадности всей банковской системы США.

Как мы видим, предметом обсуждения на подобных занятиях являются цитаты известных личностей, фискальная политика государств и устойчивые выражения. Все это в известной степени формирует социокультурные компетенции будущих экономистов-международников, помогает им в дальнейшем более эффективно интегрироваться в профессиональные международные сообщества. На этапе pre-reading студенты обращаются к фоновым знаниям, а это значительно консолидирует и междисциплинарные связи. Отличным базисом для формирования речевых умений студентов является этап post-reading, когда они вовлечены в самые различные виды речевой деятельности.

Мы провели эксперимент в четырех студенческих группах, в которых при обучении на занятиях по дисциплине «Иностранный язык (специальный)» используются художественные произведения, и в четырех группах, где это не практикуется. Учащимся были предложены задания, которые позволили оценить их по нескольким параметрам (табл. 4).

ВЫВОДЫ

По итогам проведенного исследования можно заключить, что включение в курс обучения по дисциплине «Иностранный язык (специальный)» оригинальных художественных произведений не является избыточным, отягощающим языковую программу, а напротив, служит незаменимым ресурсом для формирования профессионально значимых ком-

Таблица 2 / Table 2

**Этапы работы над отрывком из романа Р. Кийосаки и Ш. Лехтера «Богатый папа, бедный папа» /
Stages of work on an excerpt from the novel “Rich Dad Poor Dad” (by Robert Kiyosaki and Sharon Lechter)**

Этап работы / Stage of work	Виды деятельности / Activities
Pre-reading	Обсуждение вопросов, цитат известных финансистов касательно финансовой грамотности населения
While-reading	Работа со следующими лексическими единицами: cramped rented apartment, credit-card debt, bracket creep, to max out one's credit card, a bill consolidation loan, outcast, to keep up with the Joneses
Post-reading	Обсуждение в группах, как создать долгосрочную программу по обучению финансовой грамотности

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Таблица 3 / Table 3

Этапы работы над отрывком из романа А. Хейли «Менялы» / Stages of work on an excerpt from the novel “The Moneychangers” (by Arthur Hailey)

Этап работы / Stage of work	Виды деятельности / Activities
Pre-reading	Обсуждение вопросов, цитат касательно профессии финансового аналитика – студенты называют самых известных специалистов из этой сферы
While-reading	Поиск в тексте английских эквивалентов следующих русских слов и выражений: «пройти проверку на детекторе лжи», «ордер на обыск», «министр финансов», «он бушевал по поводу чиновника казначейства», «финансовые спасательные шлюпки»
Post-reading	Подготовка сообщений о фискальной политике различных государств

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Таблица 4 / Table 4

Корреляционный анализ ответов респондентов/ Correlation analysis of respondents' answers

Параметры оценки / Evaluation parameters	Группы, где на занятиях использовались художественные произведения / Groups that used fictions literature	Группы, где на занятиях не использовались художественные произведения / Groups that not used fictions literature
Положительное отношение студентов к чтению художественной литературы в оригинале	89%	36%
Способность студентов произнести неподготовленную речь на английском языке	92%	40%
Использование междисциплинарных связей на занятиях по английскому языку	90%	32%
Адекватное речевое поведение в ситуациях делового общения	93%	50%
Устойчивое владение профессиональными терминами и идиоматическими выражениями	96%	51%

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

петенций будущих экономистов-международников. Систематическое применение профессиональных знаний, навыков и умений, полученных в ходе изучения иностранного языка, в контексте межкультурных и коммуникативных речевых ситуаций, отрабатываемых с использованием интерактивных форм, приемов и методов обучения, обеспечивает прочные междисциплинарные связи. Такой подход позволит повысить конкурентоспособность выпускников высших учебных заведений. Социокультурная компетенция, являясь составной частью профессиональной компетентности специалиста,

позволяет осуществлять адекватное и успешное повседневное и профессионально-деловое иноязычное общение. Для достижения высоких результатов и эффективности процесс обучения должен строиться в соответствии с методологией, основанной на структурно-функциональных моделях, имитирующих ситуацию реального профессионального межкультурного взаимодействия будущих специалистов; основываться на использовании межкультурных и коммуникативных речевых ситуаций, возникающих в профессиональной сфере специалистов данного профиля.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Coyle D., Hood Ph., Marsh D. CLIL: Content and Language Integrated Learning. Cambridge: Cambridge University Press; UK, 2020.
2. Mehisto P., Frigols M.-J., Marsh D. Uncovering CLIL. Oxford: Macmillan Education; 2018.
3. Мильруд Р.П., Гончаров А.А. Теоретические и практические проблемы обучения пониманию коммуникативного смысла иноязычного текста. *Иностранные языки в школе*. 2003;(1):6–8.
Milrud R.P., Goncharov A.A. Theoretical and practical problems of teaching to understand the communicative meaning of a foreign language text. *Inostrannyye yazyki v shkole = Foreign languages at school*. 2003;(1):6–8. (In Russ.).
4. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. Пособие для учителя. М.: АРКТИ; 2014. 192 с.
Galskova N.D. Modern methods of teaching foreign languages. Manual for teachers. Moscow: ARKTI; 2014. 192 p. (In Russ.).
5. Brumfit Ch., Carter R. Literature and Language Teaching. Oxford: University Press; 1991. 289 p.
6. Collie J., Slater S. Literature in the Language Classroom. Cambridge: Cambridge University Press; 2005. 266 p.
7. Scrivener J. Learning Teaching. Oxford: Macmillan Education; 2017. 431 p.
8. Hailey A. The Moneychangers. USA: Doubleday; 1975. 472 p.
9. Kiyosaki R., Lechter Sh. Rich Dad Poor Dad. USA: Cashflow Technologies, Inc.; 2011. 251 p.
10. Lanchester J. Capital. USA: Norton; 1996. 527 p.
11. Воевода Е.В. Профессиональная языковая подготовка специалистов-международников: вопросы дидактики. *Вестник МГИМО*. 2019;(28):9–12.
Voevoda E.V. Professional language training of international specialists: questions of didactics. *Vestnik MGIMO = Bulletin of MGIMO*. 2019;(28):9–12. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Галина Викторовна Третьякова — кандидат педагогических наук, доцент департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия

Galina V. Tretyakova — Cand. Sci. (Ped.), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-0367-8995>

gvtretyakova@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 02.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.

Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 02.06.2022; accepted for publication on 30.06.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-155-163
УДК 32.019.52(045)

Зачем политологам исследовать государственное управление (уточнение авторской позиции в связи с введением в действие новой специальности высшей научной квалификации 5.5.3 «Государственное управление и отраслевые политики»)

Ю.Н. Малека^а, С.А. Мельков^б, В.О. Микрюков^с

^{а, б} Академия гражданской защиты МЧС России, Химки, Россия;

^с Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье освещена проблематизация взаимосвязи политики и управления в рамках Паспорта специальности 5.5.3 «Государственное управление и отраслевые политики». Кратко охарактеризованы итоги дискуссии 2021 г. о содержании этого Паспорта специальности. Рассматриваются появившиеся возможности, которые новая научная специальность дает исследователям. Авторы статьи рекомендуют изыскателям-политологам применять не только методы исследования, но и подготовки управленческих решений. По мнению авторов, скорее всего, введение научной специальности 5.5.3 «Государственное управление и отраслевые политики» в значительной мере привлечет в науку уже состоявшихся практиков-управленцев и обеспечит междисциплинарный характер проводимых политологических исследований (особенно это касается их связи с экономическими исследованиями).

Ключевые слова: власть и управление; государственное управление; итоги дискуссии; научная специальность; новые возможности исследования; отраслевые политики; политика и управление; политологическое исследование

Для цитирования: Малека Ю.Н., Мельков С.А., Микрюков В.О. Зачем политологам исследовать государственное управление (уточнение авторской позиции в связи с введением в действие новой специальности высшей научной квалификации 5.5.3 «Государственное управление и отраслевые политики»). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(5):155-163. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-155-163

ORIGINAL PAPER

Why Should Political Scientists Investigate Public Administration (Clarification of the Author's Position in Connection with Introducing a New Specialty of Higher Scientific Qualification 5.5.3 "Public Administration and Sectoral Policies")

Yu.N. Maleka^а, S.A. Mel'kov^б, V.O. Mikryukov^с

^{а, б} Civil Defence Academy EMERCOM of Russia, Khimki, Russia;

^с Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper provides issues of the relationship between politics and management within the framework of the Passport of the specialty 5.5.3 "Public administration and sectoral policies". The paper briefly describes the results of the 2021 discussion on the content of this Specialty Passport. The authors offer in the discussion version for new opportunities that a new scientific specialty gives researchers. Also, they recommend political scientists to use not only research methods but also the preparation of management decisions. The authors believe, highly likely, introducing the scientific specialty 5.5.3 "Public administration and sectoral policies" will significantly attract already established management practitioners to science and ensure the interdisciplinary nature of the ongoing political science research (especially the dialectics of their connection with economic research).

Keywords: power and management; public administration; discussion results; scientific specialty; new research opportunities; sectoral policies; policy and management; political science research

For citation: Maleka Yu.N., Mel'kov S.A., Mikryukov V.O. Why should political scientists investigate public administration (clarification of the author's position in connection with introducing a new specialty of higher scientific qualification 5.5.3 "Public administration and sectoral policies"). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(5):155-163. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-155-163

АКТУАЛЬНОСТЬ И ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ

В 2021 г. в нашей стране в Общероссийском классификаторе специальностей высшей научной квалификации¹ появилась новая специальность — 5.5.3 «Государственное управление и отраслевые политики» (в рамках пункта 5.5. «Политология» и еще более общего пункта 5. «Социальные и гуманитарные науки» этого классификатора). Сразу же обратим внимание — таким образом было найдено решение (наверно, временное) как минимум двух проблемных вопросов:

- в рамках какой науки (каких наук) системно и последовательно изучать многочисленные (это важно!) процессы и явления, называемые государственным управлением и/или отраслевой политикой?

- как комбинировать (интегрировать друг с другом) изучение государственного управления и/или отраслевой политики в учебном процессе (в бакалавриате, специалитете и магистратуре) и в рамках кандидатских и докторских диссертаций научными методами?

Постараемся последовательно ответить на эти вопросы или хотя бы приблизиться к их пониманию. Начнем свой анализ с того, что в 2021 г., кроме утверждения новой научной специальности 5.5.3 и появления проекта Паспорта этой специальности², в административно-учебно-научном сообществе нашей страны началась дискуссия. Судя по всему, эта дискуссия была инициирована экономистами, которые либо преподавали по специальности/направлению «Государственное и муниципальное управление», либо просто

были не согласны с той «скоростью», которую продемонстрировали политологи в утверждении новой научной специальности и подготовке ее Паспорта — такова наша гипотеза.

КРАТКИЙ АНАЛИЗ ДИСКУССИИ

Эта дискуссия, кроме собственно научно-методологических споров, достаточно быстро была институализирована в виде двух писем Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации (Минтруда России)³, в которых многим российским вузам (видимо тем, где осуществлялась подготовка по направлению «Государственное и муниципальное управление») предлагалось сформировать собственную позицию по нескольким вопросам.

Далее полагаем нужным изложить, а затем кратко прокомментировать подготовленную в 2021 г. авторами этой статьи позицию и предложения по поводу Паспорта этой специальности⁴:

1. Считаем целесообразным подготовку кадров по направлениям 38.03.04 и 38.04.04 (т.е. в рамках бакалавриата и магистратуры) сохранить в укрупненной группе специальностей и направлений подготовки 10 «Экономика, бизнес и управление».

2. Паспорт научной специальности 5.5.2 «Политические институты, процессы и технологии» может быть одобрен.

3. Паспорт научной специальности 5.5.3 «Государственное управление и отраслевые политики» действительно имеет излишний уклон в вопросах политической теории. Полагаем, что паспорт специальности 5.5.3 целесообразно доработать за счет усиления методологически-исследовательской составляющей.

Поясним: мы предлагаем (максимально детализировав п. 4 Паспорта специальности) императивное введение в Паспорт специальности

¹ Специальность научных работников высшей квалификации (далее — специальность) рассматривается как совокупность знаний, умений и навыков, приобретенных на базе высшего образования в результате проведения самостоятельной творческой работы по постановке и решению определенных профессиональных задач в рамках конкретной отрасли наук, заканчивающейся публичной защитой диссертации соискателем ученой степени на заседании диссертационного совета.

² Паспорт научной специальности 5.5.3. «Государственное управление и отраслевые политики». URL: <http://www.fa.ru/org/div/uank/Documents/2022/04/5.5.3.%20Государственное%20управление%20и%20отраслевые%20политики.pdf>

³ Данные письма официально не были опубликованы в качестве нормативных правовых актов, рассылались по вузам через систему электронного документооборота.

⁴ Паспорт научной специальности 5.5.3. «Государственное управление и отраслевые политики» URL: <http://www.fa.ru/org/div/uank/Documents/2022/04/5.5.3.%20Государственное%20управление%20и%20отраслевые%20политики.pdf>

углубленного изучения ПРОЦЕССА ПОДГОТОВКИ (а не процесса принятия!) управленческих решений за счет методов подготовки управленческих решений (они же и методы исследования), широко применяемых в управленческой практике отечественных и зарубежных органов государственной и муниципальной власти (метод синектики, SWOT-анализ, PEST-анализ, ранжирование, метод Дельфи, кейс-стади, экспертный опрос и экспертная оценка, моделирование, теория игр, факторный анализ, сценарный метод, метод Цвикки, анализ иерархий, дерево целей, дерево решений и др.).

Целесообразно также рассмотреть возможность максимальной детализации п. 4 Паспорта специальности, разделив его на несколько самостоятельных пунктов, связанных с методами подготовки управленческих решений⁵.

Сделаем промежуточные выводы. У авторов есть ощущение, что в итоговом варианте Паспорта специальности 5.5.3 наше предложение о детализации п. 4 нашло некоторое отражение, а вот методы подготовки управленческих решений — нет. Также отметим, что некий крен в сторону теории в итоговом варианте Паспорта специальности 5.5.3 остался.

Понятно, что и до появления Паспорта специальности 5.5.3 существовали еще несколько специальностей, в рамках которых исследовалась управленческая проблематика:

- 22.00.08 «Социология управления» со своим специфическим взглядом (впрочем, у любой науки он специфичен) на управление вообще и на государственное управление в частности;
- 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» (в пунктах 1 и 2 речь идет о политическом управлении, а в пункте 11 изложены требования к теории и специфике управления);
- 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством»⁶. В Паспорте речь идет

⁵ Паспорт научной специальности 5.5.3. «Государственное управление и отраслевые политики». URL: <http://www.fa.ru/org/div/uank/Documents/2022/04/5.5.3.%20Государственное%20управление%20и%20отраслевые%20политики.pdf>

⁶ Полное название: «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности, в том числе: экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами; управление инновациями; региональная экономика; логистика; экономика труда; экономика народонаселения и демография; экономика природопользования; экономика предпринимательства; маркетинг; менеджмент; ценообразование; экономиче-

ском об управлении (менеджменте) применительно к экономике (на самых различных уровнях: от фирмы и предприятия до страны и далее до международного уровня).

Появились и новые специальности, в рамках которых предлагается исследовать управленческую проблематику:

- 5.2.6. «Менеджмент» по экономическим наукам, в паспорте которой абсолютное большинство из 39 пунктов посвящено управлению;
- 2.3.4. «Управление в организационных системах» (технические науки), в паспорте которой большинство из 11 пунктов посвящено управлению.

То есть самостоятельная научная специальность «управление» в нашей стране не появилась. Хотя еще раз подчеркнем, что управленческая, по сути, деятельность имеет место и в органах государственной и муниципальной власти, и в государственных и муниципальных организациях и учреждениях, и в бизнес-структурах, и в политических структурах, и в СМИ, и даже в соцсетях.

ПОИСК НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Какие возможности дает исследователю, и не только политологу, научная специальность 5.5.3? Опишем в дискуссионном варианте лишь некоторые из них.

Первая возможность состоит в том, что в исследованиях по политическим наукам теперь можно рассматривать политику не только как во многом теоретизированный процесс властвования, но и как совершенно реальный управленческий процесс. Как отмечает профессор А.И. Соловьев, «в деятельности государственных институтов, наделенных правом контролировать ключевые решения, политика выступает еще и в качестве своеобразной попечительской власти, позволяющей им оказывать целенаправленную поддержку своим контрагентам (при условии, что их проекты и цели встраиваются в общее русло правительственного курса или же согласуются с подходами бюрократического сообщества)» [1, с. 43].

Действительно, рассмотрение политики в динамике позволяет в самом общем виде выстроить определенную последовательность, которая начинается с политических потребностей⁷, объективно

ская безопасность; стандартизация и управление качеством продукции; землеустройство; рекреация и туризм)».

⁷ Потребность политическая — отсутствующий доступ к власти и ресурсам, как правило, необходимым для развития социальной группы, социума, страны, государства.

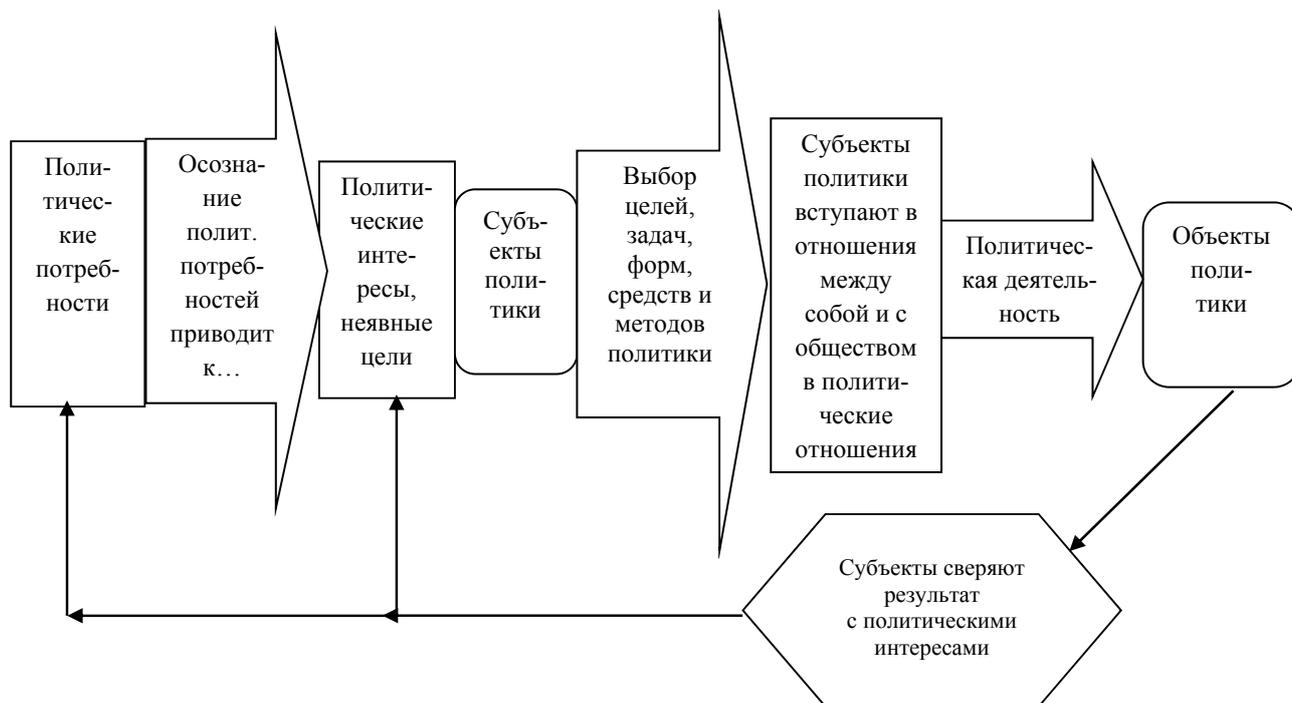

Рис. / Fig. Упрощенная схема политики как процесса (политического процесса) / Simplified scheme of politics as a process (political process)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

существующих у социальных субъектов, а также у политической элиты и политических лидеров. В результате интеллектуальной деятельности, а также под влиянием социально-политических событий у политической элиты и политических лидеров, полагаем, неизбежно происходит процесс осознания собственных потребностей и формируются политические интересы. Далее включаются различные субъекты политики, которые определяют цели, задачи, формы, средства и методы реализации политических интересов (при необходимости создаются новые политические институты либо используются уже имеющиеся).

После завершения процесса целеполагания субъекты политики, политические акторы вступают между собой и с социальными группами в политические отношения, осуществляют политическую деятельность в самых разнообразных ее проявлениях, формах и видах. Полученные результаты постоянно сверяются/сравниваются с интересами политической элиты. Далее этот цикл начинается снова. Если интересы реализованы (что на практике бывает крайне редко), то формируются новые, если же нет — то происходит корректировка на всех последующих этапах политического процесса. Субъекты политики ищут допущенные ошибки: либо неправильно поняты (осознаны) политические потребности,

либо неправильно определены цели и задачи деятельности, либо неправильно сформирована политическая организация (система политических институтов), либо были произведены неправильные действия и т.д. [2, с. 71]. На рисунке представлено авторское видение политики как управленческого процесса [3, с. 345].

Специально подчеркнем, что этот механизм функционирует постоянно, данный процесс никогда не останавливается, поскольку политические субъекты и акторы обладают ярко выраженным политическим сознанием (впрочем, как и властным интересом обладает практически любой успешный управленец⁸). Мы считаем, что такое понимание политики применимо, в принципе, к любому виду человеческой деятельности.

Думается, что совсем не случайно ряд отечественных исследователей считают государственную политику управленческой категорией. И даже если для политолога совсем не просто согласиться с такой позицией, то, вероятно, для философов, историков и особенно для управленцев-практи-

⁸ Специально подчеркнем свою политологическую позицию о сути управления: это сознательная активность по формированию целей и их практическая реализация с помощью власти. Таким образом, ключевыми словами для понимания сути управления являются «сознание», «цель» и «власть».

ков она может быть вполне приемлемой. Скажем, нам понятна такая мысль: «Государственная политика конструируется для реализации и вовсе не констатируется постфактум, как это часто понимается в традиционной политологии. Разница заключается в энергетике действия, и она такая же, как между созерцанием уходящего и активным созиданием будущего» [4, с. 37].

Вторая возможность заключается в том, что теперь политологи могут с более разнообразных позиций рассматривать феномен власти в обществе. Например, с нашей точки зрения, значительный интерес может представлять так называемый радикальный или трехмерный взгляд на нее, что было предложено С. Льюксом [5, с. 47]. Его суть заключается в нескольких акцентах: контроль над политической повесткой необязателен посредством принятия политических решений; потенциальные проблемы бывают значимее реальных проблем; большинство конфликтов в обществе носят латентный характер; взаимодействия по поводу субъективных и реальных интересов очень сложны.

Конечно, власть в ее различных проявлениях, ипостасях и т.п. ученые изучали давно и продолжают изучать сегодня. И, тем не менее, мы сегодня хотим обратить внимание, что современной науке, например в нашей стране, достаточно сложно ее изучать в условиях сложившегося современного института знания. Причина очевидна: «по умолчанию предполагается, что как наука, так и государство имеют общий интерес — общее благо. Но если государство этот контракт нарушает, то наука становится довольно беспомощной заложницей этой ситуации» [6, с. 57].

Если мы считаем, что управление применимо ко всем и вся, то можно его изучать в любой сфере. Однако, например, вряд ли государственное управление наукой будет результативным, пока государство не даст ответ на вопрос: зачем государству (государственной власти) нужна наука? [7, с. 54]. Пожалуй, именно такой подход применим к исследованию управления/политики в любой сфере, любой области человеческой деятельности.

Третья возможность состоит в том, что политологи более системно и последовательно смогут рассматривать отношения: власть ↔ государство; власть ↔ управление (а не только властвование); политика ↔ управление. Мы согласны с профессором А.И. Соловьевым, который пишет: «Исторический опыт показал, что реальные практики государственной власти и управления,

демонстрируя свои нетипичные и неожиданные конфигурации, постоянно опережают результаты научных исследований» [8, с. 6].

Фактически (и для нас это аксиома) новая специальность 5.5.3 позволяет делать исследования государственного управления и различного вида политик междисциплинарными. Именно этому будет способствовать, кстати, «создание российского поисковика в мире научной информации, ..усиление роли Российского центра научной информации (преемника РФФИ)» [9, с. 50] и еще ряд мер, которые предпринимают в условиях санкций некоторые научные коллективы и отдельные ученые.

В рамках специальности 5.5.3 анализировать связь той или иной политики с экономической политикой будет теперь намного проще. Мы, в принципе, согласны с мнением Л. Хиллмана, который считает полезным в рамках любой политики изучать взаимосвязь как государства, так и рынка с экстерналиями (отрицательным внешним воздействием) [10, с. 277]. Именно такой подход позволяет в контексте политологического исследования одновременно изучать как частный, так и общий интерес, диалектику их взаимосвязи и взаимовлияния, а также взаимосвязи экстерналий и общественных благ и т.п.

Интересен подход немецкого политического социолога А. Дернера, исследующего отдельный аспект политики — символическую политику. По его мнению, символическая политика — это самостоятельная деятельность, оторванная от реальных решений [11, р. 108].

Четвертая возможность — в том, что теперь ученые (и не только политологи, кстати) могут рассматривать самые разные виды политик. Напомним, что в п. 9 Паспорта специальности 5.5.3 к отраслевым политикам отнесены «социальная, экономическая, миграционная, национальная, научно-техническая, образовательная, молодежная, информационная и др.»⁹. Мы хотим специально обратить внимание на очень многозначное слово «другие» в этой цитате.

И сегодня действительно есть огромное количество исследований разных политик. Например, отечественный исследователь Н.Р. Панфилина в рамках изучения политики управления оборот-

⁹ Паспорт научной специальности 5.5.3. «Государственное управление и отраслевые политики». URL: <http://www.fa.ru/org/div/uank/Documents/2022/04/5.5.3.%20Государственное%20управление%20и%20отраслевые%20политики.pdf> (дата обращения: 01.09.2022).

ным капиталом питает: «...Выбор той или иной политики управления сводится к установлению величины внеоборотных активов, долгосрочно-го заемного капитала, собственного капитала, краткосрочного заемного капитала и оборотных активов производства, а также расчету величины ЧОК как разницы между текущими активами и текущими пассивами» [12, с. 28]. Если для политолога, пожалуй, здесь не все будет понятно, то экономисты, думается, с таким подходом вполне могут согласиться.

Приведем далее несколько иной пример, когда исследователи заявляют об изучении той или иной политики, но фактически изучают явления или процессы, имеющие место в обществе. Так, например, в научной публикации В. П. Кириленко под названием «Проблемы совершенствования государственной политики по противодействию коррупции в органах государственного управления национальной экономикой» [13] мы не нашли ни определения сути и структуры этой политики, ни механизмов ее формирования, ни результативности ее реализации и т. п. На наш взгляд, в большом количестве исследований с заявленным изучением той или иной политики сама прикладная политика (как некие системные, плановые действия не столько элиты, сколько органов государственной и муниципальной власти, государственных и муниципальных организаций и учреждений по достижению конкретной цели или конкретных целей) политологами, к сожалению, не изучается.

При этом важно подчеркнуть личную позицию авторов статьи: мы не считаем, что политологи имеют и могут иметь монополию на изучение различных политик в принципе. Но в то же время мы считаем неверным, когда между политикой и той или иной деятельностью/активностью (как правило, имеющей управленческий характер, поскольку в любую деятельность/активность всегда вовлекаются люди) ставится знак равенства. Мы принципиально настаиваем на том, что «...внутреннее родство политики и управления обусловлено их связью с властью...» [8, с. 46]. Дело ведь не в названии политики, а в наличии у объекта и предмета исследования политического содержания, характера, особенностей и т. д., а не только связи с группами людей или социумом. Поэтому мы уверены в методологической ущербности исследований любой (!) политики без предварительного щепетильного изучения ана-

литиком как минимум своего объекта, предмета, проблемы и методов исследования (т. е. своего проблемного поля).

Что касается пятой возможности, то мы считаем, что новая научная специальность позволяет по-иному изучать роль государства, государственной власти в реальной (а не существующей только в голове у исследователя) политике. Недавно в своей статье авторы А. Широков и М. Гусев отмечали: «Роль государства в масштабном импортозамещении не может быть решающей, прежде всего потому, что ресурсы бюджетной системы ограничены» [14, с. 57]. Далее они пишут, что решающая роль должна принадлежать бизнесу, а для этого именно государство должно создать соответствующие условия. Это теоретически совершенно верная мысль, хотя мы убеждены, что люди во власти в нашей стране видят иные пути улучшения политики импортозамещения.

Поясним свою позицию: тотальная национализация, к примеру, вполне может сделать все ресурсы государственными. И это вполне реалистичные действия, если целью такой (как, впрочем, и любой другой) политики считать макроэкономическую стабильность в стране. Или другой пример этой же политики: многие СМИ в последнее время выражают искреннюю радость по поводу того, что «АвтоВАЗ снова стал русским» [15, с. 19]. При этом везде отмечается, что «как только АвтоВАЗ просит господдержку, он ее обязательно получает». То есть условия для формирования и проведения в нашей стране (и во многих других странах) той или иной политики очень быстро и динамично меняются. И инициатором этих изменений всегда является государство.

Рассмотрим подробнее еще одну проблему любого современного общества, которую нельзя решить без государства — обеспечение развития общества. Полагаем, что сегодня совсем не случайно исследователи пишут о необходимости «приоритета национальных стратегических целей развития над интересами крупного бизнеса» [16, с. 45]. Но где, как не в рамках национальной дискуссии и публичного национального обсуждения (т. е. в открытом политическом дискурсе) формировать национальную политику развития? Где еще можно обсуждать предстоящую модернизацию, как не в публичном пространстве?

И. Е. Дискин пишет о том, что отечественная современная модернизация может быть толь-

ко консервативной [17, с. 212]. Трудно спорить с уважаемым автором многочисленных книг по модернизации, но и соглашаться с ним без публичного обсуждения нет смысла (ведь очевидно, что модернизация — это очень затратный политико-экономический процесс). В 2021 г. Дискин написал, что нация является институтом социальной интеграции и легитимации модернизационных преобразований [17, с. 214]. Но мы не ставим знак равенства между государством и нацией. Соответственно, в нашей стране в настоящее время не ясен субъект формирования политики модернизации.

В нашей стране предпринимаются попытки научного исследования в политическом ключе процесса развития как такового [18]. Мы можем согласиться с американским политологом Г. Лассуэллом, который считает, что «научная дисциплина может быть отнесена к политико-управленческим наукам, если она разъясняет процесс выработки и принятия политических решений в обществе или же обеспечивает необходимыми данными разработку рациональных способов разрешения политико-управленческих вопросов» [19, р. 120]. Таким образом,

в контексте развития социума предметное поле исследования в рамках специальности 5.5.3 «вбирает в себя, с одной стороны, теории, описывающие и объясняющие процесс выработки, принятия и реализации политических решений, а с другой — прескриптивные теории, посвященные тому, как воздействовать на этот процесс с тем, чтобы повысить его эффективность» [18, с. 23].

В заключение подчеркнем, что именно в рамках научной специальности 5.5.3 появились новые возможности изучения властно-управленческого содержания многочисленных видов политик — методами научного исследования. С нашей точки зрения, реализация данных целей возможна лишь путем прикладного, а не теоретического анализа. При этом мы рекомендуем исследователям применять методы подготовки управленческих решений.

Также мы считаем, что, скорее всего, введение научной специальности 5.5.3 в значительной мере привлечет в науку уже состоявшихся практиков-управленцев и обеспечит междисциплинарный характер проводимых политологических исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Соловьев А.И. «Государственное управление» и «Управление государством»: конфликты концептов и практика. *Вестник Пермского университета. Политология*. 2022;16(2):39–48.
2. Мельков С.А., ред. Политология (для вузов силовых ведомств). М.: КНОРУС; 2019. 266 с.
3. Мельков С.А., ред. Политические институты, процессы и технологии: теория и кейсы. М.: КНОРУС; 2021. 564 с.
4. Сулакшин С.С., ред. Государственная экономическая политика и Экономическая доктрина России. К умной и нравственной экономике. В 5 т. Т. 1. М.: Научный эксперт; 2008. 840 с.
5. Льюкс С. Власть: радикальный взгляд. Пер. с англ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ; 2010. 240 с.
6. Лейбин В. Кто делает науку в эпохи перемен. Институциональная история современных университетов и науки показывает, что исторические кризисы могут стимулировать их развитие. *Эксперт*. 2022;(21):51–57.
7. Сулакшин С.С. Наука и власть: структуризация проблемы. Наука и власть: проблема коммуникаций. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 26 сентября 2008 г.). М.: Научный эксперт; 2009. 456 с.
8. Соловьев А.И. Политика и управление государством. Очерки теории и методологии. Монография. М.: Аспект Пресс; 2021. 256 с.
9. Лейбин В. Отключение от научной сети. Санкции привели к серьезным, но пока преодолемым препятствиям в научном общении и в доступе к научной информации. И все же необходимы усилия, соразмерные вызовам. *Эксперт*. 2022;(19):50–51.
10. Хиллман А. Государство и экономическая политика: возможности и ограничения управления. Пер. с англ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ; 2009. 879 с.
11. Dorner A. Politischer Mythos und symbolische Politic: Sinnstiftung durch symbolischer Formen am Beispiel des Hermannsmythos. Opladen: Westdt. Verl.; 1985. 421 p.
12. Панфилкина Н.Р. Политика управления оборотным капиталом и методы управления чистым оборотным капиталом. *Экономический научный журнал: оценка инвестиций*. 2020;2(16):26–34.

13. Кириленко В.П. Проблемы совершенствования государственной политики по противодействию коррупции в органах государственного управления национальной экономикой. *Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС*. 2012;2(6):46–59.
14. Широ А., Гусев М. Импортозамещение: стратегия и тактика успеха. *Эксперт*. 2022;(27):56–59.
15. Астапов А., Грамматчиков А. АвтоВАЗ снова русский. *Эксперт*. 2022;(27):18–24.
16. Крюков В., Порфирьев Б., Широ А. Меморандум суверенного роста. Цели и задачи экономической политики в новых условиях. *Эксперт*. 2022;(20):44–46.
17. Дискин И.Е. Консервативная модернизация М.: Политическая энциклопедия; 2021. 342 с.
18. Якунин В.И. Политология транспорта. Политическое измерение транспортного развития. М.: ЗАО «Издательство «Экономика»; 2006. 432 с.
19. Lasswell H. Power and Personality. URL: https://www.researchgate.net/publication/349517982_Lasswell_Power_and_Personality_1948

REFERENCES

1. Solovyov A. I. “Public administration” and “Government of the state”: Conflicts of concepts and practice. *Bulletin of the Perm University. Political science*. 2022;16(2):39–48. (In Russ.).
2. Melkov S. A., ed. Political science (For universities of law enforcement agencies). Moscow: KNORUS; 2019. 266 p. (In Russ.).
3. Melkov S. A., ed. Political institutions, processes and technologies: Theory and cases. Moscow: KNORUS; 2021. 564 p. (In Russ.).
4. Sulakshin S. S., ed. State economic policy and economic doctrine of Russia. Towards a smart and moral economy. In 5 vols. Vol. 1. Moscow: Scientific expert; 2008. 840 p. (In Russ.).
5. Lux S. Power: A radical view. Transl. from Eng. Moscow: Ed. HSE House; 2010. 240 p. (In Russ.).
6. Leybin V. Who makes science in the era of change. The institutional history of modern universities and science shows that historical crises can stimulate their development. *Expert*. 2022;(21):51–57. (In Russ.).
7. Sulakshin S. S. Science and power: Structuring the problem. Science and power: The problem of communications. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Moscow, September 26, 2008). Moscow: Scientific expert; 2009. 456 p. (In Russ.).
8. Solovyov A. I. Politics and government management. Essays on theory and methodology. Monograph. Moscow: Aspect Press; 2021. 256 p. (In Russ.).
9. Leybin V. Disconnection from the scientific network. The sanctions have led to serious but so far surmountable obstacles in scientific communication and in access to scientific information. However, efforts are needed that are commensurate with the challenges. *Expert*. 2022;(19):50–51. (In Russ.).
10. Hillman A. State and economic policy: Opportunities and limitations of management. Transl. from Eng. Moscow: Ed. HSE House; 2009. 879 p. (In Russ.).
11. Dörner A. Politischer Mythos und symbolische Politic: Sinnstiftung durch symbolischer Formen am Beispiel des Hermannsmythos. Opladen: Westdt. Verl.; 1985. 421 p.
12. Panfilkina N. R. The policy of working capital management and methods of managing net working capital. *Economic scientific journal: investment appraisal*. 2020;2(16):26–34. (In Russ.).
13. Kirilenko V. P. Problems of improving the state policy to combat corruption in the public administration of the national economy. *Scientific works of the North-Western Institute of Management RANEPa*. 2012;2(6):46–59. (In Russ.).
14. Shirov A., Gusev M. Import substitution: Strategy and tactics of success. *Expert*. 2022;(27):56–59. (In Russ.).
15. Astapov A., Grammatichikov A. AvtoVAZ is Russian again. *Expert*. 2022;(27):18–24. (In Russ.).
16. Kryukov V., Porfiriev B., Shirov A. Memorandum of Sovereign Growth. Goals and objectives of economic policy in the new conditions. *Expert*. 2022;(20):44–46. (In Russ.).
17. Diskin I. E. Conservative modernization Moscow: Political Encyclopedia; 2021. 342 p. (In Russ.).
18. Yakunin V. I. Political science of transport. Political dimension of transport development. Moscow: CJSC “Publishing house “Economics”; 2006. 432 p. (In Russ.).
19. Lasswell H. Power and personality. URL: https://www.researchgate.net/publication/349517982_Lasswell_Power_and_Personality_1948

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Юрий Николаевич Малека — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Академия гражданской защиты МЧС России, Химки, Россия
Yurij N. Maleka — Dr. Sci. (Hist.), Professor, Professor of the Department of State and Municipal Administration, The Civil Defence Academy of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters (EMERCOM), Khimki, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-5375-8454>
rgsumaleka@yandex.ru

Сергей Анатольевич Мельков — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления, Академия гражданской защиты МЧС России, Химки, Россия
Sergey A. Mel'kov — Dr. Sci. (Polit.), Professor, Head of the Department of State and Municipal Administration, The Civil Defence Academy of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters (EMERCOM), Khimki, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1312-8105>
304304@mail.ru

Владимир Олегович Микрюков — кандидат философских наук, доцент, доцент департамента социологии, Финансовый университет, Москва, Россия
Vladimir O. Mikryukov — Cand. Sci. (Phil.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of sociology, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-3025-6838>
vomikryukov@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

Ю.Н. Малека — подбор литературных источников.

С.А. Мельков — разработка концепции статьи.

В.О. Микрюков — общая редакция.

Authors' declared contributions:

Yu.N. Malek — selection of literary sources.

S.A. Mel'kov — development of the paper's concept.

V.O. Mikryukov — the entire version.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.09.2022; принята к публикации 30.09.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.09.2022; accepted for publication on 30.09.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-164-170
УДК 32(045)

Последствия снятия санкций ООН и США с Ирака после 2003 года

Р.Ш. Мамедов

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Одни из наиболее масштабных санкций в новейшей истории были применены, как международным сообществом, так и отдельными государствами, против Ирака при президенте С. Хусейне в 1990–2003 гг. Возможности государства противостоять внешним угрозам были ослаблены. На это влияла меняющаяся международная динамика и многолетний режим санкций. США и ведомая ими коалиция воспользовались ослабевшим Ираком, и вторглись в страну в 2003 г., свергнули режим С. Хусейна. Постконфликтная ситуация и оккупационное положение, в котором оказался Ирак во главе с новой властью, требовал новых подходов. Снятие санкций было обусловлено необходимостью стабилизировать новый и близкий оккупантам политический режим в стране после свержения С. Хусейна, а также способствовало обогащению связанных с этой военной политикой отдельных лоббистских групп в США.

Ключевые слова: санкции; Саддам Хусейн; Ирак; ООН; США; оккупация

Для цитирования: Мамедов Р.Ш. Последствия снятия санкций ООН и США с Ирака после 2003 года. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(5):164-170. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-164-170

ORIGINAL PAPER

Consequences of Lifting UN and US Sanctions on Iraq after 2003

R. Sh. Mamedov

Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russia

ABSTRACT

Both the international community and individual states against Iraq applied some of the most extensive sanctions in recent history under President Saddam Hussein in 1990–2003. The State's ability to withstand external threats has been weakened. The changing international dynamics influenced this, but also by the long-term sanctions regime. The United States and the coalition led by them took advantage of a weakened Iraq and invaded the country in 2003, overthrowing the regime of S. Hussein. The post-conflict situation and the occupation situation in which Iraq found itself headed by the new government required alternative approaches. The lifting of sanctions was because of the need to stabilize the new political regime in the country close to the occupiers after the overthrow of S. Hussein. Also, it contributed to the enrichment of certain lobbying groups in the United States associated with this military policy.

Keywords: sanctions; Saddam Hussein; Iraq; UN; USA; occupation

For citation: Mamedov R. Sh. Consequences of lifting UN and US sanctions on Iraq after 2003. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(5):164-170. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-164-170

СНЯТИЕ САНКЦИЙ С ИРАКА — ВЗАИМОСВЯЗЬ С ЦЕЛЯМИ И ИНТЕРЕСАМИ США

Исследователи разделились во мнениях в оценках санкционного давления, которое ООН и США оказывали на Ирак с 1990 г. Для части специалистов «санкции сработали», для другой — ни к чему не привели. Среди аргументов первой

стороны значителен, что С. Хусейн так и не смог разработать оружие массового уничтожения — и все благодаря санкциям. Мол, когда американские военные вторглись в Ирак, они и представить не могли, что не найдут этого оружия. Конечно, такой аргумент не может восприниматься всерьез другой частью исследователей. Все-таки наличие оружия массового уничтоже-

ния в Ираке не было общепризнанным фактом и с самого начала, по мнению ряда международных акторов, являлось предлогом вторжения в страну и свержения правящего и неугодного США режима.

С другой стороны, санкции и само вторжение может рассматриваться в контексте двух сценариев американского подхода к Ираку. Первый предполагает, что санкции были во многом подготовительной и составной частью американской стратегии по свержению режима С. Хусейна. Согласно второму, санкции не помогли в достижении цели, поэтому США пришлось менять подход в более радикальную сторону и открыто использовать свои вооруженные силы.

Во втором случае американцы, скорее всего, реагировали — особенно если учесть фактор 11 сентября — и им пришлось столкнуться с противодействием части международного сообщества и отсутствием единства по этому вопросу даже со своими союзниками, в том числе по НАТО. Как было указано в статье «Влияние санкций ООН и США на политическую элиту Ирака», если ключевой целью было желание осуществить свержение режима изнутри или подчинить его глобальной державе, то ООН и США с помощью санкций этого не достигли [1]. Вне зависимости от того, что превалировало над чем, вопрос санкций против Ирака требовал пересмотра. В 1990-е гг. в отношении Ирака применялась программа ООН «Нефть в обмен на продовольствие». В рамках ее работы доходы от продажи нефти составили 65 млрд долл., из которых 46 млрд долл. были направлены на гуманитарные нужды. 31 мая 2002 г. против Ирака были приняты новые санкции ООН.

В 2002 г. американцы предлагали в ООН инициативу «умных санкций», однако не получали поддержку в Совете Безопасности. Помимо того, что эрозия режима санкций была очевидна — Ирак активно восстанавливал отношения и торговал с региональными державами — незаинтересованными в режиме санкций были некоторые члены ООН: Россия, Франция, Китай. При таком раскладе США могли бы оказаться в изоляции в своем подходе [2]. Но в итоге американцы пошли по иному пути: санкции действительно были пересмотрены в сторону их снятия, но уже в условиях реализации силового свержения режима. После 2003 г. в «новом» и подчиненном оккупантам Ираке санкции стали мешать уже самим США и их союзникам.

В Вашингтоне оперативно пришли к выводу о необходимости поддержания оккупационных органов власти. Ключевой американский оккупационный орган, созданный для управления Ираком, Временная коалиционная администрация (ВКА) во главе с Полом Бремером, как и ряд американских групп лоббистов, были среди основных выгодоприобретателей ослабления режима санкций. Но стоит отметить последовательность американцев — при снятии санкций с Ирака они учитывали необходимость их сохранения в отношении партии «Баас» и связанных с ней лиц и организаций (многие из них уже находились в SDN-list¹). Одновременно оккупанты вывели «Баас» из правового поля, запретив партию и связанные с ней структуры (и даже армию и спецслужбы) в первых декретах Временной коалиционной администрации. Это наследие затем перешло Временному правительству Ирака во главе с его премьер-министром Аяядом Аляуи.

Оперативность в работе американцев по снятию санкций с Ирака выглядела следующим образом. После вторжения в страну и установления власти оккупантов американцы и британцы пролоббировали соответствующие решения в ООН. 22 мая 2003 г. Совет Безопасности ООН единогласно проголосовал за принятие резолюции 1483, призывающей к официальному снятию экономических санкций ООН против Ирака [3]. Это позволило начать продажу нефти из Ирака. В свою очередь, американцы и новые иракские власти были заинтересованы в контроле доходов от продажи нефти, как они отмечали, на «восстановление» страны².

Официально для американцев ключевым вопросом стала реконструкция Ирака, но одной из других задач, которые американцы преследовали при снятии санкций, была необходимость найти дополнительные неамериканские средства для покрытия («оплаты») их деятельности в Ираке. Таким образом США на иракские средства был создан Фонд развития Ирака. Первые санкции были сняты для продвижения работы этого фонда как на уровне ООН, так и самими США. При чем

¹ Issuance of new Iraq Executive Order; Iraq-related Designations Updates. U.S. DEPARTMENT OF THE TREASURY. URL: <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/recent-actions/20040730>

² Security Council Takes Action to End Iraq Sanctions, Terminate Oil-For-Food Programme as Members Recognize 'Major Changes' Since 1990 15 December 2010). URL: <https://www.un.org/press/en/2010/sc10118.doc.htm>

американцы снимали санкции с Ирака после того, как эти решения принимал ООН³.

СНЯТИЕ САНКЦИЙ И АМЕРИКАНСКИЙ ФОНД НА ИРАКСКИЕ ДЕНЬГИ

Из-за нестабильной ситуации в стране снятие санкций было необходимо для поддержания оккупационных властей и их иракских приспешников. ООН приходилось подстраиваться под мир, в котором США и их союзники проводят военные операции и свергают режимы, игнорируя международное право. Радикально изменившаяся ситуация в Ираке требовала от ООН новых подходов к де-факто сложившейся обстановке. Сохранившийся в архивах Государственного департамента США документ прямо указывал на то, что «экономические санкции ООН в отношении импорта и экспорта товаров, введенные с целью заставить Саддама Хусейна соблюдать требования в отношении оружия массового уничтожения и сдержать угрозу его режима, устарели; они больше не служат полезной функции»⁴. Приняв 22 мая 2003 г. резолюцию 1483, ООН признала США и Великобританию оккупационными силами и назначила специального представителя генерального секретаря ООН в Ираке Серхио Виейра де Мелло главой созданной по другой резолюции (1500 от 14 августа 2003 г.) Миссии ООН по оказанию содействия Ираку (МООНСИ). Тем не менее МООНСИ в Ираке испытывала противодействие со стороны американцев [4]. Оккупанты получили легализацию своего присутствия в Ираке, состоялось снятие санкций ООН и завершение программы «Нефть в обмен на продовольствие».

В соответствии с резолюцией 23 мая 2003 г. полномочия по утверждению расходов из доходов Ирака от нефти от ООН были переданы Фонду развития Ирака, контролируемому Временной коалиционной администрацией. Согласно резолюции «**Фонд развития Ирака** должен использоваться транспарентным образом для удовлетворения гуманитарных потребностей иракского народа, для экономической реконструкции и восстановления инфраструктуры Ирака... просит далее Генерального секретаря передать как можно скорее Фонду развития

Ирака 1 млрд долл. США из нераспределенных средств на счетах, учрежденных во исполнение пунктов 8(a) и 8(b) резолюции 986 (1995)... постановляет, что после вычета всех соответствующих расходов Организации Объединенных Наций, связанных с поставками в рамках санкционированных контрактов и расходов по Программе, изложенных в пункте 16(c) выше, включая остаточные обязательства, все излишки средств на целевых депозитных счетах, учрежденных во исполнение пунктов 8(a), 8(b), 8(d) и 8(f) резолюции 986 (1995), должны быть как можно скорее перечислены в Фонд развития Ирака...». Отдельно также в тексте резолюции отмечается, что Совет Безопасности ООН «постановляет, что все экспортные продажи нефти, нефтепродуктов и природного газа из Ирака после даты принятия настоящей резолюции будут осуществляться в соответствии с преобладающей на международных рынках наилучшей практикой... постановляет далее, что, за исключением предусмотренного в пункте 21 ниже, все поступления от таких продаж будут депонироваться в Фонд развития Ирака до тех пор, пока не будет надлежащим образом создано международно признанное представительное правительство Ирака». Кроме того, согласно резолюции, всем государствам — членам ООН, в которых имелись средства прежнего правящего режима Саддама Хусейна и всех связанных с ним лиц, предписывались замораживать эти средства и направлять в Фонд развития Ирака⁵.

Все эти средства были переведены на **новый счет в Федеральном резервном банке в Нью-Йорке, называемый Фондом развития Ирака (Development Fund for Iraq), и предназначены для управления Временной администрацией коалиции (ВКА) на «благо иракского народа»**⁶. Совет Безопасности ООН, свернув к 21 ноября 2003 г. программу «Нефть в обмен на продовольствие», все свои гуманитарные проекты, активы, недвижимость и контракты с поставщиками передал в ведение Временной коалиционной администрации, управляемой США. К 31 марта 2004 г. ООН также перевела в Фонд развития Ирака, который управлялся ВКА, 7,6 млрд долл.⁷

³ Snow Announces Lifting of U.S. Iraq Sanctions. URL: <https://www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/js427.aspx>

⁴ Lifting UN Sanctions in Iraq: Supporting Iraqi Recovery and Reconstruction. URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/ei/rls/20590.htm>

⁵ Резолюция 1483 (2003), принятая Советом Безопасности на его 4761-м заседании 22 мая 2003 года. URL: [https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/RES/1483\(2003\)](https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/RES/1483(2003))

⁶ So, Mr Bremer, where did all the money go? URL: <https://www.theguardian.com/world/2005/jul/07/iraq.features11>

⁷ ООН перевела в Фонд развития Ирака 2 миллиарда долларов, принадлежавших программе «Нефть в об-

Несмотря на множество условий, выставлявшихся ООН по транспарентности расходования средств, все же этого добиться не удалось. В условиях неразвитой банковской системы в самом Ираке и вывоза иракских средств из Фонда Развития Ирака наличными из США в Ирак, открывались широкие возможности для финансовых махинаций. Американцы всячески затягивали решение по аудиту деятельности ВКА и Фонда развития Ирака. Это выразилось в том, что только в октябре 2003 г. — через полгода после свержения С. Хусейна — ООН и США договорились о начале работы Международного консультативно-наблюдательного совета (МКНС, International Advisory and Monitoring Board), включавшего представителей ООН, Арабского фонда социального и экономического развития, Всемирного банка, Международного валютного фонда.

Несколько месяцев понадобились МКНС для того, чтобы найти аудиторов, удовлетворявших запросам США. В итоге, только в апреле 2004 г. был назначен бахрейнский офис KPMG Audit & Risk Advisory Services, но уже в июне того же года Пол Бремер со своей командой покинул Ирак. К тому моменту ВКА и созданный Полом Бремером для распределения контрактов в Ираке Совет по рассмотрению программы (Program Review Board) использовал средства иракцев из Фонда развития Ирака на сумму до 20 млрд долл. (из американских фондов на момент отбытия П. Бремера было использовано только 300 млн долл.)⁸. Аудиторы отмечали проблемы в процессе реализации своей работы и трудности в вопросах взаимодействия с сотрудниками Временной коалиционной администрации, высшее и ответственное руководство которой зачастую было недоступно. ВКА отвечали, что в условиях необходимости соблюдения безопасности это было сложно, в то время как все данные аудиторам предоставлялись. Последнее опровергалось как внешними, так и внутренними американскими аудиторами⁹. Как со стороны аудиторов, так и со стороны СМИ, стали звучать обвинения в коррупции в отношении использования средств

после их поступления в Фонд развития Ирака и наличии большого числа коррупционных схем, злоупотребления, мошенничества и хищений. Сам же Пол Бремер в ответ на эти обвинения уже на слушаниях в Конгрессе США в 2007 г. отмечал, что использовавшиеся ВКА средства были иракскими, а не от американских налогоплательщиков, и направлялись в иракские же министерства (и именно оттуда самими иракцами производилось их расходование со всеми сопутствующими проблемами)¹⁰. Однако в министерства — где у ВКА были свои инспекторы — было направлено 8,8 млрд долл., остальные деньги — на контракты в рамках Совета по рассмотрению программы (часть из них так и не дошла до иракцев). Таким образом, вопросы к ВКА были в первую очередь у внутренних аудиторов.

Несмотря на ликвидацию оккупационной Временной коалиционной администрации, американцы назначили ее бывшего генерального инспектора Стюарта Боуэна на новую должность — Специального генерального инспектора по восстановлению Ирака (SIGIR), в задачи которого входил независимый надзор за финансируемыми США программами восстановления Ирака, аудит и инспекции. По отчету SIGIR, до 2013 г. самими американцами было потрачено более 60 млрд долл. с неясным «выхлопом» в контексте восстановления Ирака (который уже в 2014 г. погрузился в новый виток войны)¹¹. Доклад только подтвердил неэффективность расходования средств американских налогоплательщиков в плане иракской реконструкции, наличие большого числа коррупционных схем, злоупотребления, мошенничества и хищения.

ПАРТНЕРЫ США И НОВЫЕ ИРАКСКИЕ ИГРОКИ

Новые элиты Ирака, связанные с американскими и британскими спецслужбами, — противники С. Хусейна в период его нахождения у власти, — вернувшись в страну, обладали ограниченной легитимностью. Такие члены Высшего Управляющего Совета Ирака (первого органа власти иракцев при реальном управлении американской

мен на продовольствие». URL: <https://news.un.org/ru/story/2004/03/1051831>

⁸ So, Mr Bremer, where did all the money go? URL: <https://www.theguardian.com/world/2005/jul/07/iraq.features11>

⁹ Development Fund for Iraq. Appendix. Matters noted involving internal controls and other operations issues during the audit of the Fund For the period to 31 December 2003. URL: <http://www.iamb.info/auditrep/r123103.pdf>; <http://www.iamb.info/dfiaudit.htm>

¹⁰ THE IMPACT OF CPA DECISIONMAKING ON IRAQ RECONSTRUCTION. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-110hhr36545/html/CHRG-110hhr36545.htm>

¹¹ Learning From Iraq: A Final Report from the Special Inspector General for Iraq Reconstruction. URL: <https://www.globalsecurity.org/military/library/report/2013/sigir-learningfrom-iraq.pdf>

ВКА), как Ахмад Чалаби¹² (будущий руководитель всемогущего комитета по дебаасификации) или Айд Аляуи (будущий премьер-министр первого временного правительства Ирака) в 1980-е — 1990-е гг. проживали в изгнании на Западе, потяряли контакты с иракским населением, но были полезны оккупантам уже в постсаддамовский период.

Стоит отметить состояние банковской системы и тех иракских представителей, которые технически распределяли средства, переданные им ВКА из Фонда развития Ирака. В условиях санкций банковская система Ирака базировалась на наличных средствах и порядках, которые были непонятны оккупантам, заполонившим Ирак наличкой, но не строившим новую банковскую систему. При ВКА 13 июля 2003 г. (до 1 июня 2004 г.) был создан Иракский управляющий совет, лидеры которого передавали власть на ротационной основе, а при нем, с 1 сентября 2003 г., — кабинет министров. Но как отмечает в своей книге министр сельского хозяйства переходного периода Абдул Амир Аббуд Рахима, на деле иностранные советники при министрах управляли иракскими средствами: «ввиду отсутствия мониторинга за деятельностью министерств, это способствовало финансовой и общественной коррупции в ряде этих министерств... *краже финансовых средств государства со стороны представителей сил коалиции* (курсив авт.), которые управляли расходованием средств в этих министерствах...» [5].

Существовала взаимозависимость. С одной стороны, оккупанты и их военная сила обеспечивали положение новых элит в постсаддамовском Ираке, а с другой — новые элиты выступали в качестве лояльной к оккупантам непосредственно иракской группы, помогавшей устанавливать им новые выгодные порядки. Стоит отметить, что все это протекало в условиях начала партизанской войны против оккупационных сил и их сторонников.

Боевые действия и развитие партизанского движения, как и террористические акты, стали обыденными в Ираке после свержения режима С. Хусейна. Новые власти в представлении населения были «предателями родины», близкими к оккупантам. Причем, если говорить об этноконфессиональном срезе, то в первые

годы после вторжения американцам пришлось справляться с сопротивлением как суннитского, так и шиитского населения. В результате свержения С. Хусейна, выходца из суннитской среды, эта часть населения оказалась маргинализованной пришедшими к власти и поддержанными США шиитскими политическими силами. Дебаасификация в основном ударила по представителям этой группы населения, как и развернувшиеся бои и террористические акты были наиболее известны именно в зонах расселения суннитов. Получило распространение выражение «суннитский треугольник», или «треугольник смерти», как его называли американские солдаты и журналисты, — зоны расселения суннитов на северо-западе страны. Сами американцы признавали допущенные ими в этих зонах «ошибки»¹³.

Широко известно, что проводились боевые действия между американскими войсками и сторонниками одного из шиитских духовных лидеров Ирака, выходца из авторитетной религиозной семьи Муктады ас-Садра. Он, в отличие от назначенных американцами управлять страной иракцев, во время правления Саддама жил в Ираке. После американского вторжения его сторонники не получали допуск к властным ресурсам в стране, как это делали непосредственно приближенные к оккупантам лица. В борьбе с военизированной структурой М. ас-Садра «Армией Махди» американцы несли серьезные потери. Бойню удалось остановить при помощи верховного духовного лидера шиитов Ирака великого аятоллы Али ас-Систани. В дальнейшем стало возможным включение сторонников садристского движения в политический процесс — на это пришлось согласиться как американцам, так и их иракским клиентам. Садристы неизменно получали десятки мест в парламенте на всех выборах постсаддамовского Ирака.

Если американцам удалось решить проблему с Муктадой ас-Садром путем интегрирования его движения в политический процесс, то с суннитскими политическими силами все обстояло сложнее. Новые иракские власти во главе с премьер-министром, выбиравшимся из шиитской общины (против чего не были и США), постоянно их преследовали и обвиняли в приверженности

¹² ООН призывают на службу Америке. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/477205>

¹³ Special report. Who Are the Insurgents? UNITED STATES INSTITUTE OF PEACE. URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/sr134.pdf> (last visited: 14.02.2022). P. 8.

баасизму и терроризму. Это приводило к радикализации суннитского населения, что содействовало их симпатиям более радикальным антиправительственным группам. Ситуация дошла до образования радикальной организации Аль-Каида в Ираке (запрещена в РФ), угрожавшей как местному населению, так и американским солдатам.

Обозначенный выше исторический контекст помогает определить условия, в которых находился Ирак после старта процесса снятия санкций. Но часть санкций в отношении Ирака сохранялась до 2010 г. К 2009 г. американцам и иракским племенам [движение «Сахва» (Возрождение)] удалось побороть террористическую организацию, что дало шанс на достижение договоренностей между правительством и местными элитами в условиях проведения выборов в Советы провинций и парламент страны в 2009–2010 гг. Однако этим шансом воспользоваться не удалось.

Централизация власти при премьер-министре Нури аль-Малики, недоверие Сахва и апатия американцев, стремившихся покинуть Ирак к концу 2011 г., вели к новому витку внутрииракской конфронтации. Неспособное предоставить простейшие услуги населению багдадское правительство столкнулось с протестами в суннитских районах страны. Маргинализация суннитских политиков, аресты, судебные разбирательства против них снова привели к отчуждению суннитского населения. Лидеры племенных движений либо были вынуждены покинуть политический процесс (как и Ирак), либо систематично истреблялись радикалами. Вместе с нестабильной региональной обстановкой, падением цен на нефть, экономическими проблемами это способствовало ослаблению государственности Ирака, а позднее — распространению организации «Исламское государство» (ИГ, запрещена в РФ).

Иракский политический истеблишмент при помощи Ирана, США и других игроков сумел в очередной раз справиться с угрозой распада государственности. К концу 2017 г. иракским правительством было объявлено о победе над ИГ. Несмотря на казалось бы грандиоз-

ные изменения во внутривнутриполитическом поле (с ребрендингом партий), элита сохранялась. Развернувшиеся в 2018 гг. протесты в Ираке, как и обострение американо-иранской конфронтации, не повлияли на постаддамовскую политическую элиту. Угроза новых санкций перед страной возникла по вопросу взаимодействия с подсанкционным Ираном. Тем не менее американцы неизменно делали исключения из санкций (waivers) для Ирака. Он испытывает зависимость от импорта иранской электроэнергии, и своими санкциями американцы могут просто оставить иракцев без электричества в условиях отсутствия альтернативного поставщика электроэнергии.

ВЫВОДЫ

Несмотря на всеобъемлющий характер санкций против Ирака в 1990-е гг., иракскому правительству удавалось маневрировать, а элите сохранять свои позиции в обществе. Режим С. Хусейна в течение десятилетия нивелировал эффект от санкций для своей власти, сохранял живучесть государственного аппарата и даже осуществлял торговлю, в том числе контрабандную, с другими странами. Разрушение режима санкций получило серьезный толчок в связи с программой «Нефть в обмен на продовольствие» в 1996 г. Затем иракские власти находили и другие лазейки, позволявшие продавать нефть и получать доход от ее реализации. К 2002 г. намечались изменения в региональном признании Ирака, власти чувствовали себя увереннее, чем в начале 1990-х гг. США и ведомая ими коалиция воспользовались ослабевшим Ираком и вторглись в страну в 2003 г., свергнув режим С. Хусейна. Постконфликтная ситуация и оккупационное положение, в котором оказался Ирак во главе с новой властью, требовал новых подходов. Снятие санкций было обусловлено необходимостью стабилизировать новый и близкий оккупантам политический режим в стране после свержения С. Хусейна, а также способствовало обогащению связанных с этой военной политикой отдельных лоббистских групп в США.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Мамедов Р. Ш., Морозов В. А. Влияние санкций ООН и США на политическую элиту Ирака. *Вестник МГИМО-Университета*. 2020;13(1):129–146. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-1-70-129-146>
Mamedov R. Sh., Morozov V. A. The impact of the UN and US sanctions on the political elite of Iraq. *Bulletin of MGIMO-University*. 2020;13(1):129–146. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-1-70-129-146>

2. Edward L.R. New U.N. Debate on Iraq: The “Smart” Sanctions Approach. URL: <https://www.akingump.com/web/944/aogH3/236.pdf>
3. Christopher C. J. United Nations Sanctions after Iraq: Looking Back to See Ahead. *Chicago Journal of International Law*. 2003;4(2):329–331.
4. Chitalkar P., Malone D. The UN Security Council and Iraq. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/175025/WP01-TheUNSCandIraq1.pdf>
5. Аль-Абуд А.А.Р. Когда я был министром: биография и иракские наблюдения. URL: https://www.google.ru/books/edition/%D8%B9%D9%86%D8%AF%D9%85%D8%A7_%D9%83%D9%86%D8%AA_%D9%88%D8%B2%D9%8A%D8%B1%D8%A7/Jp3_CgAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0
Al-Abud A.A.R. When I Was a Minister: A Biography and Iraqi Observations. URL: https://www.google.ru/books/edition/%D8%B9%D9%86%D8%AF%D9%85%D8%A7_%D9%83%D9%86%D8%AA_%D9%88%D8%B2%D9%8A%D8%B1%D8%A7/Jp3_CgAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0 (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Руслан Шакирович Мамедов — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

Ruslan Sh. Mamedov — Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-9783-5500>

rshmamedov@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 05.02.2022; принята к публикации 25.07.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 05.02.2022; accepted for publication on 25.07.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.